

проталина

дух дышит, где хочет

Вы спросите, почему новый журнал получил название «Проталина». Ответ прост. В трудное для литературы время наша общая боль — как помочь начинающим авторам и тем, кто отправляет свои рукописи в стол, пробить дорогу к сердцу читателя. «Проталина» готова взять на себя часть этих забот. Родоначальником доброй идеи явился Поэт с большой буквы Александр Гришин. Он ушел из жизни до обидного рано, но не ушел из нашей памяти. Первый номер журнала мы и посвящаем ему.

Культура тоже нуждается в защитнике.

Этот журнал вышел в свет благодаря Вашей помощи.

www.aura-e.ru

содержание

Долги наши

Ирина Тарабаева

За веру и верность

Сразу две награды в один день. Орден и медаль. Но за всем этим парадным блеском никто не видит подлинной жизни человека, который старался не кривить душой.

Олег Пашук. Фото.

10

Посвящение

Александр Гришин

«Под крылом своим»

«Инфаркт». Стихи

Настоящий подвижник культуры — культуры провинции. Поэт с большой буквы. Он ушел из жизни до обидного рано, но не ушел из нашей памяти...

14

Мой письменный верный стол

Виктор Говорков

Мотив в прозе

Он родился в Свердловске, а живет в Екатеринбурге. И он — проводник влюбленных. Говорит о славе добра, предостерегает от сытого равнодушия. Правда, его никто не слушает.

Александр Токарев. Фото.

Ольга Аплеснина. Иллюстрации.

16

Вадим Касатский

Ограбление (иронический рассказ)

Служил вольнонаемным врачом в колымских лагерях. Был осужден за антисоветскую деятельность. Покорял горные вершины. А еще он пишет прозу и стихи.

Марина Муратова. Иллюстрации.

28

Владимир Лозманов

Рассказы бывшего моремана:

Мишкина акула

Крушение

«В стук из перевернувшегося буксира слышались «точки-тире» морзянки.

- Это мой сын, - сказал, побледнев, старший механик.

Все вокруг ахнули...»

34

Неравнодушный взгляд

Елена Минакова

Держава по имени Босоногова

О времени и о судьбе. О поисках человечности в нашем сумбурном мире.

Сергей Киселев. Фотовернисаж.

38

Евгений Пинаев

Думы у причала (извлечения из избранного)

Он болеет морем, а живет на Урале... Вечный матрос на якоре.

64

Спаси меня, Леонардо!

Валерий Костюков

Записки на полях нотной тетради.

Хор за «колючкой»

Безобидные хитрости по обучению уголовников хоровому пению. Из жизни свердловского лабуха.

48

Виктор Филимонов

Относительный художник

Мэтру свердловской богемы посвящается... Искренне, светло и самолетик в небе.

Елена Тихомирова (фото).

Иван Рыжков (фото).

54

Терновый венец

Борис Галязимов

Лонгфелло из рода манси (очерк о Юване

Шесталове)

«Певец глухариных урманов», «шаман зацветающей тундры», «сын Луны и племянник Солнца», «заклинатель неправды и злобы» — и это все о нем.

Иван Сапожков. Фото.

60

Далеко от Москвы

Елена Минакова

Чаша

Один день из жизни исчезнувшей деревни.

72

Автограф на память

От редакции

Колокол бессмертного Бориса

Борис Чичибабин

«В гостях и дома». Стихи. Автограф.

Извлечения из избранного

80

Гуттаперчевый мальчик

Слово в дорогу от редакции

В поисках детской прозы

Александр Папченко

Мы — инкубаторские

«- Вы все одинаковые, - говорю, - концлагерные...» - кричу, а самому тошно».

Рассказы о лишенных детства.

Марина Дехтяренко. Иллюстрации.

Марина Муратова. Иллюстрации.

90

Елена Тихомирова

И суша тоже может стать морем

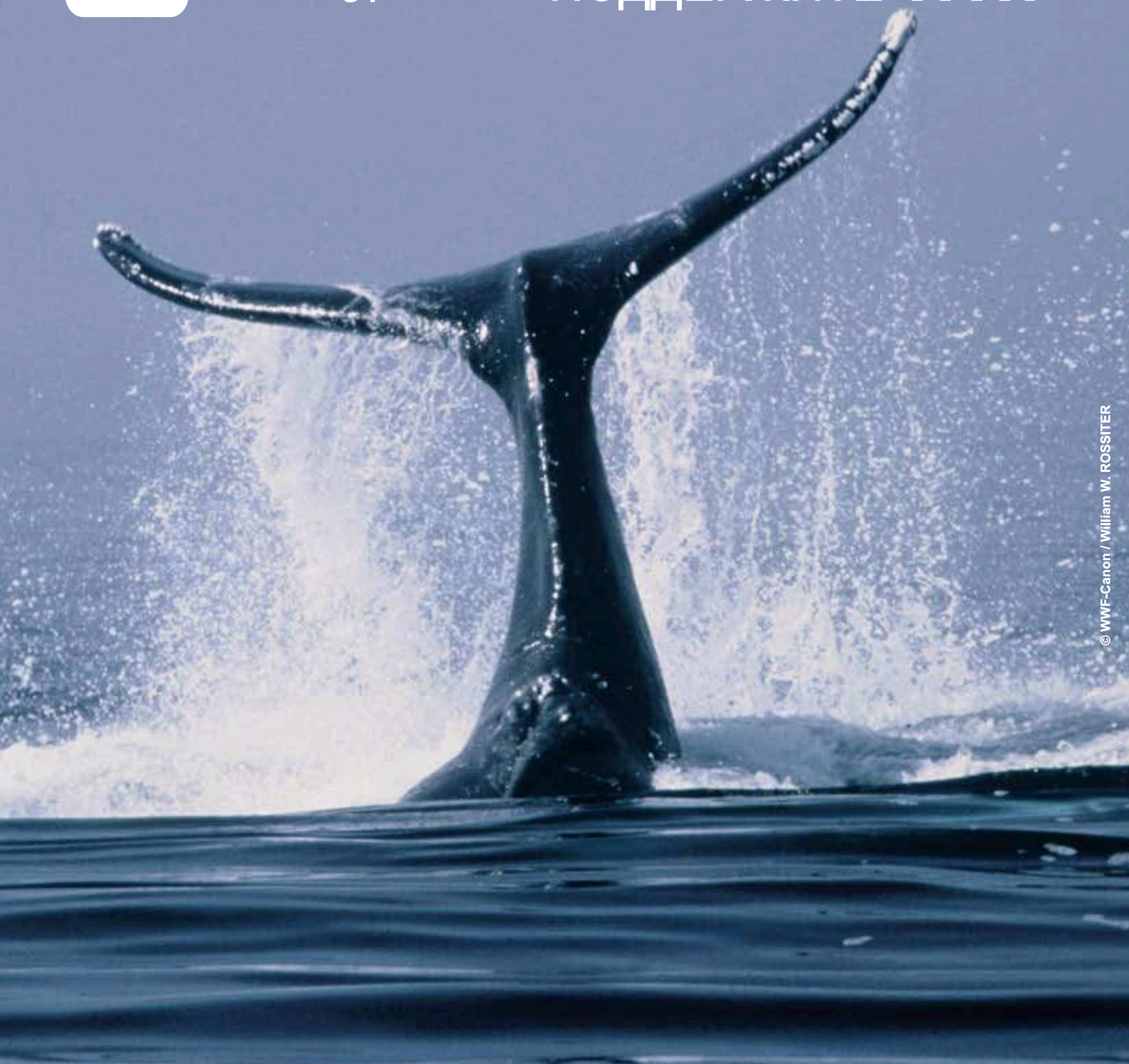
Современная «педагогическая поэма». Как благодаря фантазии одного взрослого появились на Урале море, ветер и приключения.

110

ПОМОГИТЕ ПРИРОДЕ РОССИИ - ПОДДЕРЖИТЕ WWF

for a living planet®

© WWF-Canon / William W. ROSSITER

Данная реклама является бесплатной

Интенсивное браконьерство, растущий неконтролируемый туризм, экологически опасные проекты по добыче нефти и газа - основные угрозы морским экосистемам. Морская программа WWF России помогает морским и прибрежным охраняемым природным территориям, препятствует нелегальному

вылову биоресурсов, влияет на экологическую политику нефтегазовых компаний... Но многие задачи еще только предстоит решить...

Помогите заповедной природе, поддержите WWF!

Звоните: (495) 995 00 00

Заходите на сайт: www.wwf.ru/help_us

**www.
wwf
.ru**

Ирина Тарабаева

Заяц , который обскакал весь мир

Секреты от известного тюменского детского писателя
Станислава Мальцева: «Пишите медленно и думайте о том,
что пишете».

Сергей Киселев. Фото.

114

Страна, которой нет

Слово в дорогу от редакции

«Если бы не было фантастов...»

Тимофей Николайцев

Новый журнал или очередное шоу?

Андрей Щупов

«Жили два друга...»

Свердловская «Аэлита». Ее создали два друга, два
писателя, необычные для землян.

Фотографии из архива автора.

118

Алексей Zubov

Две бусинки

Тайна светлого. Рассказ о первой любви.

Марина Муратова. Иллюстрации.

122

Сергей Другаль

«Сергею Другалю, фантасту и другу уральских

фантастов — 80 лет!» (извлечения из избранного)

130

Твой собеседник

Александр Волынцев

Поле Куликова

Убийца звалась Течей. Откровения очевидца трагедии на
Челябинской земле.

132

«проталина»

Литературно-художественный и публицистический журнал.

Издается с апреля 2008 года ежеквартально. Екатеринбург, № 1 (1), 2008 год.

Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Проталина».

Журнал «Проталина» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия (Москва). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-30971 от 22 января 2008 года.

Главный редактор Елена Минакова-Чернова.

Редакция:

Зам. главного редактора по литературным вопросам Борис Галязимов,

Зам. главного редактора по общим вопросам Виктор Филимонов,

Руководитель службы по связям с регионами Ирма Плис,

Дизайнер Николай Пискулин.

Редакционный совет:

Тимофей Николайцев (Новосибирск), Александр Папченко (Екатеринбург), Андрей Щупов (Екатеринбург).

Особая благодарность литератору Виктору Говоркову за бескорыстную помощь в формировании журнала.

предисловия, и даже ко-
ро сегодня награждаются
ежегодными лучшими поэтами
премии и лучшие поэты
самые обаятели.

И я рад, что Елена Милан-
кова вновь возрождает "Аро-
гамму" - журнал, уже в
виде журнала. Безусловно,
теперь новому изданию про-
дажного успеха, а его со-
трудники всеческих благ.

Очень хочется поддержать в
руках, почитать то, что роди-
лось от многолетней мысли,
воплощено в печать и вышло из
~~рук~~ редакторов и много.
Писательские авторы.

Вампири

С уважением и любовью
Ю. Бакулин, заслуженный работ-
ник культуры РФ, "Золотое перо"
и "Итоговая пресса".

Из напутствия Юрия БАКУЛИНА, верного друга "Проталины".

Корректор Екатерина Березина.

Предпечатная подготовка • Игорь Подвысоцкий.

Общественный совет:

Юрий Бакулин, заслуженный работник культуры Российской Федерации (Тюмень), Людмила Гривачевская-Гришина, страший преподаватель кафедры фонетики и грамматики славянских языков Киевского национального университета (Киев), Сергей Другаль, писатель-фантаст (Екатеринбург), Вадим Дубичев, директор департамента информационной политики Губернатора Свердловской области (Екатеринбург), Владимир Кузнецов, председатель Тюменского отделения Союза журналистов России (Тюмень), Татьяна Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека Свердловской области (Екатеринбург), Евгений Пинаев, писатель, художник (Екатеринбург), Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности, писатель (Москва).

Адрес редакции:

Печать: Издательский Дом «Филантроп».

Подписано в печать Заказ № Тираж 1000. Цена свободная.

Редакция не рецензирует рукописи и не возвращает их авторам. Журнал размещает рекламу, приглашает к сотрудничеству спонсоров. Все финансовые поступления направляются на развитие журнала. За содержание рекламных материалов журнал ответственности не несет. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции. По вопросам распространения обращаться в редакцию.

СЛОВО В ДОРОГУ

главный редактор
елена минакова

Уж так на Руси повелось. Провожая своего питомца в дальнюю дорогу, родители обращались к нему с добрым напутственным словом. «Проталина» — наше детище. И мы не хотели бы отходить от давней традиции. Почему журнал получил название «Проталина»? Ответ простой. Была перестройка. Нужны были новые идеи. И поначалу родилась такая идея — литературное приложение к «Тюменским известиям» как альтернатива канонам застоя. Ее родоначальником явился Поэт с большой буквы Александр Гришин. Он ушел из жизни до обидного рано, но не ушел из нашей памяти. В своем первоначальном варианте «газета в газете» (две полосы) исчерпала свою роль — и два года назад прекратила существование. «Почка», тем не менее, раскрылась на Урале. Былой коллектив единомышленников решил продолжить начатое дело. Эту инициативу поддержали и уральцы, и авторы из других городов страны.

Новый журнал под тем же названием решено было посвятить памяти поэта, настоящего подвижника культуры Александра Гришина. Он болел за нее душой, а больше всего — за ее носителей, живых людей, которые, несмотря на всевозможные ненастья, связанные с социальными реформами, не прекращали заниматься своим благородным делом...

«Проталина» — ощущение весны, обновления природы. Новый литературно-художественный и публицистический журнал под таким названием обрел прописку на Урале, в крае, богатом литературными традициями, и он наполнен голосами малоизвестных, самобытных, а главное, честных, авторов.

«Проталина» — внутренний мир неординарно мыслящего человека. Ему сегодня нелегко. Многие любители словесности замечают, что постепенно вымывается мудрое писательское Слово. На смену ему приходят коммерческие поделки, и всему царь — Рубль. Мы решили в какой-то мере помочь начинающим талантливым авторам и тем, кто отправляет свои рукописи в стол, пробить дорогу к сердцу читателя. Настало время говорить в открытую: когда культурные устои рушатся, должны появиться их защитники.

«Проталина» — добрый и мудрый собеседник. Не случайно родился девиз журнала «Дух дышит, где хочет», созвучный христианской мудрости. Дух мудр, всеведущ, и от него разрослась вся культура человечества. Разумеется, в этой культуре нет и не может быть понятия — провинция. Главный принцип издания: все определяет талант, его духовный и нравственный посыл.

Так что приглашаем вас в путь!

Туристическая фирма «Любава» может Вам предоставить отдых даже в Антарктиде. А пока открывает чартерные рейсы в Доминиканскую республику, в Коста-Рику и в Индонезию. Все справки по телефонам в Тюмени: (3452)462-795, 243-235, 704-724.

цена тихой славы

Обычай награждать людей за их ратные подвиги утвердился на Руси с незапамятных времен.

Петр I учредил орден имени Святого апостола Андрея Первозванного в знак признательности верным Отечеству за их воинские заслуги и государственную службу, и с тех пор на груди россиян стали появляться знаки доблести.

Новое время всегда требовало новых почестей.

Перед Вами, уважаемый читатель, награды демократической России, учрежденные общественными организациями.

Орден «За веру и верность»

и медаль «Флот, честь, Отечество» недавно получил писатель-певец сибирской глубинки из рук представителей Всероссийской общественной организации «БОЕВОЕ БРАТСТВО».

Долги наши — запоздалая дань поколению, не требующему от государства особых почестей.

**Орден
«За веру и верность»**

**Медаль
«Флот, честь, Отечество»**

цена тихой славы

ирина тарабаева
олег пашук (фото)

Накануне дня Победы в гости к тюменскому писателю и краеведу Борису Галязимову пришли представители Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». Пришли, чтобы вручить классику медаль «Флот, честь, Отечество» и орден «За веру и верность».

Борис Иванович растерялся — никак не ожидал...

Жить привык на лезвии. Родился и семь лет провел в березовском ГУЛАГе. Потерял всю родню: одни погибли в сталинских лагерях, другие — на фронте. И вдруг сразу две почетные награды, в названиях которых «честь и «верность» — понятия, всегда служившие ему путеводными маяками.

— За что? — спрашиваю.

— За то, наверное, что не кривил душой! — отвечает с ходу. Для Галязимова самое главное — умение жить по совести. Хотя у нас за это орденов не дают.

Есть у Бориса Ивановича заслуги, о которых знают немногие, но которые, к счастью, не остались незамеченными «Боевым братством». Писатель четыре года отслужил во флоте. Два года — корреспондентом в газете «Боевая вахта». А большие дела вершил, уже осев в Тюмени. Организовал в городе клуб юных моряков, в котором занимались 150 безнадзорных ребятишек. Вozил подопечных в Москву, Владивосток, Одессу, Севастополь. Обучал азам морской службы на теплоходе «Наутилус», который ходил по водным путям Тюменского Севера. Многие из его воспитанников позже пошли в морской и речной флот.

В 70-х годах прошлого столетия Борис Иванович долго добивался (по личной инициативе), чтобы одна из подводных лодок Тихоокеанского флота была названа «Тюменский комсомолец». Цели своей достиг. С тех пор экипаж лодки набирали исключительно из сибиряков. И Галязимова тоже (правда, номинально) включили в экипаж матросом. У него сохранилась грамота, подписанная командиром войсковой части, в которой есть такие слова: «Гордись! Пути-дороги твои пролегли на меридианах мужества. Назначение твое — стать настоящим подводником, властелином глубин».

Неугомонный краевед вернул тюменскому краю немало забытых имен. Установил, что Мария Цуканова, герой Советского Союза, погибшая в корейском городе Сейсин, родом из села Смоленка Абатского района. Благодаря упорству Бориса Ивановича в ее честь были названы две улицы — в Тюмени и Абатском, имя нашей отважной землячки появилось на обелиске славы у Вечного огня и вошло в книгу «Герои земли Тюменской».

О подвиге юной партизанки Лидии Демеш, чьи корни тоже были из Тюмени, писатель рассказал в своей повести «Летели под откос эшелоны». А позже добился того, чтобы ее именем назвали сухогруз Камчатского морского пароходства. Благодаря серии газетных публикаций Галязимова (40 с лишним лет отдал тюменской журналистике!) в честь наших земляков Юрия Ахметшина из Ханты-Мансийска, Александра Шестакова из Тобольска и Анатолия Яковлева со станции Вагай, погибших на острове Даманском, были названы теплоход, катер и тепловоз. Писатель является обладателем почетного знака «Следопыт» и лауреатом журнала «Уральский следопыт». А его сборник краеведческих очерков «Легенды седого Иртыша» еще в 70-е получил высокую оценку ученого сообщества.

Две награды в один день. Орден и медаль. Но за всем этим парадным блеском никто не видит подлинной жизни человека, который всю свою жизнь старался никогда не кривить душой.

долги наши

александр гришин

Родился 5 ноября 1948 года в Украине, в городе Енакиево. Закончив Санкт-Петербургский университет, в 1973 году приехал в Тюмень, с которой связал всю последующую жизнь. В этом же году в июльском номере журнала «Юность» появилась подборка стихотворений — первая серьезная публикация. Книжки и подборки стихов больше и охотнее печатали не родные — уральские и сибирские — а столичные издания: журналы «Октябрь», «Знамя», «Наш современник», издательства «Советский писатель» и «Современник», московские альманахи. Рецензии и статьи о стихотворениях Александра Гришина опубликованы в журналах «Нева», «Знамя», «Литературная учеба», «Огонек», «Урал», в «Литературной газете», «Литературной России», «Комсомольской правде» и других изданиях. 19 октября 1998 года его не стало.

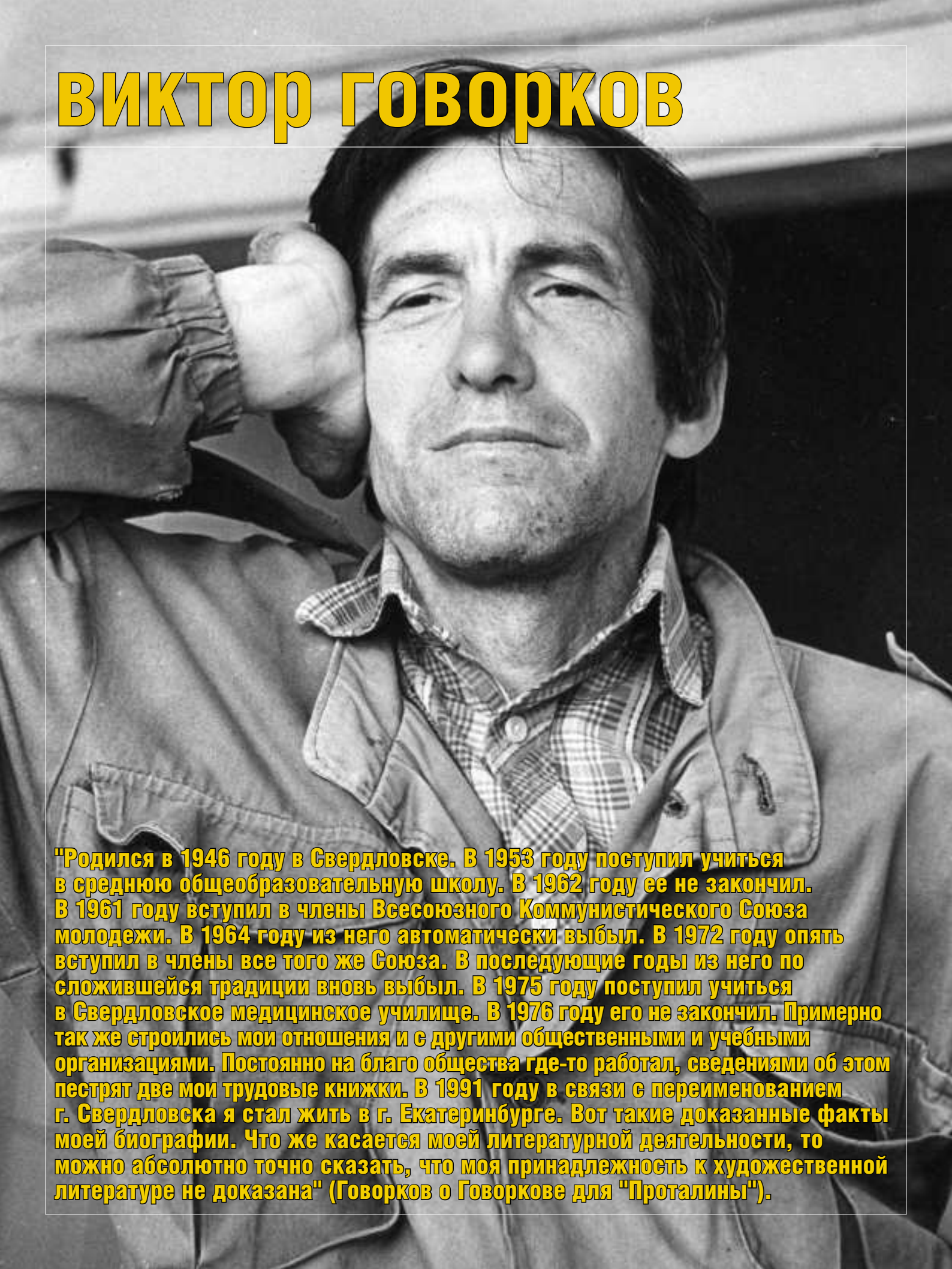
ПОД СВОИМ КРЫЛОМ

Пока! Пока!

*Конечно... Что случится?
Не знаю боли,
да, неуязвим.*

*Мне так близка
в открытом поле
птица,
ночующая
под крылом своим...*

ВИКТОР ГОВОРКОВ

A black and white portrait of Viktor Gorkov. He is a middle-aged man with dark hair, looking slightly upwards and to the right. He is wearing a light-colored jacket over a plaid shirt. His right hand is raised, with his fingers resting behind his head. The background is dark and out of focus.

"Родился в 1946 году в Свердловске. В 1953 году поступил учиться в среднюю общеобразовательную школу. В 1962 году ее не закончил. В 1961 году вступил в члены Всесоюзного Коммунистического Союза молодежи. В 1964 году из него автоматически выбыл. В 1972 году опять вступил в члены все того же Союза. В последующие годы из него по сложившейся традиции вновь выбыл. В 1975 году поступил учиться в Свердловское медицинское училище. В 1976 году его не закончил. Примерно так же строились мои отношения и с другими общественными и учебными организациями. Постоянно на благо общества где-то работал, сведениями об этом пестрят две мои трудовые книжки. В 1991 году в связи с переименованием г. Свердловска я стал жить в г. Екатеринбурге. Вот такие доказанные факты моей биографии. Что же касается моей литературной деятельности, то можно абсолютно точно сказать, что моя принадлежность к художественной литературе не доказана" (Говорков о Говоркове для "Проталины").

МОТИВ В ПРОЗЕ

ольга аплеснина (иллюстрации)
андрей токарев (фото)

сапоги

— Есть двустрочные сапоги, а есть трехстрочные, с перебором. Когда три строчки, те сапоги крепче.

— Ну, ясно, — сказал я.

Отец поучающе на меня смотрит. У отца такая манера: взглядом доводить до ума, и это у него получается.

— Если ты сейчас собираешься за сапогами, то пошли, пройдемся по Сортировке. Я лучше тебе сам покажу на сапоге.

...Воздух вдыхается как будто с облегчением. Так глубоко дышится!

Мы с отцом шли по пешеходному тротуару мимо ПТУ, и я думал, что вот — последние дни хожу по Сортировке. И, собственно, сапоги-то мне нужны — в дорогу. Конец сентября, листья с деревьев быстро облетают, и почему я не могу за ними угнаться — потому что много дней трачу попусту на одно и то же (тоскливо еще и оттого, что на одном и том же месте).

Сапоги мы не нашли.

— Ну что, придется тебе в город ехать, — сказал отец.

Мы остановились на трамвайной остановке. Один путь убрали, вместо него — длинная канава. Трамваи ходят в ту и другую сторону по очереди.

Сейчас трамваи шли как раз в сторону от города.

В этот момент сильный порыв ветра стал густо сбрасывать листву. Летящая рябь покрыла остановку, канаву, фигуры людей. Какой-то лист шершаво задел меня по лицу, за ним черкнул по щеке другой. Я уставился на этот желтый дождь, отец смотрел в ту же сторону, но он ничего этого не видел, потому что сказал:

— Видишь, сейчас вот трамваи все туда пройдут — а потом пойдут обратно в город. Так что ты постой, подожди.

— Нет, я лучше пройду. Трамваи меня нагонят.

— Ты что, хочешь сказать, что движение — это здорово? — с тонкой улыбкой сказал отец.

— Ничего я не хочу сказать. Просто терпения не хватает стоять.

— Вот и я такой же. Не люблю ждать — на одном месте!..

**КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ,
ЛИСТЬЯ С ДЕРЕВЬЕВ
БЫСТРО ОБЛЕТАЮТ,
И ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ
ЗА НИМИ УГНАТЬСЯ?**

булочная

Я подошел к булочной со двора. У окна раздачи стояли отец и брат Юрка.

Отец уже брал хлеб, а Юрка отца дожидался.

День был какой-то серенький. А сейчас вроде бы даже начинало капывать.

На самом деле просто на крыльцо раздачи с крыши капало от оттаявшего (слишком раннего для октября) снега. Стена дома была темно-коричневая, грязная...

Отец меня увидал.

— А-а, Витя! Тоже за хлебом? — скороговоркой, буднично спросил он. Опустил глаза, заталкивая хлеб в сумку.

Я всунул в окошко и попросил хлеб за 18 копеек. К отцу я стоял спиной. Но когда повернулся, то увидел, что он уже стоял ко мне лицом (покончил с хлебом), и в этом было что-то просящее.

Я же так просто открыться ему не мог.

— У тебя от дома ключ есть?.. — спросил он меня.

— Есть. А у тебя что, нету? — Я по привычке сказал «у тебя». Ведь отец с нами уже не живет.

— Почему? Есть у меня. Это я хотел у тебя спросить, — сказал отец очень серьезно... Наверно, тоже по привычке.

Он смотрел на меня умно и как-то ожидающе. Это было тоскливо.

Я отвернулся, чтобы взять хлеб. Спрятался за этим делом. Отец измывался над нами столько лет, и теперь я, хотя и обрадовался встрече с ним, все же стоял к нему спиной. Тысячу раз я завидовал тем счастливым семьям, в которых сыновья без стеснения, открыто могут проявлять свои сыновьи чувства.

Что-то запеклось внутри, что-то угрюмое.

Отец и сейчас заставлял меня страдать. Я смотрел на него, как на потерянного мною отца.

картина ролла-мано

Художник Ролла-Мано никак не мог продать свои картины.

Он старался писать поинтересней, чтобы люди могли купить.

То он нарисует воров, похищающих маленькую дочку миллионера. Вздвигается занавеска спальни от ночного ветра, ребенок пытается кричать, но разбойники зажимают ему рот и торопливо пишут записку папаше, требуя выкупа. То он нарисует ресторан, в котором сидит банда, отмечая день рождения своего главаря, а в окна и двери вваливаются с наганами блюстители порядка.

То погоню за браконьерами.

То вышедших из повиновения роботов, бегающих за своими хозяевами.

То драку на почве ревности.

То свадьбу.

И везде, во всех его картинах присутствовало множество людей. Он считал, что так будет лучше. Вдруг,

**НО ВОТ
ОДНАЖДЫ
ОН ВСТРЕТИЛ
ДЕВУШКУ,
КСТАТИ, НЕЛЬЗЯ
СКАЗАТЬ,
ЧТОБЫ ОЧЕНЬ
СИМПАТИЧНУЮ,
НО ОН
ВЛЮБИЛСЯ.**

к примеру, какому-нибудь покупателю понравится лицо разбойника? И поэтому он старался рисовать разные, даже очень симпатичные разбойничьи лица.

Но беда была в том, что самого Ролла-Мано ни-сколько не интересовали собственные картины. Он их писал только ради денег. Поэтому без его душевного жара даже самые захватывающие картины были холодными и оставляли зрителей равнодушными. Никто не покупал картины Ролла-Мано.

Но вот однажды он встретил девушку, кстати, нельзя сказать, чтобы очень симпатичную, но он влюбился. Волнуясь, взялся он за картину, в которой хотел передать ее образ. Вновь и вновь он бросал работу и начинал снова. Ему все казалось, что у него плохо получается.

Наконец, он просто нарисовал лес. Работал он как-то лихорадочно, торопливо, и поэтому общая картина леса у него получилась не очень отделанная. Но эта картина у него впервые по настоящему была населена человеком. И ее купили.

УВЫ, ЭТО НИКАК НЕВОЗМОЖНО

Один богатч хотел подарить зимой бедному странствующему монаху свою старую изношенную шапку. Монах посмотрел на шапку и сказал, что у него от нее будет болеть голова. «Что ты хочешь этим сказать?» — спросил богатч. «Шапка напичкана твоими греховными мыслями», — ответил монах. «Ну так почисти шапку. Все лучше, чем ходить в стужу с непокрытой головой», — сказал богатч. «Увы, почистить никак невозможно, — тяжело вздохнул монах. — Пусть уж лучше с непокрытой головой! У тебя проблем больше».

* * *

Человек хочет войти в жизнь через дверь с этой стороны (а это его представления, мечты, планы, желания), но, увы, чаще всего бывает, что от него держат дверь — с другой стороны.

* * *

Пусть кажется странным нарушение пропорций в картинах Эль Греко. У него, например, непропорционально большие руки (по сравнению с другими частями тела), воздетые к небу... (Вот до каких размеров выросло у человека его горе!). Не правда ли, Эль Греко следовал чему-то большему, чем просто физическим указаниям природы.

* * *

Что такое открытая система? Сразу пройти вперед своего товарища в узкую дверь (в которую можно только по одному) и, оглянувшись, сказать простодушно-шутливо: «Не люблю эти расшаркивания: пропускать вперед себя. Я себе цену знаю!» Это эпатаж, прикол,

**С ОДНОЙ
СТОРОНЫ
УБЫВАЮЩИЙ
ДНЕВНОЙ
СВЕТ,
С ДРУГОЙ
СТОРОНЫ...**

вызов общественной морали, в которой этикетом принято, якобы, думать о других.

последний вечер

Ты и я шли разобщенно, и что-то там уже высматривали в темноте твои пестрые глаза. Только странно было, что мы идем еще вместе. Пошелестев безразлично зелеными листьями, ветер нам зачитал послужной список нашей любви. Я про себя отметил грустно, что эта заслуга ничего уже нам не давала.

ревность

Женщина затеплила лампаду, и в ответ на северном небосклоне взошла звезда. В это же время другая женщина на другом конце города тоже затеплила лампаду, и на южном небосклоне — другая взошла звезда.

диалогия

Первая его жена была сухощавая страстная натура. Она всегда выдвигалась с гитарой впереди него и играла рок для самой себя.

Его вторая жена — это его единственная женщина! Потому что они уже вместе играют рок для двоих.

* * *

Один человек — это одна нога. Для того, чтобы ему обрести опору, ему надо встать на другую ногу, а это значит — подумать о другом человеке.

ангел-хранитель

Мне совсем было черная кошка дорогу перебежала. Но тут на нее с дерева бросилась белая кошка, и черная отпрянула назад. Путь мне был расчищен. Хранит меня судьба!

подмостки для всех

Гитара для меня почему-то связывается с осенью. Мне нравится именно задумчивая гитара, ее неторопливые переборы.

Я слышу ее в мягком шорохе падающих листьев, и когда они проносятся близко от лица, то становятся большими, и потом опять открывают лес.

Не знаю почему, звучащая гитара больше повествует об осени, о скрипе тележных колес по разбитой береговой дороге, прикрытой склонившейся пышной веткой.

Мне дороги праздничные представления, которые открываются с каждым уходом предрассветной тьмы. Осень расположилась табором, балаганом бродячего театра, и как эмблему своего посещения на какое-то мгновение она прикалывает на грудь большой кленовый лист.

**МНЕ СОВСЕМ
БЫЛО ЧЕРНАЯ
КОШКА ДОРОГУ
ПЕРЕБЕЖАЛА...**

Кажется, ничто другое яснее не предъявляет всем нам счет. Ничто в природе не дает нам лучше почувствовать, что ушло — какое-то время... И мы, каждый, держим ответ перед самими собой. Независимо от того, у кого как сложилась жизнь и кто он по профессии. Мне часто приходит в голову, что осень — это призвание. Общее для нас.

* * *

Ехали в трамвае знатный вельможа и садху. Вот первый и говорит второму, что ему времени не хватает. «Потому что много времени тратишь на мелочи», — пронизательно заметил садху. «Ну а как же! — изумляется вельможа. — Если хочешь везде успеть, надо торопиться». «Смотря кто чего хочет, — говорит садху. — Если ты считаешь, что тысяча мелочей — это для тебя важно, то тебе надо действительно всю торопиться. И все равно не успеешь!»

* * *

Почему показывают по телевизору интервью со старушкой без обеих ног? («Я 30 лет уже езжу на тележке в Печорский монастырь!»). Зачем? Нельзя это напояказ. Не надо раздражать внешнее внимание, развивать простое любопытство, переходящее в пустоту и бездушные, а надо идти вовнутрь, в сокровенную жизнь (неизвестно, какую, — ну и не надо, все равно когда-нибудь узнаете). Духом прозревайте, а не глаза пяльте и не пальцем показывайте! (А видеокамеры уж, конечно, уберите!).

* * *

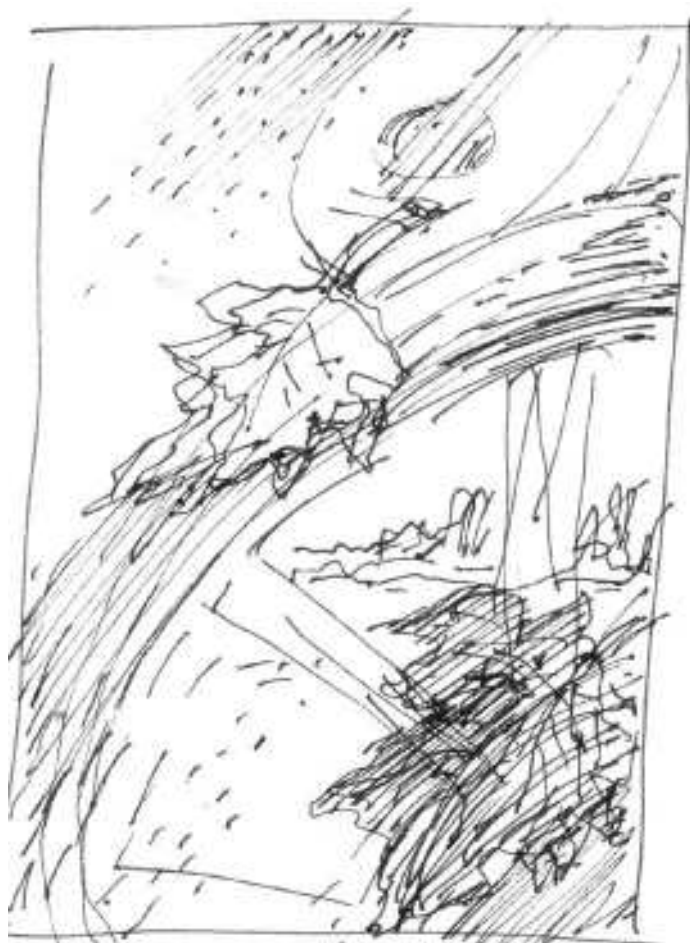
Я увидел ее, стоящую ко мне в профиль. Я тут же захотел задержать ее лицо, не отпустить от себя. Она стояла на задней площадке трамвая, совсем недалеко от меня, но ее постоянно загораживали входящие и выходящие люди. Через какое-то время я увидел, что она уже стоит в середине трамвая. А еще через минуту я ее заметил уже на передней площадке, на выходе. В этом — сущность прекрасной женщины!

ЛЮБЯТ В ЛЮБВИ

Зимняя слава! Лес стоит огромный, притихший. Между большими соснами — грустные прожилки берез. Это не Домский собор, но это гораздо лучше. Кругом просторно именно деревьями, стоящими чем дальше, тем чаще и плотнее. И глубокая тишина. Сколько же дряни, мелких сует копится в человеке, а здесь все куда-то уходит, и вместо этого беспрепятственно входит — чистота.

Везде на ветвях ресничинки снега. Они любят и страдают всему, намерзшему в человеке. Глубоко же проник в меня оптимизм вместе с этой свежей лесной

**ОСЕНЬ
РАСПОЛОЖИЛАСЬ
ТАБОРОМ,
БАЛАГАНОМ
БРОДЯЧЕГО ТЕАТРА,
И КАК ЭМБЛЕМУ
СВОЕГО ПОСЕЩЕНИЯ
НА КАКОЕ-ТО
МГНОВЕНИЕ ОНА
ПРИКАЛЫВАЕТ НА
ГРУДЬ БОЛЬШОЙ
КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ.**

глубиной!

Я сбрасываю шапку, очки, полушубок и по колено в снегу иду к скрипичному звуку зимнего леса. Как трогательно осознавать, что вот — что-то намерзлось в человеке!

Удивительное дело: меня укрепляет, придает силы что-то корявое, но никак не люди с их способностью чувствовать, любить (впрочем, в том, что у них эта способность есть, я не уверен). Здесь я дождался того, чего не мог дожидаться от живых хваленых сердец, омываемых горячей кровью. В то же время - и это тоже правда - здесь присутствует лучшее, которое таится даже в самом омерзительном человеке, и это наводит на мысль, что, в сущности, его за это его лучшее можно было бы любить!

...Тут я вышел на лесную аллею. Она была узкая, немного искривленная, из стройных тонких сосен. Я ее пересек, и этот момент был тот же самый, как если бы кто-то втянул голову в плечи с озорным видом... Я вдруг понял, что это Аллея Милого Зверушного Поджимания Плеч — как если бы какой-нибудь зайчонок или лисичка разбаловались — и ничто другое этой аллее не может быть присуще.

* * *

Личность, как я понимаю, это тот, который пришел и вывалил всем ворох своего времени.

* * *

Гуляя по Москве, зашел в Богоявленский собор. В огромной храмине безлюдно. Служительница, молодая еще женщина, поправляет горящие свечи перед иконами. Невольно замечаю, как ее стройная фигура мелькает то у клироса, то у аналоя, то еще где-нибудь. Она углублена в свою работу... равносильно тому, что зрительно для меня она была углублена по мере своего передвижения — в огромное пространство храма. Ее сосредоточенность на этом чистом служении вызывала уважение. Надо сказать, людей с тонкой внутренней энергией вообще очень мало.

Вышел на улицу и увидел... а в магазине кондитерских изделий полно народа! Даже снаружи очередь.

* * *

Я слишком чувствителен к умственной грязи. Это ведь не каждого так Господь возлюбил! Вот, например, лежит газета, я случайно бросаю на нее взгляд, а там реклама: «Дубленки, шубы, меха!», «Шоп-туры по Кипру!» и так далее — потоком полилась грязь. Люди мне навязывают свой крикливый текст. А потом я перевожу взор на окно, а там просто морозная белизна дня, никакой конкретики. Это уже чистая информация, которая идет от природы.

**НАДО СКАЗАТЬ,
ЛЮДЕЙ
С ТОНКОЙ
ВНУТРЕННЕЙ
ЭНЕРГИЕЙ
ВООБЩЕ ОЧЕНЬ
МАЛО.**

после заката

Деревня. О! В летних сумерках встает Луна. С одной стороны - убывающий дневной свет, с другой стороны - прибывающий свет ночной.

* * *

Мелодические повторы в музыке. Зачем они все, если конец все равно будет? Так же и мелодические повторы в жизни...

* * *

Женщина целый день безотчетно хватала своих друзей за руки. Она едва ли осознавала, что она делает. Видимо, у нее что-то случилось... В своем бесстрашном поведении она пыталась поймать то, что очень редко удается людям, что так легко удается во сне. Я в первый раз увидел, чтобы человек думал своим телом, пытаясь решить самые насущные вопросы своей жизни.

* * *

— Ты посмотри, какая красивая Луна! — сказала Люся.

— Но я же не могу одновременно смотреть на тебя и на Луну. Поэтому лучше я буду смотреть на тебя, — сказал я.

— Ну, это неинтересно — смотреть на меня. Ты лучше смотри на Луну.

— Кому что!

ЗОНТИК

Под дождем шли влюбленные, ничем не защищенные от дождя. Трогательно было видеть, как парень снял свой пиджак и укрыл им девушку, а сам остался в одной рубашке. Я был в штормовке с капюшоном, и, кроме того, у меня еще был зонтик. Я нагнал их и предложил свой зонтик:

— Нам все равно по пути, а у меня есть чем прикрыться, — сказал я.

Потом оказалось, что их дом где-то рядом с моим. Они вернули мне зонтик вместе с кучей благодарностей.

— Так ты бы им отдал зонтик насовсем, — сказала Люся.

— А что, для нас с тобой он разве не нужен? — живо спросил я. Эта реплика была неожиданной для меня самого. И я запнулся и замолчал. Молчала и Люся.

— Нет, я этого не сделал, потому что он может потом пригодиться для других парочек, — вновь заговорил я. — Потому я его и берегу для других подобных случаев. Люся! Возможно, что я никогда не окажусь на их месте. Так пусть хотя бы такая будет у меня работа! Вот как на вокзале носильщик багажа, знаешь?

**ПОД ДОЖДЕМ ШЛИ
ВЛЮБЛЕННЫЕ,
НИЧЕМ НЕ
ЗАЩИЩЕННЫЕ...**

— Сказав это, я усмехнулся: — А у меня будет такая романтическая профессия: проводник влюбленных. Во время дождя. Или, может, еще так: носильщик зон-та для влюбленных. — И я снова усмехнулся.

* * *

В моем доме стоит телефон. Он работает, но он про-водник банальных человеческих связей... Мне все вре-мя досаждают какими-то просьбами. Когда же я сам пытаюсь разговаривать, то на душевную связь все рав-но не выхожу. Наружу не выйти. Но вот в моей самой дальней глухой комнате среди разного старого хлама стоит черный старый телефонный аппарат без прово-да. Он молчит. Я подозреваю, что он для того, чтобы наконец-то говорить с людьми.

* * *

Поэт говорил о славе добра, предостерегал от сы-того равнодушия, от личного благополучия, постро-енного на чужом горе, и возвещал, что злонамерен-ные упадут во тьму. Но никто его не слушал. Тогда он приоткрыл крышку люка и показал, что там, за крышкой. Там была черная ночь. Он сказал: «Ведь я не шутил!»

истина, о которой не могут договориться

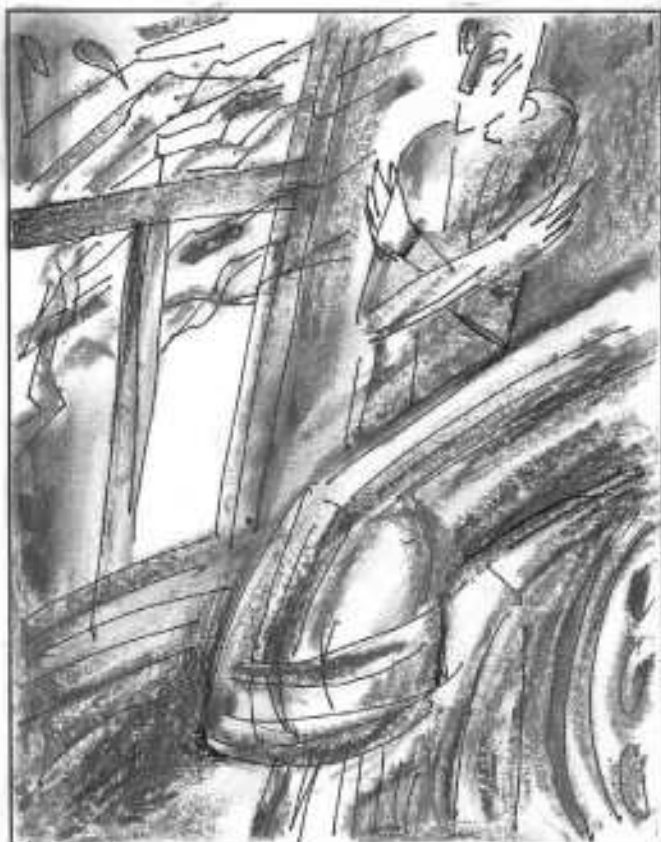
Католики и православные, мусульмане и бахаи спорят между собой о том, что есть истинная цер-ковь. Но наблюдательный взор увидит, что неза-висимо от их споров во всех своих храмах они воз-жигают свечи. Это — Свет Бога. Это ответ на все их вопросы.

деревенская филармония

Проходил по деревне в сумерках. Вдруг услышал легкие летящие звуки. Они выстраивались один к другому; музыка развивалась, двигалась, как сама ночь. Это была знакомой, но всегда неожиданной красоты первая прелюдия Баха «До мажор». Она слышалась из дома, который чернел на углу улицы. В сумерки четко и в то же время мягко, приглушен-но падал ритм ударных — прелюдия исполнялась в современной джазовой обработке.

Я подошел и встал под самые окна, чтобы луч-ше слышать. Дом как бы тлел изнутри голубым (там смотрели телевизор), и эти сумерки, которых в избе было поменьше, на улице побольше, каза-лось, зримо, до последней черточки были прониза-ны волнением Баха.

**В МОЕМ
ДОМЕ СТОИТ
ТЕЛЕФОН. ОН
РАБОТАЕТ, НО
ОН ПРОВОДНИК
БАНАЛЬНЫХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
СВЯЗЕЙ**

* * *

Когда зеленый лист весной распускается, а летом шумит, волнуется под ветром, он еще о вас плохо помнит. Но в конце концов он созреет, чтобы упасть желтым осенним листом любви к вашим ногам.

ВТОРЫЕ РУКИ

Спустился в подвальчик «Second hand». Открыл дверь, впусив обрывки колокольного звона (рядом с подвальчиком церковь), которые перемешались со звучащей здесь какой-то композицией «Queen». Мне отложили со вчерашнего дня куртку. Цвета, не помню, зеленого или болотного. Куртка, конечно, поношенная, хотя видно, что постиранная. Я сейчас ее еще раз примерил перед зеркалом, после чего она мне еще больше понравилась. Снимаю и с довольным лицом несу к столу поупок. Иду дорогой поздней осени — это от зеркала до стола пять шагов. Потому что уже конец октября, а наверху, на тротуаре скукоженные листья гоняет холодный ветер.

— Беру! — говорю я.

— Давайте я вам заверну! — говорит продавщица.

Почему мне так много ее улыбочное лицо говорит? Ведь я уже раз десять сюда приходил (карауля свежее поступление)! Нового привоза все не было, вещи лежали те же самые, но у этой девушки, однако, никогда не было привычной, дежурной улыбки. Вернее, чтобы вы меня поняли, я хочу сказать, что когда я встречал здесь все одно и то же среди вещей, то это для меня было неинтересно, но одна и та же искренняя улыбка этой молодой женщины, которая была рада меня видеть, — это никогда не надоедало, и, более того, втайне, я бессознательно ждал, что и в следующий раз — от нее будет то же самое.

Она заботливо подвернула рукава моей куртки (у нее мягкие руки) и сложила ее вчетверо. Я взял у нее куртку и стал засовывать в свой пакет, но он был узкий, и у меня это плохо получалось.

Она улыбнулась.

— Давайте я вам помогу! — сказала она.

Что ж, и композиция «Beatles» была того же мнения. «Let it be!» («Пусть будет так»).

И в то время как она держала мой пакет, я засовывал в него куртку. И я подумал: при помощи вторых рук. Вот он, удивительный, нежный «Second hand».

* * *

Безответный воздыхатель, он был у нее в услужении. Она брала его с собой в качестве носильщика. И поэтому, увы, вместо нее он целовал дорогу, по которой они шли.

ВОЛОКИТА

Засмотрелся на одну женщину и тем самым неожиданно наступил на длинный подол другой. Везде растерянно успел!

**ИСКРЕННЯЯ
УЛЫБКА
МОЛОДОЙ
ЖЕНЩИНЫ,
КОТОРАЯ
РАДА МЕНЯ
ВИДЕТЬ, › ЭТО
НИКОГДА НЕ
НАДОЕДАЕТ.**

* * *

Все строится в нас и вокруг на принципе противоречий. «Взгляни на мир слева направо!» «Нет, этот мир справа налево!» — уже парируют мигом.

* * *

Вчера молодая красивая женщина в трамвае отравляла мне взор (хотя даже и не смотрела на меня), — в этой всеобщей житейской травле отрамваивала меня и, в конце концов, сошла, порывисто завернула за передок трамвая и была такова! Но зато кондукторша, испитая, носастая, размалеванная, всю дорогу сидела прямо передо мной — лицом к лицу, и упорно пялила на меня глаза. Вот так всегда!

карма

Я ступил на аллею, высоченные голые тополя которой по обеим сторонам склонились друг к другу, образуя прозрачный коридор. Под ногами в натекающей от сугробов воде это восхитительно отражалось. В начале аллеи посреди дороги стояли двое. Он ее обнимал и одновременно как бы укрывал от всех. Вот она, тургеневская аллея, в которой двое! Это чистое счастье, которое разлилось в мире вместе с вешней водою. Я к ним приблизился, а молодая женщина вдруг отстранилась от своего мужчины и взглянула в упор на меня (не знаю, почему) призывным откровенным взглядом. Она словно почувствовала, что у меня на душе, чутко поняла это. Но вдруг на ее лице проступило иное выражение — торжества, с которым она вновь отвернулась от меня и жадно прильнула к широкой мужской кожанке. Силы небесные! — чистое счастье было разрушено. Кто ей внушил, подсказал про мои чувства, чтобы ответить на них, растравить, а потом над ними надсмеяться? Я с болью уходил от них, оглядываясь... Не для меня, не для меня! Почему провидение не дало мне возможности хотя бы чистой радости от ранней весны, от этой талой воды (без присутствия людей)? Видимо, подстерегла меня моя карма в ослепительный мартовский день. Видимо, когда-то в иной жизни я сам надсмеялся над этой женщиной, и сейчас я заплатил за это.

доверительный разговор

Одна девушка: у нее меховая шапка, меховой воротник, пухлое белое лицо. Она сказала мне целомудренно-сострадальчески: «По вашему лицу видно, что у вас была плохая жизнь». Я усмехнулся и сказал, что по лицу, конечно, все видеть.

**ОТ ЛУКА
ТЕКУТ
СЛЕЗЫ... ХОТЬ
И УЖИН СО
СЛЕЗЦОЙ,
А ЛУЧШЕ
ЕГО НЕ
ПРИДУМАЕШЬ.**

осень

В мягком шуршании сухо нахлынул на двор листопад.

вечор за ужином

У бабки Анны чудесная картошка. Соседи каждый год просят бабу Анну обменять картошку на картошку. Свою на ее. И немудрено! Картошка разваристая. Как бабка Анна ее выложит из чугунок на тарелку, так от нее хлебный дух идет. У других картошка, вроде, не имеет ни вкуса, ни запаха после такой.

Картошку очищают от мундира. Лук тоже очищают. От лука текут слезы.

Бабка Анна смеется.

— Все равно вкусно! — говорю. — Хоть и ужин со слезой, а лучше его не придумаешь.

* * *

Любите стариков! За то, что они еще ходят по земле, даря нам свой уют человеческий, ходят своей трогательной походкой вразвалку.

* * *

Пчела облетает все цветочки, потому что она знает, что у всех цветов разный вкус. Мир полон соблазнов и обольщений. И они, порой, увлекают настолько, что, стремясь познать разный вкус, мы предаем познающего, то есть самих себя. Да, пчела может облететь все цветочки. Но надо хранить верность пчеле. Потому что пчела — это ты сам. И весь вкус мира — в тебе.

* * *

Девушка смотрела на меня и звала меня к земной любви глазами. И это соответствовало какой-то мелодии, которую я слышал и которая лилась от девушки. Но я не захотел ответить на ее призыв, не захотел возвращаться на старый путь моих земных надежд, который усеян останками моих разбитых чувств. И я отвернулся и пошел прочь. И эта дорога имела свою мелодию, и с каждым шагом мелодия раскрывалась в захватывающей дух красоте. Это было невыразимо прекраснее, чем та мелодия, которую я только что слышал от девушки.

* * *

Незнакомка шла мне навстречу. Она улыбалась, оттого что май, такая свежая, прекрасная листва, в лужах отражения этой листвы. Потом она увидела меня, не меня счастливого лица, и в следующую секунду отвела глаза. Я ее не заинтересовал сам по себе, она

радовалась всему миру, и я — был этот мир, эта весенняя природа. Я понял, что мы с ней — это одно и то же, именно потому, что она отвела глаза, что она не интересовалась мною, феноменом как таковым, а вобрала в себя все. И потому мы с ней шли навстречу, чтобы слиться друг с другом, вместе с листвой и со всем миром — у себя под ногами.

* * *

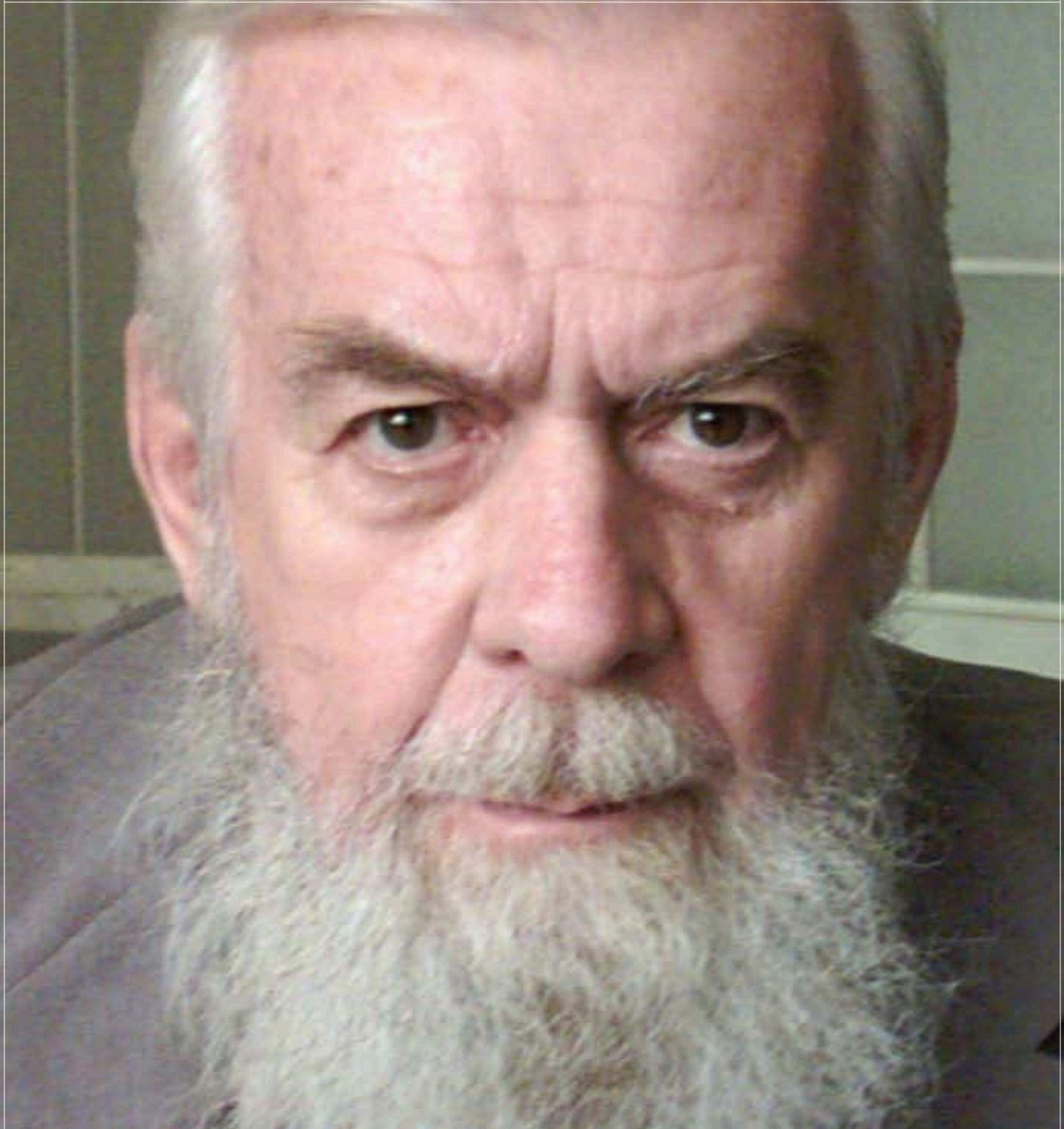
«Что бы мне сказать этим людям? — думал Учитель. — Вот они столпились возле меня, понурые, задавленные жизнью. Ждут каких-то особенных слов, от которых им станет лучше».

Он обвел глазами всех. Он вдруг захотел их просто обнять. И тут к нему пришла мысль...

— Я вижу, вы ждете от меня чего-то такого, от чего бы вам стало тепло и хорошо, — сказал он. — Ваши несчастья от того, что вы разобщены и корыстолюбивы. Я хочу вас обнять, но у меня только две руки. Но вы сможете это сделать сами, если каждый обнимет другого! Это ведь так просто.

Вадим Касатский

A close-up portrait of an elderly man with a full, white beard and mustache. He has a serious expression and is looking directly at the camera. He is wearing a dark jacket. The background is slightly out of focus, showing what appears to be a window with a grid pattern.

Вадим Касатский — фронтовик, майор в отставке, дипломированный врач. Дважды уходил добровольцем на фронт. Служил вольнонаемным врачом в колымских лагерях. Был осужден на семь лет строгого режима за антисоветскую деятельность. Покорял горные вершины. А еще он пишет стихи и прозу. Живет в поселке Рефтинском на Урале.

ограбление

иронический рассказ

марина муратова (иллюстрации)

Оскальзываясь на снежном гребешке тропинки, по которой она привыкла ходить, она и теперь пробиралась в темноте между вековых сосен, сохранных между пятиэтажками. Сокрушенно перебирала в уме то, чего наслушалась за день от сидевших за компьютерами барышень и теток, из которых состояла их контора: где ограбили, где убили, там еще что-то такое. А по телевизору - того хуже, страшнее. Мы-то еще как у Христа за пазухой живем, по улице молодые мамыши младенцев катают, никто не стреляет, гранат не кидают, ну, разве сравнишь с тем, что в других регионах? У нас разве что шапку сдернут с головы, а в других местностях и подколоть могут, пырнут финкой, и нет тебя. Хотя и паскудная жизнь пошла, но жить-то все же охота. Может, направится жизнь. Весь народ ждет. Dum spiro spero, — говорили древние: пока дышу — надеюсь.

Вдруг с головы ее сорвали шапку. Где он, злодей, таился? Может, прижался к сосне, возле которой она проходила вплотную, и сзади цапнул. Шапка-то норковая, не хуже, чем у людей, нынче все в таких ходят. Посмотришь, ну как в униформе все женщины бедствующей России.

Подкрался сзади по мягкому метельному снежку, наверно, в валенках и цап-царап. Анна Павловна взвизгнула и рванулась вперед. Угодила в темноте мимо тропочки, оказалась в снегу на четвереньках, выкарабкалась, рванула дальше, чтобы не получить нож под левую лопатку. Прибежала домой, накапала валерьянки, чтобы унять трепет огорченного сердца. Вот и до нашего поселка, хранимого богом, добрались бандиты. Что будет, что будет?!

Погоревала о шапке, но надо было идти в баню - сегодня там женский помывочный день. А баня у нас на отшибе. Между разных производственных строений. И после февральских метелей опять неутоптанная тропинка. Хорошо, что тут сосен нет. Но все равно уже темно, а баня только до восьми вечера. Анна Павловна не хотела относиться к тем, кого называют робким десятком, и решила идти. Не сказать, что после случившегося было приятно идти в темноте до бани, но утешало то, что надета на ней теперь была немодная и задрипанная старая шапка, какую не жалко и по-

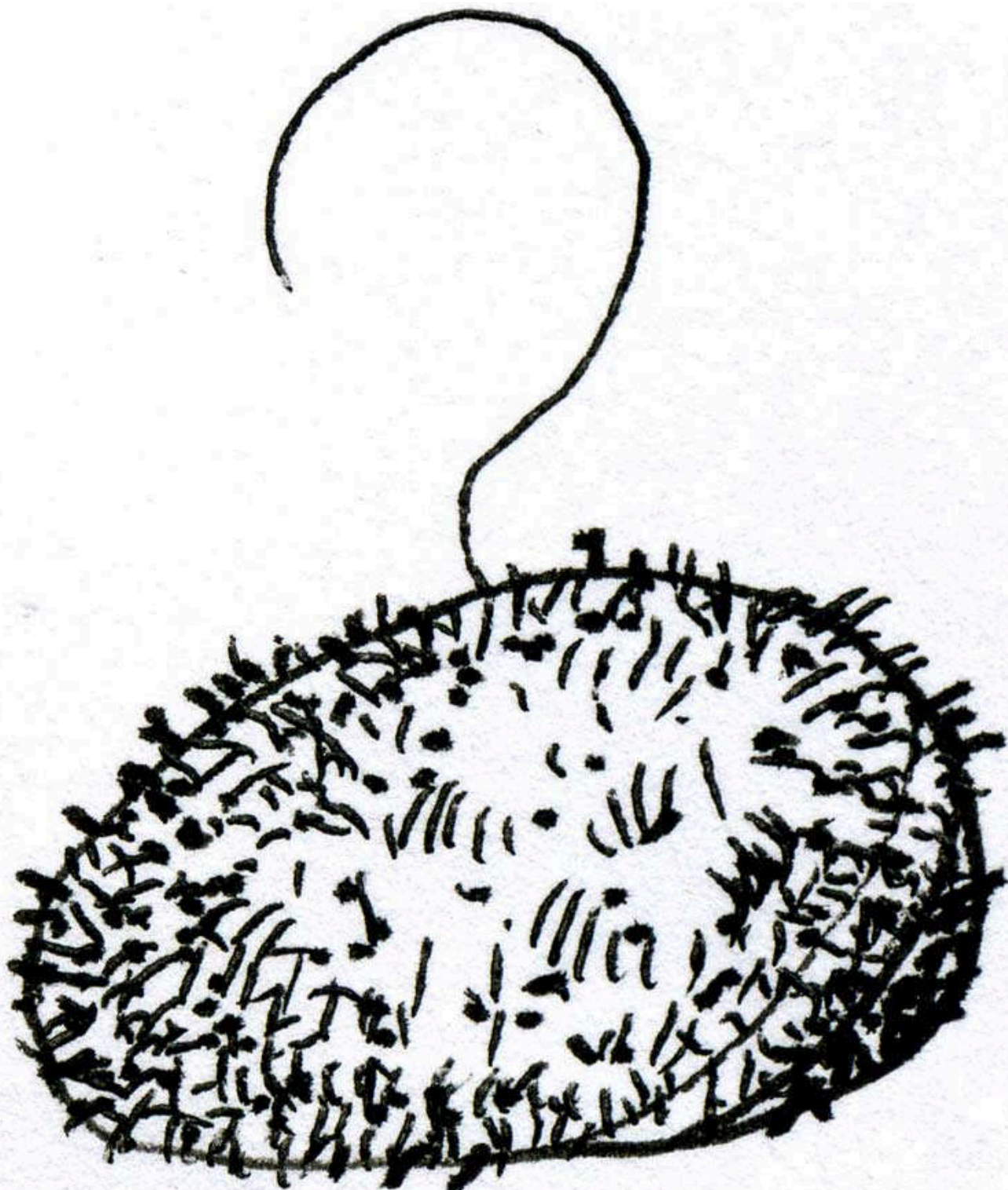
дарить бандитам. Однако и то страшило: если разглядят, что шапка не из норки, могут и наказать. От разочарования: почему, мол, с дрянной шапкой нам попадаешься? Конечно, придется взмолиться: ребята, да где же я вам на каждый раз норковых наберу?

Баня у нас не позорная. Хотя иностранных министров приводи или дипломатов. Министрам и дипломатам нравится в банях свои дела обтупивать. Из соседнего большого города Асбеста целыми компаниями приезжают помыться и попариться. У кого где, а у нас пресс-клуб в бане. В темноте иные лихие молодухи даже выскакивают и плюхаются в свежий метельный снег, оставляя на нем отпечатки своих бесподобных фигур. Не боятся, что кто-нибудь разглядит их прелести с помощью прибора ночного видения, похищенного у военных. О таком купании в снегу были даже стихи знаменитого поэта Андрея Вознесенского:

Бани, бани! Двери хлоп! Бабы падают в сугроб.
Прямо с пылу, прямо с жару — ну и ну!
Трудновато Ренуару до таких сибирских ню...

Но особенно ценно то, что была баня биржей новостей, хотя некоторые их называют сплетнями. Не без того, конечно, однако среди воды и горячего пара, случалось, звучала и правда. Вот и сегодня Анна Павловна рассказала, как с нее была сорвана норковая шапка, это было голой, как в бане, правдой, самой свежайшей и подлежащей обсуждению, ахам и охам. А после того она рассказала, как она толкнула злоумышленника с тропинки в сугроб, и, пока он барахтался в глубоком снегу, она успела спастись от удара ножом. А ножище-то ВО КАКОЙ блеснул!. Даже в темноте. На нее все смотрели как на героиню и подумали: всем бы нам такими быть. Наша голая героиня не скрыла и того, что, прибежав домой и отдышавшись, она тут же позвонила не только в милицию, но и лично знакомой редакторше газеты. Это тоже было правдой. Газета вышла как раз на другой день, и в ней раздел криминальной хроники содержал упоминание о сорванной шапке. И указано было: «Ведется расследование». Если ведется — может, и шапка найдется. Чего не бывает на свете в наши-то времена!

**ГДЕ ОН, ЗЛОДЕЙ, ТАИЛСЯ? МОЖЕТ,
ПРИЖАЛСЯ К СОСНЕ, ВОЗЛЕ КОТОРОЙ ОНА
ПРОХОДИЛА ВПЛОТНУЮ, И СЗАДИ ЦАПНУЛ.
ШАПКА-ТО НОРКОВАЯ, НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ
У ЛЮДЕЙ, НЫНЧЕ ВСЕ В ТАКИХ ХОДЯТ.**

Через два дня, тоже метельных, наша героиня шла по той же тропинке, но уже не в темноте, а в ранних сумерках. Неприятно было вспоминать, но она, как мазохистка, вспоминала, заново переживая, как происходило ограбление. Вот к той сосне он и прижимался, негодяй. И вдруг...

В эту самую минуту, когда она вспоминала, с ее головы опять исчезла шапка. Растерявшись от такой наглости, Анна Павловна обернулась, готовая ко всему, но никого перед собой не увидела. Злоумышленника не было. Шапчонка ее валялась на тропочке. Испарился ли тот, или это была нечистая сила, или человек-невидимка? Поднимая свой головной убор, обратила внимание на что-то, едва черневшее возле, почти занесенное наметенным снегом за последние дни февраля. Пнула. И выпнула норковую шапку. «Да это же моя!» — воскликнула она. И только теперь стало ясно, что произошло.

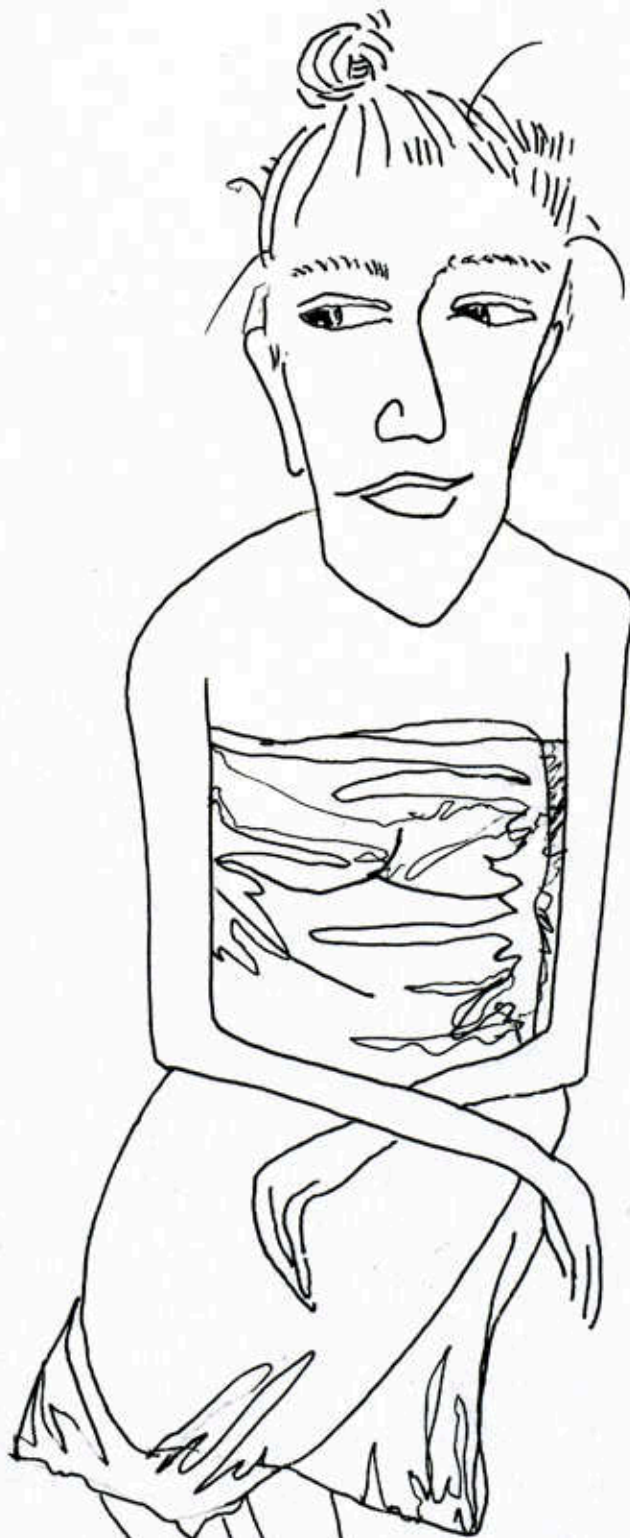
А произошло вот что. Над тропинкой, пересекая ее, тянулась проволока, на которой хозяйки вывешивали белье для просушки. Висела она не первый год, но на такой высоте, что люди и в шапках проходили под ней летом и зимой, ее не задевая. Февральские небывалые снегопады и метели нынешней зимы как раз настолько повысили сугроб и тропинку через него, что проволока стала сшибать шапки проходящих под ней людей, о ней забывших и шедших привычным путем.

В очередное посещение бани Анна Павловна уклонялась от разговоров о постигшем ее ограблении и своем достойном поведении. Это всеми было истолковано как скромность. В газете же опровержения случившемуся не появилось. Да и зачем? Не у нее, так все равно у кого-то шапки срывают.

И все же полезно напомнить тем, кто проходит по тропинке от дома по улице Гагарина, 1, наискосок к дому на Гагарина, 9, что проволока висит на старом месте, и висит низко, надо пригнуться, подныривать под нее. Не у всех же есть валерьянка дома. И смелость не у всех такая, чтобы, как Анна Павловна, погрузить в сугроб бандита с ножом. Как и норковые шапки не у всех.

**ЧТО БУДЕТ,
ЧТО БУДЕТ?!
ПОГОРЕВАЛА
О ШАПКЕ, НО
НАДО БЫЛО ИДТИ
В БАНЮ › СЕГОДНЯ
ТАМ ЖЕНСКИЙ
ПОМЫВОЧНЫЙ ДЕНЬ.**

**МОЖЕТ,
НАПРАВИТСЯ
ЖИЗНЬ.
ВСЬ НАРОД
ЖДЕТ.**

андрей павлычев (фото)

Владимир Лозманов

Владимир Лозманов родился в 1950 году в Казахстане, в Целиноградской области. Учился в Дальневосточном высшем инженерно-морском училище во Владивостоке. С 1973 года работал штурманом на судах Дальневосточного морского пароходства. В 1990 году в ранге капитана дальнего плавания вышел на пенсию по профессиональному заболеванию. В настоящее время инвалид 1 группы, без обеих ног. Живет в Асбесте.

рассказы бывалого моремана

мишкина акула

Море — это такая же пустыня на земле, как и многие пустыни в мире. Если смотреть с борта идущего судна на море, то невозможно заметить какой-либо жизни в пустынных водах, удаленных от островов, материковых берегов и отмелей. Особенно это заметно в центральной части Тихого океана. В этих местах, удаленных от Азии и Американских материков, с очень приличными глубинами, рыбы не видно не только с больших судов, но и с маленьких лодок и яхт.

Всеми морскими путешественниками была замечена одна особенность таких пустынных районов мирового океана. Особенность заключается в том, что, стоит появиться в этих пустынных водах более или менее неподвижному предмету, который не мчится по волнам со скоростью ветра и не уходит на дно через пару дней, напитавшись морской водой, как к нему начинает стягиваться вся окружающая живность, находившаяся до этого на огромной акватории. Что ее привлекает именно в это место? Может быть, такой же синдром, как тот, который собирает деревенских кумушек у колодца в одно и то же время, может быть, около этого места немного больше корма для различных видов рыб и птиц, которые, в свою очередь, являются пищей для более крупных обитателей моря. В таких местах обычно бывают и птицы, которые отдыхают на этих держащихся на плаву предметах. А вокруг собирается много мелкой живности в виде планктона, летающих рыбок, каких-то мелких рыбешек и, конечно, любителей скушать все вышеперечисленное. Это гроза всех морей и океанов — акулы, которых бывает до десяти штук, золотистые макрели, прочие хищные рыбы и дельфины.

Мы ставили полигоны (буйки в определенном квадрате) в открытом океане для проведения геофизических работ и взятия проб грунта со дна с помощью драги. Глубина в этом районе океана около пяти километров, до ближайшего берега — около тысячи километров. Во время постановки буев мы не замечали никакой активности морского животного мира. Отходя в положенное на полигонах, судно посетило порт Сидней в Австралии и на обратном пути снова зашло на полигон, для того чтобы забрать свое имущество из воды. И тут мы обнаружили, что у каждого буя, как у оазиса в пустыне, кипит своя, полная драматических событий, жизнь. Больше всего нас удивили акулы. Они были какие-то не такие, как те, которых мы видели во время посещения коралловых островов.

На теплоходе началась рыболовная лихорадка. Снасти делались из подручного материала: гвоздей, пенопластовых поплавков, капронового шнура и стальных тросовых поводков. Особо бесстрашные кинулись к артельщику, чтобы выклянчить у него кусок мороженого мяса. Мой напарник по вахте, матрос Миша, все четыре часа вахты изнывал от снedaемой его страсти половить акул, но, не имея такой возможности, выражал свое, исключительно правильное, мнение по поводу действий рыбаков, ловивших акул на верхней палубе.

Стоял жаркий тропический день, океан тихонько покачивал наше судно. Блики солнца, отражаясь от мелкого волнения, слепили глаза, а на главной палубе шла рыбалка. Акулы как бы нехотя подплывали к куску мяса, нанизанному на загнутый гвоздь, поворачивались на бок или на спину и неторопливо заглатывали его. Рыбак подсекал и начинал тянуть акулу вверх. Попадались акулы разных размеров, от метровых до двухметровых. Последние были большой редкостью, и вытащить их на борт судна не удавалось, так как они или перекусывали поводок, или были для рыбака недоступны по тяжести.

Миша, сменившись в четыре часа пополудни с вахты, первым делом выскочил на палубу, в самую гущу рыбацкой стихии. Старший матрос Ваня как раз в это время подсек самую большую акулу, которая крутилась около буя. Она была чуть больше полутора метров и весила не менее 50 килограммов. Он подтянул ее к самому краю фальшборта (бортик, ограждающий палубу, высотой полтора метра), но перетащить через него не мог. В это время мимо него проходил Миша.

— Миша, помоги перекинуть эту тварь на палубу, — попросил его Ваня. Миша был парень очень отзывчивый и, тем более, заядлый рыбак. Не мог он отказать своему другу.

— Щас мы ее мигом завернем, — сказал он и, перегнувшись через фальшборт, ухватился своими могучими клешнями за хвост «рыбки». Миша был крепышом и на спор мог отжать одной рукой двухпудовую гирю не менее тридцати раз. Вдвоем они приподняли акулу и положили ее на фальшборт. Висевшая до этого, как окорок в морозилке, акула, очутившись на фальшборте, пришла в себя и, вырвав хвост из рук Миши, с размаха засветила ему по скуле такого леща, что он, отлетев по крайней мере на три метра, рухнул на палубу, как подкошенный. Акула же, освободившись от крючка, соскользнула в море и снова начала накручивать круги вокруг поплавков и наживки.

— Ну, зараза, все равно я тебя поймаю, — сказал Миша, очнувшись через пять минут от акульего удара, пославшего его в нокаут. Спустившись к себе в каюту, он взял свою проверенную снасть, которую мастерил специально для ловли акул на переходе. Снасть представляла собой огромный, похожий на мясной, крюк с зазубринами, поводок из стального троса диаметром не менее 6 миллиметров, капроновый конец толщиной в палец и с десяток поплавков. Выйдя на палубу, он прикрутил капроновый конец к кнехту, насадил на крюк кусок оттаявшего мяса и бросил снасть в воду.

К этому времени рыбалка подходила к концу. На палубе лежали четыре акулы, уже приведенные в состояние полной неподвижности с помощью топоров, и рыбаки готовились к разделке добычи.

Последняя акула, которая так своеобразно поздоровалась с Мишей, плавала большими кругами вокруг Мишиной снасти. Сочащийся кровью кусок мяса свешивался с поплавков на глубину около двух метров, образуя вокруг красноватое пятно разбавленной крови. Недолго думая, акула подплыла к приманке, повернулась на бок и, раскрыв свою пасть, заглотила добычу. Миша подсек и потянул ее к борту. Учитывая предыдущий опыт, на помощь ему собрались все свободные от работ рыбаки. С помощью багров, рук, криков и откровенных непечатных слов акула была вытащена на палубу и оглушена.

После этой рыбалки я подумал, что акулы, по всей видимости, страдают старческим склерозом, они совсем не помнят о предыдущем опыте с приманкой и идут на крючок даже после того, как неоднократно срывались с него.

Кстати, суп из акульих плавников мне не понравился, может быть, потому, что повар не умел его готовить. Миша установил обработанные челюсти обиженной его акулы на пластиковую подставку и потом забрал домой.

Мы в то время были молодыми курсантами четвертого курса, домов у нас не было, и все сувениры, которые мы изготавливали из раковин, кораллов и морской живности, меняли у наших судовых женщин на сухое тропическое вино.

крушение

Японцы сами придумали эту систему перевозки леса из портов Дальнего Востока, сами предложили ее Дальневосточному пароходству и сами же запретили основную операцию в этой системе перевозки, а именно — выгрузку леса в воду в морских портах Японии. Баржи — буксирные составы (сокращенно ББС) были уже построены, и их необходимо было эксплуатировать. Если раньше планировалось, что баржа почти все время будет под электропитанием с буксира или с берега, и будет производиться постоянный подогрев балластных танков в течение всего времени эксплуатации, то получилось с точностью до наоборот. Баржи месяцами простаивали на рейде

у берегов Японии в ожидании буксиров, причала, места выгрузки.

В летнее время все было нормально, маленького генератора на барже хватало на освещение и необходимые работы малочисленного экипажа судна. А зимой ситуация резко менялась. Вода, закачанная в качестве балласта в днищевые танки, замерзала. Поэтому, чтобы замерзшая вода, расширившись, не порвала корпус, ее заливали не до самого верха, что значительно снижало устойчивость судна.

Сильные морозы в Приморье начинаются в конце декабря и заканчиваются в феврале. В отдельные дни температура достигает минус 30 градусов, которых вполне хватает для превращения воды в танках в лед.

Вот в таких условиях ожидания причала и погрузки происходила и стоянка ББС-6 в порту Находка в феврале 1976 года. Экипаж баржи сделал все для успешной стоянки на рейде и погрузки леса. После прихода ББС-5 буксир оставил пустую баржу на рейде и прицепил уже загруженную на свои захваты, которые жестко сцепляют баржу, груженную лесом, и буксир. После короткого оформления у пограничников и таможенников ББС вышел в рейс и пропал.

Погода стояла, как и всегда в феврале, отвратительная. Сильный ветер в корму, волна и медленная бортовая качка. Медленная качка на лесовозах — это следствие очень маленькой поперечной устойчивости судна. Ведь на «ББС-ках» весь лес находится выше ватерлинии, и они не переворачиваются только за счет воды в балластных танках. А в танках этих воды зимой, как уже говорилось, было гораздо меньше необходимого.

Поиски пропавшего ББС велись всеми возможными средствами. Участвовали даже американские разведывательные самолеты «Орион», летающие вдоль границ нашей страны. На второй день обнаружили расплывшиеся по приличной площади бревна с пропавшего лесовоза. Видимость была ограниченной, и только к концу второго дня нашли перевернутый буксир — над водой всего лишь на полтора метра выступало днище, блестящее в лучах зимнего солнца. А через него свободно перекатывались волны. Видимо, баржу оторвало при кораблекрушении. К месту трагедии сразу были направлены все ближайшие суда.

Первым подошел теплоход Сахалинского морского пароходства «Краснотурьинск». Обнаружив перевернутый буксир и сообщив по всем инстанциям координаты кораблекрушения, экипаж первым делом попытался узнать, не остался ли на судне кто в живых. Спустили на штормтрапе матроса со страховочным концом и молотком, которым он начал обстукивать дно. Волны старались слизнуть моряка с этого искусственного острова, но страховочный пояс и слабая надежда найти кого-нибудь в живых давали силы и упорство держаться.

И вот в самой высокой центральной части корпуса снизу донесся слабый стук. Сердца всех находившихся на борту теплохода встрепенулись от радости. Там есть живые, их можно спасти!

Всех курсантов морских торговых училищ готовят и для службы на подводных лодках — на случай призыва. В программу обучения входит передача сведений из одного отсека в другой с помощью стука по переборке.

Из перевернувшегося буксира слышались «точки-тире» морзянки. На корпус немедленно спустился второй помощник капитана, который по своей должности должен знать все премудрости военной науки. Он прочел по стуку и передал остальным, что в машинном отделении буксира есть воздух, что там находится один человек, третий механик, стоявший на вахте в момент кораблекрушения. Воздуха в корпусе очень мало, сам механик по пояс в ледяной воде и о судьбе остальных членов экипажа ничего не знает. Под конец он передал свою фамилию.

Все члены экипажа «Краснотурьинска» работали по расписанию аварийной тревоги, и командовали всем этим капитан, старший помощник и старший механик. В этот момент они находились на палубе, недалеко от спустившегося на днище буксира второго помощника. Старший механик, услышав фамилию, побледнел и сполз на палубу. Когда к нему подбежали, он был без сознания. Вызвали по связи судового врача, и тот с помощью нашатыря и похлопывания по щекам привел деда в чувство.

— Это мой сын, — сказал, очнувшись, старший механик. — Я не знал, что он работает на этом ББС. Он только что вышел из отпуска и ждал направления на судно.

Все вокруг ахнули — в горячке аварийной тревоги они не заметили, что фамилия, которую прокричал второй помощник, и фамилия старшего механика совпадают.

Тут с другой стороны к месту крушения подошло спасательное судно «Буревестник». Другие суда начали планомерный поиск остальных членов экипажа буксира. Конечно же, старшему механику «Краснотурьинска» разрешили участвовать в спасательной операции, и он перешел на спасательное судно.

Сначала решали, каким способом вызволить пленника. Он сообщил, что вода, в которой он находится, перемешана с мазутом и маслом, вытекшим из топливных танков и двигателя. Значит, «доставать» человека из подводного плена с помощью сварочного аппарата нельзя — могут взорваться пары топлива. Решили с помощью мощных дрелей просверлить на равных расстояниях множество отверстий по периметру будущего люка, одновременно закопав их свинцом, чтобы воздух не вышел раньше времени.

Работу начали после тщательной подготовки, несмотря на мольбы старшего механика приступать быстрее. Все, конечно, понимали его состояние, но море было бурным, днище заливалось волнами, и нужно было обеспечить безопасность спасателей.

Наконец начали сверлить отверстия там, где стоял изнутри третий механик. Сверлить металл толщиной 20 миллиметров на качающейся поверхности, постоянно заливаемой водой, — занятие трудное. Старший механик находился страхующим на днище

буксира и торопил, торопил работающих. Работа шла в две дрели, потому что пятак, вырезаемый в днище, был очень мал. Три стороны будущего люка обсверлили за пару часов, и оставалось сделать полтора десятка дырок на четвертой стороне. Приварили к этому «люку» большую скобу, чтобы с помощью стрелы и лебедки вырвать кусок металла после окончания сверления. Старший механик, мечтавший как можно скорее спасти сына, уговорил руководителя операции для ускорения работ сделать промежутки между дырками больше, чем на трех остальных сторонах люка. И ему пошли навстречу.

И вот — последнее отверстие просверлено, трос заведен в скобу, все лишнее убрано с днища. В районе люка оставались только дед и два человека для помощи пострадавшему, которого, как ожидалось, выбросит воздухом в открывшееся отверстие, как пробку из бутылки.

По команде руководителя работ лебедчик включил лебедку и начал выбирать слабину троса, но волнение моря не дало нормально потянуть и вырвать приготовленный люк. В самый неподходящий момент волна резко приподняла спасатель и одновременно опустила перевернутый буксир. Трос натянулся, зазвенел, железный квадрат оторвался с трех сторон, отогнулся на величину в две ладони, и... трос не выдержал нагрузки и оборвался. Воздух со свистом начал выходить в образовавшуюся щель, из нее высунулась рука с судовым журналом, но отверстие было слишком мало для человека. Стоящим на днище ничего не оставалось, как, проклиная все на свете, схватить журнал из рук погибающего и спастись самим, потому что буксир, потерявший воздушную подушку, быстро шел на дно. На спасателе и «Краснотурьинске» начали обрубать концы, связывающие их корабли с буксиром. Удержать тысячетонную громаду на плаву им было не по силам, они могли только последовать за ним на дно или повредить свои суда. Глубина в этом месте моря была более двух километров.

Я не знаю, что чувствовал молодой человек, спасение которого было так близко, в последний момент оставшись наедине со смертью... Возможно, он был готов ко всему — не зря протянул спасателям не пустую руку, а главный документ судна... Я не буду описывать горе старшего механика, который излишней торопливостью «утопил» своего сына. Ведь если бы не нарушили правила по его просьбе, люк был бы выдран полностью, а третий механик — спасен. Дед после этого серьезно заболел и ушел работать на берег. Поиски пропавших членов экипажа в штормовом море ничего не дали, и по прошествии определенного времени их прекратили.

На этом, можно сказать, и закончилась эксплуатация ББС в Дальневосточном морском пароходстве. Правда, еще и сейчас можно видеть несколько барж, которые приспособили для разных хозяйственных нужд в портах Владивостоке и Находке, этаким памятником непродуманного хозяйствования в эпоху развитого социализма.

держава по имени босоногова

елена минакова
сергей киселев (фото)

Когда-то он говорил, что жизнь благополучных людей ему не интересна. Себя тоже не щадил: ходил пешком с тяжеленным кофром, искал «уксус». Познакомились мы десять лет назад, Сергей Киселев тогда уже был «слугой двух господ»: работал репортером в газете и одновременно — театральным фотографом. Ежедневно по утрам сдавал снимки в номер, был в редакции у каждого пишущего буквально на подхвате, ну а по вечерам и до самой луны снимал «графьев» в спектаклях и пополнял актерские портфолио.

Фотолаборатория была ему домом. Располагалась она тогда на театральном хоздворе — в довольно экзотическом помещении, приспособленном предпринимчивыми актерами под овощехранилище. Все тогда жили одинаково скромно, жизнь напоминала одно большое общежитие... И все бы ничего — в тесноте, нищете, да не в обиде, но только зимой в фотографической камерке Киселева было жуть как холодно — промерзал проявитель. Казалось, где уж тут до творчества! Мыши, лишенные актерской картошки, обгрызли портрет народного артиста Казахстана, лидера тюменской труппы, и сердобольный фотограф задвинул его с глаз долой в пыльный шкаф. По двору ходила унылая собачонка, у которой отняли щенков — «хоть бы одного оставили». Ну а окна — окна в мир, фотограф задекорировал книжными полками.

И при всем при этом Сергей казался мне абсолютно счастливым. Он родился в России, в деревне Аромашево, а не в какой-нибудь сытой, процветающей стране, где живут только «благополучные люди». Сама жизнь распадалась на сюжеты. Собачонка и та просилась в кадр, в сердце фотографа. И он его распахнул... Ни быт, ни изматывающая работа никогда не задевали его так сильно, как чужая боль или любой лучик света на черном.

Каждую его фотографию рассматриваешь с любопытством. А все потому, что нет вранья, заигрывания со зрителем. Есть лишь одно — поиски человечности в нашем сумбурном мире-общежитии. Как зарубка в памяти — состарившееся от солнца, ветров и времени окно в избу. Его фотограф запечатлел в сибирской деревне Босоногово, где доживают свой век брошенные на произвол судьбы старики. Вспоминается и другой кадр: похороны солдата, вернувшегося к родителям в цинковом гробу. Живы архивные начала девяностых пленки, сделанные по заданию редакции в тюменской толчее автомобилистов на калининском толчке. Пять милиционеров в штатском «обеспечивали охрану»,

и все-таки фотографа прихватили, отвели за угол, пообещали «отбукать». Добытая фотография была опубликована на первой полосе газеты «Мегаполис-экспресс», и автор получил гонорар, равный одной пятой зарплаты... А еще он снимал на автовокзале, где торговали водкой. В отместку у него отняли пленку да еще пригрозили: «Мы тебя закопаем — никто не найдет». В московских «Лужниках» попал в поле зрения частного предприятия «Гарант» — не за то, что пришел покупать летние штаны, а за то, что вытащил из кофра камеру.

Не скажу, что бесстрашный. Неподдающийся... Рос, как придорожная трава, — куда ветер подует. А когда вырос — стало не согнуть. Самого себя он называет человеком «от сохи», несмотря на то, что его мать была отличницей народного просвещения, а отец — элитным военным. Воспитание он получил все же дворовое, а потому — свободное. Пионерский галстук носил, а вот в комсомол его уже не приняли за строптивый характер. После школы, в семнадцать, принял самостоятельное решение и отчалил на заработки в Сургут, где стояла геологическая партия, — на старом колесном пароходе «Красный Октябрь» с цыганами в трюме.

Станный такой человек: был работягой — и много читал, выписывал «Иностранку», Аксенова раннего любит, Маркеса, Чивера, Апдайка. В библиотеку никогда не ходил («не барское это дело»), книжки, тем не менее, покупает, не жалея денег, и едва ли не с большим удовольствием их потом раздаривает. Жизнь он называет чем-то таким, от чего «нужно постоянно отряхиваться». В то же время и черной работы не боится. В молодости работал в троллейбусном парке, а когда «надоело бегать пешком за обед», выучился на водителя второго класса и пересел на МАЗ-молоковоз. Шоферил 15 лет, но неожиданно переквалифицировался в слесаря. Объясняет это так: «При социализме только на заводе можно было заработать на квартиру, и я подался на завод». Там, правда, часто приходилось стоять под техникой «на карачках», и Сергей перешел в компрессорную. Он все время что-то преодолевал. В общей сложности 11 лет отбатрачил на заводе «за квартиру». Но зато когда выкраивалась свободная минутка, закрывал цех «на клюшку» и прыгал в старенький запорожец со своим другом-фотоаппаратом...

В руки он его впервые взял в 32 года. Как это бывает — «жена попросила поснимать сына». Откопал тогда Сергей в домашнем скарбе пропыленный ФЭД-3 (с дарственной надписью «папаше — за безупречную служ-

бу»). И заболел черно-белой фотографией. А первые свои фоторепортажи сделал «Зорким».

«После сорока» он начинается и как фотомастер, и как журналист. Правда, до сих пор всем этим «титулам» предпочитает смешное определение собственно-го изготовления — «пожилое дитя перестройки».

«География» его съемки — 17 лет. Как-то разоткровенничался: «Все время ловлю себя на мысли, что самое интересное — это когда человек преодолевает не только жизненные обстоятельства, но и самого себя. Когда человек находится как бы на грани выживания»...

Путь из любителей в профессионалы преодолел стремительно — как раз на пике 1990-х, и сразу заслужил звание мастера газетного дела. Его эксклюзивные репортажи из разных точек страны, фотоочерки о людях резко выделялись, вызвали... к сочувствию. Сергей буквально ворвался в тюменскую журналистику с «социалкой» — когда все еще процветала постановочная, выхолощенная фотография, и диким казалось, что можно снимать правдиво в контексте бодреньких жанровых зарисовочек, задвинутых на периферию газетных полос.

Стремительно развивалась и его карьера. Закончил Московский заочный институт (кинофакультет) с отличием, участвовал в российских и областных фотовыставках, в фотосалонах США, Испании, Сингапура и Аргентины. Возглавил местное отделение Союза фотохудожников России. Стал лауреатом Всероссийской фотовыставки «Россия — отчий дом», проходившей в рамках «Недели фотоискусства» в Астрахани.

Многое изменилось за эти 10 лет не только в жизни страны, но и в жизни Киселева. У него теперь есть мобильный телефон, «цифра» и японский джип. Он работает на серьезной должности в серьезном областном издании бильд-редактором. Часто летает в командировки «на Севера» — то в Новый Уренгой, то в Надым, то еще куда глаза глядят. Занимается выставочной деятельностью.

Кажется, он стал сегодня вполне благополучным. Но мне думается, что все-таки ни бег времени, ни новые реалии жизни, ни позолота наград на Сергея не наложили отпечатка. Место «диплому в рамке» — на стенке, но никак не в душе мастера. Сегодня он на коне, — а завтра опять будет держать путь в Босоногову.

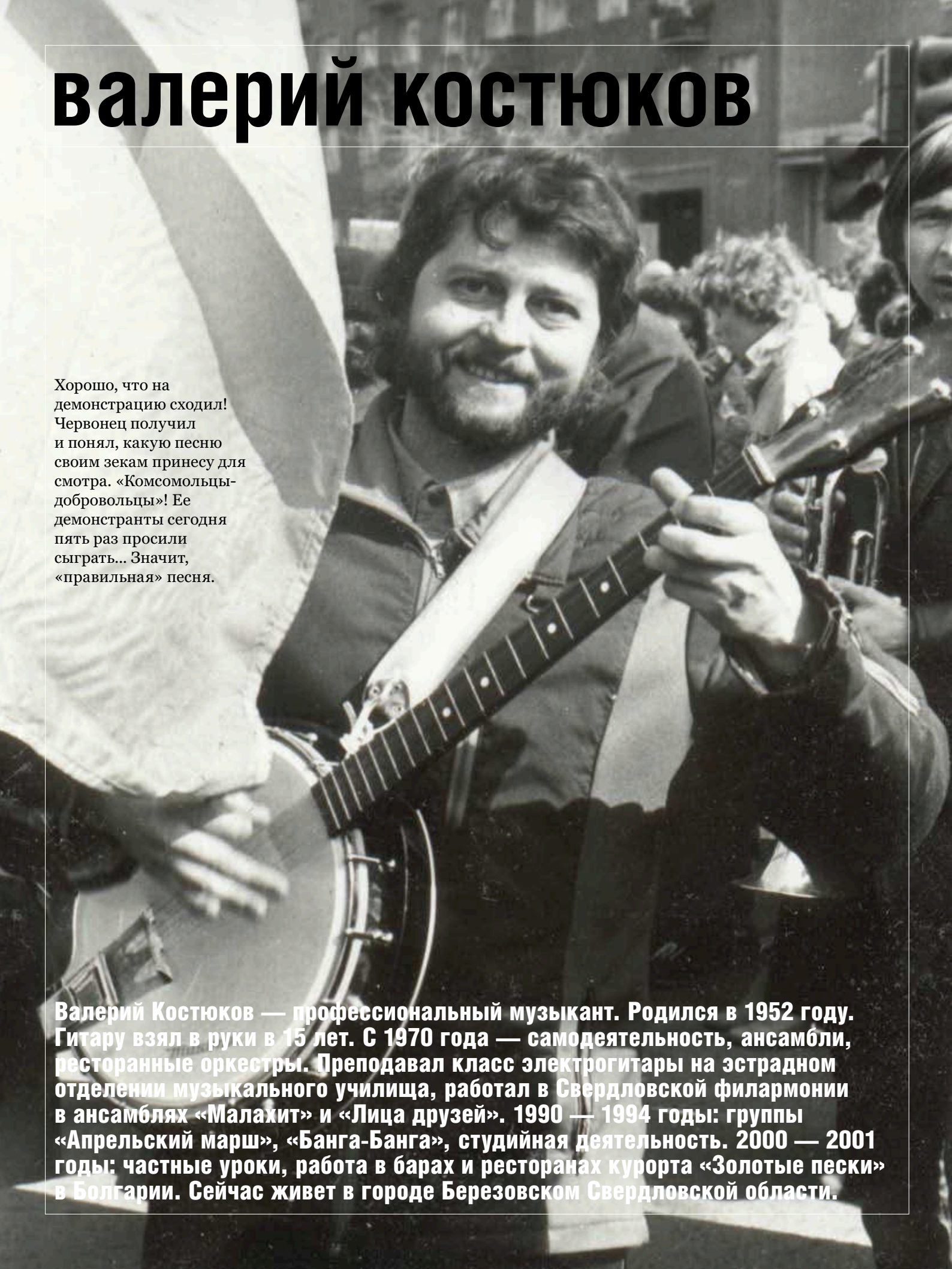

**И ВСЕ-ТАКИ
ФОТОГРАФА
ПРИХВАТИЛИ,
ОТВЕЛИ ЗА УГОЛ,
ПООБЕЩАЛИ
«ОТБУЦКАТЬ»...**

Валерий Костюков

A black and white photograph of a man with a beard and curly hair, smiling while playing an acoustic guitar. He is wearing a dark jacket over a light-colored shirt. The background is slightly out of focus, showing other people and what appears to be an outdoor setting with buildings.

Хорошо, что на демонстрацию сходил! Червонец получил и понял, какую песню своим зекам принесу для смотра. «Комсомольцы-добровольцы»! Ее демонстранты сегодня пять раз просили сыграть... Значит, «правильная» песня.

Валерий Костюков — профессиональный музыкант. Родился в 1952 году. Гитару взял в руки в 15 лет. С 1970 года — самодеятельность, ансамбли, ресторанные оркестры. Преподавал класс электрогитары на эстрадном отделении музыкального училища, работал в Свердловской филармонии в ансамблях «Малахит» и «Лица друзей». 1990 — 1994 годы: группы «Апрельский марш», «Банга-Банга», студийная деятельность. 2000 — 2001 годы: частные уроки, работа в барах и ресторанах курорта «Золотые пески» в Болгарии. Сейчас живет в городе Березовском Свердловской области.

заметки на полях нотной тетради

из жизни свердловского лабуха

марина муратова (иллюстрация)

хор за «колючкой»

Было это в 1982 году. Но начну издавека, с 1967-го, когда мы с друзьями создали дворовый, он же школьный, ансамбль.

Как-то, придя из школы и взяв в руки гитару, я начал заниматься тем, чем занимался в это время всегда. Старался любое дело совместить с музицированием. Инструмент висел на мне, когда я зажигал газ, чтобы разогреть обед. Пальцы, избавившись от спички, сразу размещались на грифе. Я играл до того момента, когда замечал, что суп уже давно кипит, выключал газ и ждал, пока еда остынет. Одновременно играть и есть не получалось, поэтому в момент поглощения пищи гитара «молчала», оставаясь, тем не менее, со мной, а точнее — на мне.

Когда кто-нибудь звонил, я прижимал трубку к плечу и, не переставая наигрывать, разговаривал. Так случилось и на этот раз. Зазвенел телефон, и я услышал приятный девичий голос.

Нет нужды вспоминать с чего тогда начался разговор, помню только, что длился он часа три, и весь, от начала до конца, был «ни о чем». Обычная болтовня, которая имела одну важную особенность: мне и моей незнакомой собеседнице она нравилась. Причина такого взаимного интереса очевидна: мы были ровесниками.

Через пару часов разговора, когда мы уже познакомились, Маша спросила:

— Ты говоришь, что один дома, а кто тогда на гитаре играет?

— Я играю...

— Подожди, так ты гитарист?

Конечно, мне хотелось сказать что-нибудь вроде «да еще какой», но я скромно ответил:

— Да, играю в ансамбле на соло-гитаре.

Хотя в то время это звучало примерно так же скромно, как сейчас «работаю в оркестре у Аллы Пугачевой». Я объяснил, как мне удастся совмещать игру на гитаре с телефонным разговором, и рассказал про наш ансамбль.

На следующий день был еще один не менее длинный разговор, я узнал, что Маша любит животных и,

конечно, имеет собаку. Она рассказывала мне про четвероногих, я ей — про ансамбль, она мне — про свою жизнь, я — про свою.

Так продолжалось три года, в течение которых мы «выкладывали» друг другу все, что волновало нас или радовало. Дальше разговоров дело не шло. Один раз мы попытались встретиться на новогоднем вечере для старшеклассников, но в толпе не смогли найти друг друга.

Закончился десятый класс. Прозвенел последний звонок. Не будет больше контрольных, сочинений, домашних заданий и вообще многого, к чему мы так привыкли за десять лет.

Мы перестали звонить друг другу, чего я даже не заметил.

Шли годы, многое изменилось в жизни, но, к счастью, номера наших телефонов остались прежними. Как-то, подняв трубку, я вновь услышал знакомый голос.

Мария пригласила меня на день рождения своей... дочери. В тот день мы впервые увиделись и уже договорились созваниваться чаще — не чужие все-таки.

Ну вот, мы и на один шаг стали ближе к тем событиям, которые дали название этому рассказу. Сделаем второй.

Жил-был советский мальчик. Жил в семье советского милиционера. И был его отец из того поколения «ментов», которое сейчас можно увидеть только в фильмах типа «Рожденная Революцией» — бесстрашным и неподкупным. Он боролся с преступностью, а точнее, с самими преступниками, потому что бороться с явлением можно в кабинете, а с бандитами — в жизни, что совсем не одно и то же.

Мальчик уважал своего папу, гордился им, и когда тот был убит бандитами, он посчитал, что для него в жизни есть только один путь — продолжить дело отца.

Он закончил технический вуз, потом юридический институт, стал работать в уголовном розыске и так же, как отец, не в кабинете.

Его уважали коллеги и представители преступного мира, потому что опер он был «правильный», вот

› НАЛИВАЙ, › ОТВЕТИЛ Я, › **ПОВЕДУ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРАВОСУДИЯ К СВЕТЛЫМ ВЫСОТАМ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ. МОЖЕТ, ПОСЛЕ МОИХ ЗАНЯТИЙ ОТПАДЕТ У НИХ ОХОТА ЛИТЬ ЛЮДСКУЮ КРОВУШКУ РУЧЬЯМИ?**

только с годами, узнавая систему, в которой работал, уважал ее все меньше и меньше.

Как-то в компании друзей, рассуждая о взаимоотношениях работников правоохранительных органов и преступников, он с горечью заметил: «По большому счету, мы частенько отличаемся от них только формой».

Вскоре он навсегда покинул уголовный розыск, но перед этим перевелся в систему отбывания наказаний, а проще — стал начальником отряда в трудовой исправительной колонии.

Итак, второй шаг сделан, осталось соединить две, на первый взгляд, не связанные между собой темы.

Мы с женой решили завести собаку. Прекрасно понимая, что дело это очень ответственное, подойти к нему решили серьезно. Нужна была консультация специалиста. Знакомые посоветовали нам обратиться в клуб служебного собаководства, и, конечно же, вспомнилась тут моя телефонная подружка: вероятность, что в этом вопросе можно рассчитывать на ее помощь, была велика.

Когда я позвонил ей, то выяснил, что помочь она может, только не «чем-нибудь», а «всем, чем угодно», потому что она — директор клуба.

Вот так, прямо в яблочко!

Черета удач не закончилась. Мария рассказала, что в Свердловске появилась новая порода, которая раньше в СССР не разводилась, называется она «ризеншнауцер» и лишь недавно завезена из Германии. Есть только один заводчик в Москве — Юрий Никулин, прославленный актер и клоун. А от него одна собака попала к нам в город. И это не все! Месяц назад появились щенки, сейчас остался только один, он может стать нашим. Когда она стала объяснять, где живут ее друзья, у которых находится «наш» щенок, я развел руками: везение было просто знаковым — «нужный» дом стоял напротив.

— Сережка раньше в «уголовке» работал, — сказала она о хозяине, когда мы шли за щенком, — а недавно к «зэкам» перешел. Классный мужик! Он вам все расскажет, объяснит и поможет. А жена его вообще легендарная в городе личность среди тех, кто занимается животными.

Прошло несколько месяцев, и наши новые знакомые стали близкими нам друзьями. Мы вместе выгуливали собак, справляли праздники, ездили в лес.

И вот как-то мне Серега сказал:

— Валерка, есть к тебе такое дело. У нас через три недели смотр художественной самодеятельности среди «зэков». Я подумал: может, ты поможешь? Если мой отряд хорошо выступит, это будет мне плюсом. Начальство к моей персоне присматривается. Даже тот факт, что я к своим обормотам артиста филармонии приведу, — на «зоне» невиданное дело, ну, а если ты поможешь прорваться поближе к первым местам на смотре, то будет «вааще».

— А меня там не зарежут? — спросил я.

Он улыбнулся:

— Приходи после работы, у нас бутылка самогонки есть, посидим, я расскажу про своих бедолаг, кто они и за что сидят.

Вечером за бутылкой «запотевшей, из холодильничка» мы слушали истории уголовных дел тех, кого государство надежно изолировало от законопослушных граждан.

Сейчас в народе бытует истина: «Украдешь бутылку — сядешь, украдешь миллион — станешь депутатом».

Тогда, двадцать пять лет назад, было так же.

В «серегиной» зоне «мотали срок» те, у кого он не превышал трех лет.

На продуктовой базе списали масло — вышел срок реализации. Ночью грузчик украл коробку, поймали, осудили, посадили на два года.

Водитель грузовика, развозивший спиртное по магазинам, получал резервный ящик «на бой». Если машину было некому разгружать, он с легкостью находил желающих. Нашел, мужики разгрузили, получили, что полагается, но при этом повздорили. Шофер вызвал милицию. В результате блестящей операции, проведенной стражами порядка «по горячим следам», «похитители» ящика были пойманы, осуждены и посажены. Два года тюрьмы. Поделом вам, ворюги, впредь у Родины не будете красть! Она добра, но при этом строга и справедлива. И вы это запомните на всю жизнь.

А вот совсем «экзотика».

Молодая семья. Оба не пьют и не курят. Работают на швейной фабрике, он — электрик, она — швея. Проживают в двухкомнатной квартире с соседкой-пенсионеркой.

Отношения — лучше некуда, почти, как родные. Старушка, когда уезжает к родственникам или в больницу ложится подлечиться, оставляет соседям ключи, чтобы цветы в ее комнате поливали да кошку кормили.

Бог дал — молодая забеременела, родила. Все отлично. Вот только забирать мамочку с новорожденным нужно сегодня, а получка послезавтра. Зашел молодой папаша в комнату к соседке, чтобы цветы полить. Где у нее деньги лежат, он знал, потому что она сама ему показывала. Взял пятьдесят рублей, заказал такси, купил цветов и все, что полагается, привез сына и жену домой.

Наутро соседка только в коридор вошла, он ей: «Так и так, мол, баба Нюра, не гневайся, я у тебя полтинник взял, завтра верну с получки». Она: «Да конечно, конечно, я и сама бы дала, не волнуйся». Рассказала во дворе подружкам-старушкам. Они ей: «Страшного, конечно, ничего нет, но вот ведь понравится ему без спросу-то лазить в твой шкаф — не отвadiшь потом. Ты для острастки заявление в милицию напиши, они его припугнут, чтобы вдругорядь не лазил по шкафам. Так, для воспитания».

Сказано — сделано, написала заявление, отнесла в милицию.

Арестовали, осудили, дали два года.

На суде баба Нюра пала в обморок, когда узнала, чем дело закончилось.

«Я поугаать хотела, а вы его, кормильца дитяти малого и жены, в тюрьму!».

«Вы написали, мы отреагировали».

Радуются и спят спокойно честные люди: горит в советской стране земля под ногами преступников.

Мы с женой ошарашенно выслушали и этот рассказ.

— Вот такие у меня «разбойники» сидят, — сказал Серега. — Чугунный кулак правосудия прилетел им прямо в лоб, и очнулись они уже за колючей проволокой. Таких в зоне процентов двадцать, остальные — мелкие хулиганы. Так что на предмет зарезать, да еще артиста, — это не та публика. Ну, что, поможешь, «филармония»?

— Наливай, — ответил я, — поведу пострадавших от правосудия к светлым высотам самодеятельного музицирования. Может, после моих занятий отпадет у них охота лить людскую кровушку ручьями?

Через несколько дней я слушал, как грохочут запорами, закрываясь сзади и открываясь спереди, мощные решетчатые двери учреждения №43, которое находилось на окраине города.

Для начала Серега отвел меня к начальнику зоны, мы познакомились, быстро нашли общих знакомых среди «ментов», которых я знал предостаточно.

— Желаю удачи, — сказал он на прощание. — Уверен, вы нам поможете. Тут все про вас уже знают. Ко

мне даже подходил прапорщик, спрашивал, консерватория и филармония — это одно и то же или разные конторы? И еще, на всякий случай: если вдруг по какой-то причине окажетесь один, без присмотра, то не бойтесь, держитесь уверенно, нагло. Раз вы в «цивильном» — значит, вы человек не простой, и вас пальцем никто не тронет.

Самое интересное, что совет этот мне пригодился.

В отряде было сорок человек. Пятеро из них раньше играли в вокально-инструментальном ансамбле, с ними мне делать было нечего. Послушав их, я исправил несколько аккордов в аккомпанементе и оставил пятерку в покое. А вот из остальных нужно было создать хор и добиться, чтобы он звучал лучше остальных, тем более что этот вид народного творчества был представлен к смотру во всех без исключения отрядах.

Когда потенциальные хористы заполнили помещение, что-то вроде красного уголка, которое было предоставлено нам для занятий, я вышел к трибуне, которая стояла на маленькой сцене. За плечами у меня был такой опыт выступлений, что смутить меня было трудно. Вышел я, набрал воздуха в легкие... и замолчал. Я знал, что нужно было сказать, вот только как обращаться? Товарищи? Друзья? Наверяд ли.

Серега, увидев, что я замялся, подошел и тихо спросил:

— Что-то не так?

— Как мне их называть?

— Хм, действительно. Товарищи — неэтично, они все-таки преступники. Отбывающие наказание — еще хуже. Во, придумал: «мужики». Это по-человечески, не казенно.

Он отошел, и я произнес первую в своей жизни речь, обращенную к «советским зэкам».

— Здравствуйте! Меня зовут Валерий Михайлович, работаю я в Свердловской государственной филармонии, в эстрадном ансамбле «Лица друзей».

При этом я посмотрел на лица новых артистов. Зал был заполнен мужиками с противными и, я бы даже сказал, страшными рожами. Так мне показалось, когда я бросил первый взгляд на своих хористов. Впоследствии, общаясь с ними и попривыкнув к ним, я понял, что ничего страшного в этих людях нет. Обыкновенные мужики, каких я на улицах ежедневно вижу сотнями. Просто, когда людей постригают наголо, одевают в зэковские робы и сгоняют их в кучу, то выглядят они именно такими, какими показались мне в первый раз. В мою голову тогда пришла мысль, что, если над музыкантами симфонического оркестра проделать такие же манипуляции, я подумал бы: «Какие ужасные рецидивисты, попадись таким в темном переулке — зарежут и глазом не моргнут».

Умеет система уродовать людей!

— Мужики, научить вас петь за три недели невозможно, а вот сделать так, чтобы вы звучали лучше всех остальных — пожалуйста. Как профессионалу мне известно то, чего не знают другие, и я расскажу вам

несколько хитростей, благодаря которым мы сможем чего-то добиться. «Мы» означает, что «тренировать» буду я, а петь будете вы. Для этого мне нужно отобрать всех, кому природа подарила хоть что-то, напоминающее музыкальный слух. Поэтому сейчас покиньте помещение, а потом заходите по одному.

Мне был предоставлен вполне приличный гармонист-слухач, он же солист вокально-инструментального ансамбля, он же что-то вроде старосты, причем эта последняя его роль была как нельзя кстати. Ему было известно, что нужно сказать и сделать, чтобы все было исполнено так, как надо.

Проверка заняла несколько часов. Мне приходилось «размораживать» каждого второго, чтобы вытянуть из него хоть какие-то звуки. И это все-таки удалось. В конце концов я набрал около двадцати пяти человек, так или иначе пригодных для хорового пения.

Для первого раза было достаточно, мы распустили певцов. Серега довел меня до проходной, и я поехал домой, по дороге обдумывая, что они будут петь.

Выбор репертуара для таких исполнителей — дело непростое. Представляете: хор мелких уголовников исполняет песню «Партия — наш рулевой»?

«Я люблю тебя, жизнь!» и «Комсомольцы-добровольцы». Это было то, что надо. После внимательного прочтения текстов обеих песен стало ясно, что ничего крамольного в них нет, никаких совпадений или намеков не просматривается.

На следующей репетиции я рассказал своим «певунам», что нужно делать для того, чтобы, слушая их, члены жюри поняли: люди поют так, как до этого перед ними не пел никто. И не потому, что все остальные безголосые, а потому, что налицо будут осмысленное пение и наличие пусть минимальной, но все-таки культуры исполнения. На фоне полного отсутствия ее у других это произведет нужное впечатление.

Но на этом все и закончилось. Накануне, после проверки на пригодность, я выяснил, что мелодии песен, выбранных мной для исполнения, знают все, и объяснил певунам: для того, чтобы мы могли полноценно заниматься, текст они должны знать назубок, так же, как мелодию.

Увы, все мои рекомендации были забыты. Хористы старательно мычали, крутили головами, пытались подслушать, что поют соседи, но соседи делали то же самое. Репетиция была сорвана. С пожеланием, «чтобы на следующий раз от зубов слова отскакивали», я распустил хор, позанимался с вокально-инструментальным ансамблем и пошел к Сереге. Но он попался мне навстречу.

— Валер, я минут на десять сбегаю по делу, а ты тут стой. Извини, я тебя одного в кабинете не могу оставить.

— Да как я один-то тут?

— Стой себе спокойно. Никто тебя не тронет, — сказал он и ушел.

Я, вспомнив совет начальника зоны, «встал себе спокойно», хотя мне было явно не по себе. Почему? Не знаю.

Я осмотрелся. У стены на подставке была закреплена толстая металлическая пластина, по-видимому, подключенная к электрической сети, от нее исходил жар, ощутимый даже на расстоянии. Невольно отметив, что во время разговора с Серегой на ней ничего не было, а сейчас появилась еще и какая-то банка, я почувствовал сзади движение. Обернулся и обомлел.

В метре от меня, повернувшись ко мне голой спиной, стоял мужик. И какой!

Под два метра ростом, с плечами былинной ширины. Такого здоровенного мужичка «живьем» никогда я не видел. Но его габариты оказались на втором месте. На первом — вне конкуренции — была его спина. На гигантских размеров спине, как на живом холсте, красовалась картина, изображающая штурм войском крепости. Позабыв обо всем, я начал разглядывать невиданное полотно.

Не на жизнь, а на смерть сражалось около полусотни нападающих и обороняющихся. На спине-картине ничего не было изображено «просто так», каждый человек, каждая группа людей играли свою роль.

Вот на крепостной стене поединок двух воинов. На лице победителя — радостный оскал, а тот, кого он проткнул мечом, закатив глаза в предсмертных муках, простирает руку к небесам, словно прося Господа о прощении грехов. Что ни уголок кожи, то сюжет, то законченная «картина». Все время, пока не было «гражданина начальника», я таращился на невиданное зрелище. За это время на плите было заварено несколько банок чифира. Начальник ушел, можно заваривать традиционный зековский напиток, но мешается «артист», значит, надо его чем-то отвлечь. Что и было сделано с присущей зекам смекалкой.

Через четыре дня мои вокалисты вновь заполнили красный уголок. Я вышел на сцену и стал внимательно разглядывать хоровой коллектив:

— У вас что, Куликовская битва была?

Физиономии всех «артистов», за исключением двух-трех, были «украшены» фингалами разных размеров и расцветок. Столько синяков, собранных в одном месте, я еще не видел.

Ко мне подскочил мой староста-гармонист и пояснил:

— Валерий Михайлович, понимаете, какая штука получилась. Вы велели текст выучить, я им то же самое сказал. Их даже на час раньше с работы стали отпускать. А они этот час балдели. Тогда я условие поставил: вечером проверяю, кто слова не знает — тому в рыло, на следующий день проверяю, кто путается — опять в рыло.

— Ну? — подивился я проявлению педагогической смекалки.

— А что «ну». Старательные — те лишь по разу, по два по рогам получили, а «сачки» — по полной программе. Вон тот, видите, во втором ряду в середине сидит, никак не хотел ничего запоминать, просто замучился я.

— Что, бить замучился?

— Да нет, место на морде выбирать замучился, ему ведь, козлу, выступать скоро. На сцене стоять будет...

— Заботливый, — похвалил я его.

— Валерий Михайлович! Да я зазря муху не обижу. Вот хоть у начальника спросите. Просто я вас не хотел подводить, а без проверки они и сейчас бы мычали.

«Ладно, я сюда не в качестве Матери Терезы приглашен, — подумал я. — Посмотрим. Если такой метод даст результат... Черт с ними, с фингалами, до смотра сойдут».

Экзекуция в качестве побудительного мотива для зубрежки текста действительно оправдала себя как педагогический метод. Первая репетиция прошла «на ура», и самым главным ее результатом было то, что мои хористы, когда худо-бедно что-то стало получаться, ПОНЯЛИ ЭТО, и глаза у них, у бедолаг, засветились! Мне было ясно, что сермяжные, в общем-то, мужики, которые не то, чтобы здесь, а на воле мало чего хорошего видели, почувствовали себя причастными к чему-то большому, чего в их жизни никогда не было. Только ради этого стоило прийти сюда, потому что было неизвестно, кто кому больше дал и кто больше получил.

Через две недели в огромной столовой, из которой были убраны столы, мой хор, похорошевший внешне и внутренне, стоял на внушительных размеров сцене. Это была генеральная репетиция перед вечерним выступлением.

Гармонист заиграл вступление, «мои» начали петь.

Перед сценой высился стол, единственный не убранный из столовой, причем даже миски с него не были сняты.

«Сачкуют, наверное, дежурные», — подумал я и присел на одну из скамеек, стоящих по обе стороны стола.

«О-ох!» — хор как по команде замолчал и изумленно выдохнул.

Я мигом соскочил, начал машинально отряхивать брюки. Ясно было, что я сел на окрашенную или очень грязную скамейку. Но дело было в другом.

— Валерий Михайлович, тут у нас девочки сидят, сюда запахло садиться, а вам — тем более, — выпалил оказавшийся рядом староста.

— Так у вас же мужская колония, — простодушно удивился я и тут же сообразил, что за «девочки» тут сидят. — Спасибо за информацию. Вот видите, чему-то я вас научил, чему-то вы меня.

Хористы понимающе закивали.

На смотре художественной самодеятельности среди отбывающих наказание в колонии номер сорок три (так ее звали в народе) «мой» отряд переместился с двадцать четвертого места на второе, благодаря чему начальник отряда получил благодарность, а я — незабываемые впечатления.

ВИКТОР ФИЛИМОНОВ

A portrait of Viktor Filimonov, a man with long dark hair and a grey beard, wearing a dark jacket. The background is a dense thicket of bare trees.

Виктор Филимонов родился и живет в Екатеринбурге. Преподает гуманитарные дисциплины в Уральском государственном техническом университете — УПИ. Аспирант кафедры культурологии и дизайна.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

елена тихомирова (фото)
иван рыжков (фото)

кто такой махотин?

На этот вопрос некоторые дамы возрастом в полтора баллаза шутили, что он китаец Мао Хо Тин. Шутка, конечно, но какая-то доля истины все-таки есть. Это просто признание масштаба, китацев ведь целых полтора миллиарда.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу кто ты.

А у него друзей — как китацев. И каждый друг! Каждый: «Мы с Витей...!»

А что ты без Вити? А, оказывается, вполне неплохо. В основном. Народ в основном творческий, всякое, конечно, бывает, но в основном творческий народ. Художники, поэты, мастера, коммерсанты, аферисты, опять же дамы — содержательный народ. Богема. А раз так, то и сам Махотин — человек творческий.

Творец.

Когда меня спрашивали, кто такой Махотин, я отвечал примерно так:

— Ну, он вообще-то художник, но вообще-то художник он относительный...

Это однажды один певец сказал про другого такого же певца примерно в том смысле, что, дескать, певец-то он так себе, относительный, зато какой человек... Прямо по Махотину: матерый человекище. А я продолжаю:

— Но в нашем маленьком захолустье он, конечно, величина (типа, ему палец в рот не клади).

И откуда я набрался этого стыдливого идиотизма? Ума не приложу.

Впрочем, опять же дамам нравится.

Ну, художник же вроде бы. Картины красил. Иногда даже вполне симпатичные. Типа девочки с самолетиком. Как она называется на самом деле, я не знаю, поэтому просто без кавычек описываю, что там изображено. Правда здорово! Искренне, светло и самолетик в небе.

Один мой знакомый очень хотел эту картинку заполучить, но не купить, а в подарок. Покупать ему как-то не хотелось (см. про относительность). Вот он и приставал к Махотину: подари да подари.

А Махотин дарил. Но все время другие. И однажды, когда товарищ мой в очередной раз пристал к нему,

крепко пристал, он это умеет, Махотин говорит: «Вот! у меня есть одна новая работа, хорошая работа!» — и нырнул куда-то (когда я писал «и нырнул», то пропустил пробел, получилось «инырнул», Word, конечно, среагировал и предложил вариант «шнырнул» — молодец!). Потом вынырнул и протягивает обещанную картину. А она вся черная, вообще ничего не видно. Я попытался сначала сгладить ситуацию, сказал, что, наверное, картина называется «Бой в Крыму — все в дыму» и что сделана она в духе великого Малевича, но потом, когда посмотрел на товарищеву физиономию, мою легкую веселость как ветром сдуло, и на смену ей пришло такое, что я чуть не лопнул от смеха.

Немая сцена.

Х у д о ж н и к : Я художник!

Р а б о ч и й : А, по-моему, ты говно!

В о п р о с : Кто такой Махотин?

фрекс, брекс, секс

Первое, что приходит в голову при упоминании о Викторе Федоровиче Махотине, — это не живопись, не его работа в музее истории Екатеринбурга, который он называл «Музеум», не музей-кузница, созданный им в Башне-на-Плотинке. Первое — это тусовка, люди, которых он собрал возле себя.

Тусовка родилась не на пустом месте: объединяющей силой стали выставки времен начала перестройки. Первые выставки — понятно, что их можно считать за одну, переезжающую с места на место (передвижники?), — порождены страстным порывом к свободе. Вот она! Нет выставочников, партии, комсомола, цензуры — ни хрена нет, одна свобода! Не важно конкретное, вербальное содержание этого порыва, в котором при обилии различных, продуманных и грамотных формулировок, можно вычлени некую доминанту, сводимую к фразе: вот вам, суки! Важен порыв, эмоция, страсть, творческая то, что через годы отзывается не просто воспоминанием, но желанием. Желанием повторить, еще раз испытать это яростное чувство.

Тусовка сложилась в годы перестройки и живет, и будет жить, и продолжает дело... Во как! Хотя, почему бы и нет, «пуркуа па бы не па», как говорил сам Махотин. Он даже внешне выглядел подходяще. К тому, чтобы его дело жило и побеждало.

Однажды в мастерскую в «музеуме» пришел один ювелир. Не знаю, по делу или просто так, но ювелир. А ювелиры — это такие мужики, у которых, кроме рук, должны быть глаза. А последние пять минут до его прихода Махотин был занят тем, что рисовал фло-мастером шевелюру на портрете Ленина. Тут заходит ювелир, и Махотин с ходу ему говорит:

— Автопортрет сделал, — и добавляет, — свой. Неделю работал. Продаю. Хорошая работа. Недорого. Вот. Пятьдесят рублей.

Кто помнит, на эти деньги можно было неделю ни в чем себе не отказывать. Судя по всему, ювелир ни в чем себе не отказывал на гораздо большую сумму в неделю. Он купил «автопортрет»!

Я был, мягко говоря, удивлен. А где у ювелира глаза? Видимо, там же, где у Ленина волосы.

Я думаю, ювелир все прекрасно видел и покупал не автопортрет Виктора Федоровича Махотина, а портрет Ленина с волосами. Это было своеобразным знаком, фирменным блюдом, о котором знала вся тусовка, кроме, видимо, меня любимого. Позже я слышал даже такую интересную версию, что Махотин каждое утро рисует Ленину волосы, продает как автопортрет, и тем живет.

Таких знаков было довольно много, в основном это были своеобразные фразочки, результат этаких неосознанных экспромтов, вроде той же «пуркуа» или «блюда себя — любовь зла!», или той, что вынесена в заглавие. Как-то в «музеуме» даже попытались вспомнить все эти перлы и написали пару страниц, но потом бросили это занятие, поняв, что без Махотина ничего не выйдет. И с ним не выйдет. Потому, что вместо того, чтобы вспоминать старое он придумает новое, и оно будет жить. А что запомнили — то запомнили, пусть тоже живет.

Вот это — серьезно! Превратить собственную дурь в источник радости для людей — апостольская миссия. Заставить играть по своим правилам, и чтобы все были довольны и счастливы, и шли к тебе в будни и праздники — тоже не слабо. А потом принимать их в будни и праздники толпами и не озвереть. Для этого людей надо любить.

Однажды в «музеуме»

Я пришел к нему просто так, потусоваться, как и все остальные. Но другие придумывали какие-то поводы, какие-то дела, а у меня ума не хватало ничего придумать, поэтому я перся просто так. Часов, главное, в одиннадцать утра. «И носило меня, как осенний листок». Сижку, пью чай (см. про китайцев), и заходит ревизор (см. немая сцена). Это такая тетка. Я ничего плохого не могу сказать про нее не потому, что ничего

не знаю, хотя на самом деле не знаю, а потому, что ей и так тяжело. Пожилая, замотанная, из тех, про кого говорят: бедный, но честный. И начинает Махотина инспектировать. «А где тут у вас то, а где тут это».

Ну, махотинское смирение всем известно. Я не шучу. Смирение — это ведь значит принимать жизнь такой, какая она есть, и радоваться.

Вот, наверное, и ответ на вопрос: Махотин — это тот, кто умеет радоваться.

А ты хочешь — радуйся вместе с ним, хочешь — смотри со стороны и радуйся, а хочешь — радуйся, что тебя не зацепило.

В общем, Махотин смирился и говорит — я сильно сокращаю их разговор, чтобы не утомить читателя излишними подробностями — так вот, он говорит: «Ничего из того, о чем Вы меня все время спрашиваете, нет. Пишите: недовоза». Причем прозвучало это как «недовоза» — интеллигентно так, не манерно, не то, что нынешний бы кто-нибудь брякнул — «дидоздадзя».

Следует заметить, что на Махотине висела кое-какая материальная ответственность. Нет — значит, нет. Тетка так и записала везде. «Недовоза». А на самом деле никакой недовоза-то не было. Seriously. Просто все валялось где попало: что-то в мастерской, что-то дома, что-то на разных выставках.

А Махотин продолжает: «Зато есть отличные сережки из уральского камня родонита в мельхиоре. Как раз для Вас». Опять сокращаю, опять цитирую неточно. Невозможно, по крайней мере, я не могу передать на бумаге все его... нет, не ужимки и прибаутки, так не правильно... весь его экспрессивный репертуар — вот! Кто видел Махотина в деле — тот видел, а кто не видел — не мучайте себя. Но что такое сережки из мельхиора с уральским камнем родонитом и какова их ценность, в том числе эстетическая, знают, думаю, все.

Я уже давно сидел, как шестаковский пьяный ежик с выпученными до щелчка глазами, и совершенно одеревенел, стараясь не пропустить ни слова, ни жеста их этого спектакля, но здесь пришлось дополнительно напрячься, чтобы не заржать и не сломать весь кайф.

Это сейчас я понимаю, что ничего не сломал бы, что Махотин в любой ситуации чувствовал себя как рыба в воде, что он жил в ситуации. То есть, вообще говоря, он просто жил. Непредсказуемое течение жизни было для него источником удовольствия, вдохновения, чего хотите. И так далее. Но тогда я был, как сказала одна моя знакомая, «такой идиот». Про меня и сказала.

В общем, я затаился. «Вобрал в себя все волосы и заиндевел».

Да, еще один нюанс! Махотин не пытался подарить сережки. Это был бы «низкий сорт, нечистая работа». Не в том дело, что это сильно напоминало бы взятку, чепуха псевдоинтеллигентская, а в том дело, что Махотин эти сережки продавал. И цену назвал. Как Махотин умел назвать цену, тоже все знают, а кто не знает — унижьтесь.

Если бы я сам не видел, я бы не поверил. Тетка взяла сережки и стала их примерять.

**МАХОТИН БЫЛ ЗАНЯТ ТЕМ, ЧТО РИСОВАЛ
ФЛОМАСТЕРОМ ШЕВЕЛЮРУ НА ПОРТРЕТЕ
ЛЕНИНА. ТУТ ЗАХОДИТ ЮВЕЛИР, И МАХОТИН
С ХОДУ ЕМУ ГОВОРИТ:
› АВТОПОРТРЕТ СДЕЛАЛ, › И ДОБАВЛЯЕТ,
› СВОИ. НЕДЕЛЮ РАБОТАЛ. ПРОДАЮ.
ХОРОШАЯ РАБОТА. НЕДОРОГО.**

Знать женщин — это, конечно, хорошо. Чего тут скажешь, кроме того, что В. Ф. Махотин знал женщин. Скажешь — и ошибешься. Махотин не знал женщин — Махотин их делал. В смысле, творил.

Наблюдать превращение всегда классно. Такое волшебство! Мне здорово повезло.

А Махотин порхает вокруг тетки... нет, уже женщины, любитесь, пигмалион, своим творением.

«Вот, — говорит, — зеркало!» — и ставит зеркало.

А тетка пожилая, со зрением не очень. А Махотин:

«Вот, пожалуйста, увеличительное стекло!» — и дает лупу размером со сковородку. — «Так удобнее рассмотреть детали!».

Тетка лупу-то взяла, а что с ней делать, не очень поняла. Наводить лупу на изображение в зеркале, а не просто махать ею как попало, и прочие премудрости, — это же надо думать, а как тут думать, если только что стала женщиной.

Я сижу, смотрю на все это, и в голове медленно всплывает — как если в глубокую воду с размаха бросить арбуз, кто не пробовал, попробуйте обязательно, он всплывет, но не сразу, стоишь и ждешь: утонул — не утонул, — всплывает, в общем, такое словосочетание: «мартышка и очки». А тетка, в это самое время как у меня всплыло, и говорит: «Ну я прямо как обезьяна». А Махотин — без паузы: «Все бабы — обезьяны».

Вообще говоря, при соприкосновении с чистым творчеством, которое есть чудо, предполагается потеря сознания. Я и потерял сознание. Не в том смысле, что упал со стула и обвелся мелом, а в том смысле, что не помню, что было дальше.

Помню только, как женщина покупала себе украшения.

Ван магог

Просматривая свои бумажки перед тем, как написать предлагаемое ныне, я наткнулся на два текста. Оба о Махотине. Один известен, опубликован в журнале «Урал» и еще где-то и подписан Анантой-Ачарьей Козловым дас, другой — мой, незаконченный, набросок, написанный от руки. Сходство между ними очевидно для самого поверхностного наблюдателя. Конечно, если вникнуть в глубины, можно найти семнадцать отличий, тем более, что два уже указаны выше.

Что же касается сходства — о нем необходимо сказать, а то, если кто не читал моего наброска, может быть непонятно, о чем идет речь.

Написаны эти тексты независимо друг от друга, в разное время. Мой раньше. Это важно. И легко доказуемо: текст Козлова написан на смерть Виктора Федоровича, а мой явно прижизненный (касательно и меня, и Махотина).

Теперь о сходстве. Лучше всего оно понимается в сравнении, то есть в сопоставлении различий. Поставьте нас с Козловым рядом и посмотрите. Если Вы не китаец, то наверняка увидите различия, а если Вы все-таки китаец, но не слепой, то увидите сходство.

Цитирую.

«...кто же из мэтров свердловской богемы — кульминационная личность, кто «наш Ван Гог»... Скорее всего, Витя Махотин».

«Он (Махотин) представляет собой смесь Ван Гога и Бармалея, причем от Ван Гога он принял одержимость бесами. А а от Бармалея — талант к живописи».

Сходство настолько очевидно, что я даже не буду указывать авторов приведенных отрывков.

Поэтому о различии. О бармалеях. Когда я впервые прочитал оба цитируемых отрывка на публике и предложил установить их авторство, то услышал: «Конечно, второй — твой! Потому что ты сам — Бармалей!».

Да, у меня растет борода!

Кстати, о бармалейской живописи. Я уже вижу этот плинтус над своей головой. «Как так ...! можно...! о Махотине...! ...! о Вите...! ...!! ...!!! сам ты — ...! и ...!» — ...!

«И сходства у тебя с Махотиным только то, что ты — Витя с бородой».

«А различия есть?»

«А различий у тебя вообще нет!»

Лучше о сходстве.

А еще лучше — о бармалеях.

Попытайтесь вспомнить имена остальных героев сказки Чуковского. Требуется некоторое напряжение памяти. А как они выглядят? А как выглядит Бармалей? Он выглядит явно подробнее, чем все остальные вместе взятые. А что он любит? — Правильно, маленьких детей. И живет в Африке. — Это, вообще, где?

Он главный. Как бы мы к нему ни относились, ко всем остальным в сказке мы не относимся никак. Именно с ним мы сравниваем себя, думая, что срав-

ниваем других. Именно он вызывает в нас чувства, меняющие знак, в зависимости от нашего возраста, но не теряющие силу.

Где-то в Библии упоминаются люди, живущие где-то далеко. Их племена называются Гог и Магог. Дикие люди, как говорил Махотин, правда, не о них, а о нас. Они не похожи на обычных людей, они живут за пределами человеческого мира. Их невозможно понять — там, где они, кончается власть разума. Они не знают, что такое хорошо и что такое плохо. Они ка-ак прыгнут...!

Но с ними можно взаимодействовать. Они не обязательно зло, просто они за пределом. И они обозначают этот предел. Предел человека. Можно укрепить собственную границу, отгородиться от них, сказать: здесь я, а там — не я. Можно войти с ними в контакт и расширить собственный мир.

И то, и другое одинаково необходимо и одинаково невозможно без них.

Они смотрят на нас из-за предела, и мы знаем, что они смотрят.

Я не такой! (тоже фраза из Махотинского репертуара). Я отличаюсь от них.

Чем отличаешься?

Кто ты?

Надо с кем-то сравнить.

Надо сравнить так, чтобы взвыть от собственной ничтожности, или охренеть от восторга, или чтобы от ярости в глазах потемнело, иначе не сдвинуть нас с места. Если мы выбираем для сравнения нечто из нашего мира, доступное, то, будь оно стократ лучше, рано или поздно мы сравниваемся, или посчитаем, что сравнивались с ним. Тогда все.

Выбирать надо за пределами.

Бог необходим. Его необходимо найти. В себе, около себя, в бесконечности. Его необходимо видеть, слышать, осязать. Его необходимо чувствовать, чтобы знать, чтобы сопоставить с ним собственную жизнь.

Древним было легче. Сделали чучело Масленицы, поплясали вокруг и спалили. К кому-то Христос приходил, к кому-то — Будда.

А нам как быть?

Ищем. Днем ищем с огнем, ночью — под фонарем. И находим. И восторгаемся. И сопоставляем себя с Ним, и причащаемся Ему, и видим, что мы хороши, ничуть не хуже Его. Вот, какие молодцы!

И понимаем, что это не Бог, а простой кумир, а Бога мы так и не нашли. И ищем.

А кумира повергаем. А зачем он нам, такой же, как мы. Мы-то знаем про себя все. А если Он такой же — распни его!

Бог не может быть Богом, не действуя в этом мире. Бог не может действовать в этом мире, не живя в нем. Бог не может жить в этом мире и оставаться Богом. Он должен умереть, чтобы быть живым.

Запредельное смотрит на меня.

Всегда. И оценивает. Бывает, мы сами обращаемся к нему и берем то, что нам надо, тогда Иван-дурак

идет за золотыми яблоками. Бывает, что оно само дарит подарок, посылая Того, кто отдаст нам что-нибудь. А что Он может отдать, кроме своей жизни, если Он вынужден быть таким же, как мы, чтобы мы же Его заметили.

Нет другой ценности.

Есть время жизни, которое мы можем отдать другим, и, отдавая, на это самое время стать посланцем Запредельного, слиться с Богом. И остается чувство, которое мы испытали, живя. И что-нибудь еще, какая-нибудь мелочь, что-то, что было с нами, когда мы причащались Духа. Какой-то предмет. Это уже не простой предмет. Он вместе с нами прикоснулся к запредельному, он хранит память о нашем чувстве, и силу его, и силу запредельного, от которого не уйти, прикоснувшись к нему.

Это любовь. Она должна все время приходить, а для этого — все время уходить. И звать. И ждать, и желать повторения.

Любовь невозможна без границы. Раньше всех это понял Господь Саваоф, отделивший от Адама его женскую грань. Хитрый, он сначала все понял, а потом всех создал. А иначе не получается: сначала пойми что-то, потом сделай так, чтобы это поняли другие. И все. Больше ничего не требуется.

Что там понял Махотин, я не знаю, со своим бы разобратся, но это про любовь.

«Я не такой!» — значит, я могу любить.

Ван Гог есть у всех. А у нас есть еще и Ван Магог — Махотин. Если его работы будут когда-нибудь оценены дикими деньгами — прекрасно, но мне на это наплевать, потому что я знаю истинную цену этим работам — кусок моей жизни.

* * *

Здесь должна быть иллюстрация под названием «В. Ф. Махотин любит маленьких детей».

лонгфелло из рода манси

БОРИС ГАЛЯЗИМОВ
ИВАН САПОЖКОВ (ФОТО)

Судьба могла свести меня с Юваном еще в детстве. Мы бегали с ним по одним и тем же древляным, в жару источающим здоровый сосновый дух улочкам Березова. Но случилось так, что тропки наши расходились. И, может, потому, что Юван был чуть старше и уже учился в школе-интернате, куда маленьких таежников свозили, перед этим отлавливая чуть ли не по всей округе. Да и, надо заметить, русские от вогулов держались особняком. Люди, облаченные в малицы, были из другой и, как мне казалось, мрачной, битком набитой вурдалаками и кикиморами Страны. Когда мой младший брат долго ворочался, не засыпал, бабушка его пугала: «Спи, не то приедет вогул, увезет в чертово логово!» Угроза помогала.

А наезжали взрослые вогулы в Березов по зимним редким тогда праздникам. Наезжали, украшая своим присутствием короткий, как вздох, день. Оленьи упряжки были увешаны разноцветными суконными ленточками. И сами таежники были одеты в расшитые веселым орнаментом малицы и кисы. А еще их длинные агриши, или обозы, сопровождал волнующий душу перезвон крошечных, с наперсток, колокольцев.

Гостевали вогулы в «городе» сутки, может, чуть больше. Быстро оголяли и без того грустные магазинные полки от цветного сукна да конфет-подушечек, жадно, как воду в жару, пили «винку» тут же, у ветхого крылечка магазина, смотрели сны и внезапно, как призраки, исчезали, унося продолжение праздника в свое таинственное царство.

Вот так же быстро, как когда-то проносились нарядные оленьи упряжки, пролетят годы и годы, и я пойму: все-таки есть на белом свете такое явление как ворожея Судьба, и именно она, когда ты еще ворочаешься в утробе матери, раскидывает пасьянс, определяя, что тебе предстоит свершить на планете по имени Земля.

Ювану, родившемуся «в городе из белой ночи, в люльке-лодочке-калданке», несмышленому еще человечку, которого «нянчили волны-россомахи и длинноносые комары», Судьба предначертала одно: распахнуть перед миром дверь в удивительную Страну вогулов, или, как их теперь называют, манси.

И сын маленького народа, сын бывшего шамана добросовестно исполнит волю Судьбы...

Ранним утром последнего майского дня, когда растрепанное после сна солнышко начало усердно золотить тихие тюменские улочки, я бежал в свой рабочий цех — в редакцию, в которой большей частью скрипели стальными перьями знающие цену вкусному слову и не знающие страха бывшие фронтовики. И вот бежал и, как всегда, сунулся к газетному киоску. Мы тогда умели радоваться чужому успеху. И моя радость была чистой, как воздух утра. Рядом с ворохом еще пахнувших свежей краской местных изданий ждал полета во славу свежий номер «Роман-газеты». На голубой, как небо над Обью, обложке красовалось знакомое мне мансийское лицо. А под ним бежало емкое, певучее название повести — «Синий ветер каслания». Отрывки из нее я уже читал. Поражали какая-то детская простота строки и в то же время естественная, природой данная человеку образность. Правда, я недоумевал, почему Юван заземлил свое творение, назвав его повестью. То была, скорее всего, поэма в прозе. Ее можно было смело переложить на музыку, как ту же «Песнь о Гайавате». Каждая строчка повести цвела и пела сама по себе. Хотя потом, уже после выхода более колоритной «Языческой поэмы», Владимир Солоухин без оглядки (что с ним случалось крайне редко) нарек Ювана Шесталова сибирским Лонгфелло.

Как человеку несомненно талантливому (к тому времени он уже издал десять сборников стихов), Ювану был выделен «чум» в самом центре «столицы нефтеносного края». Квартира располагалась над магазином «Подарки», на последнем этаже, откуда, как вполне серьезно говорил поэт, была хорошо видна его добрая родина. Вот сюда-то в то пахнущее молодыми травами утро, плюнув на работу (далее Ямала не сошлют!), я и явился со свежим номером «Роман-газеты». Потом поэт мне напишет: «Тогда ты ворвался в мою жизнь с самой большой, самой светлой для меня радостью».

В то время публикация в «Роман-газете» возносила автора чуть ли не до... уровня классика. Да и умопомрачительный тираж издания разлетался не только по красной стране, но и пересекал ее рубежи. То была ре-

комендация для тамошних издательств: сейчас у нас в моде вот этот автор, можете повторить. И, как правило, повторяли.

Радость — по бронзовому лицу было видно — переполняла Ювана. Он, как большой ребенок, носился по своему трехкомнатному «чуму», где каждый предмет напоминал ему о языческой родине. И лобастую, с солнечной радостью выхваченную им из холодильника нельму (привезли сородичи!) он строгал острым, как бритва, таежным с костяной ручкой ножом. Нос рыбыны упирался в столешницу коротконового столика. Пир за таким столиком справлять можно было, лишь сидя на полу. Жены дома не было. Она, русская (Юван в стихах сравнивал ее, белокурую, с Россией), укатила на какое-то время с дочерью Оринэ на свою Родину — в Ленинград. Стол пришлось накрывать саморучно, быстро, по-мужски. Но это и хорошо.

Жены не всяк праздник воспринимают так, как его следует воспринимать. А если и обставляют его кулинарными чудесами, то до преступного медленно, словно собираются сократить пир мужской души. Это сейчас Юван стал до неприятного «сухим» и быть «сухим» горячо агитирует каждого встречного. Тогда же он попивал, и попивал красиво — гораздо красивей, чем я. И жена оберегала его от каждой лишней капли. А тут, без жены, закон — тайга, прокурор — медведь. Полная воля!..

Возбужденный, взъерошенный — явный «костер на снегу», Юван часа два читал мне стихи. Читал и прозу: «Мчусь я на железном олене. У него и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчусь на железном олене по дороге железной. Одного хочу: чтобы думы мои не стали железными». Поэт не мог успокоиться. Его рапирала радость.

Меня всегда удивлял этот маленький богатырь, задумавший вырвать свой народ из плена забвения. Поражал тот огромный фольклорный пласт, который он в свои юные леты поднял и понес на щедрых ладонях в мир белых людей: «Слушайте, дивитесь!» В его стихах священная птица-глухарь думала, а осетры — «государь подводного царства» — плакали. Медвежья голова разговаривала с охотниками, исполняющими перед ней ритуальный танец. Под ногами пружинисто прогибались мхи, похожие на овчинные тулупы. А случалось, расступалась земля, и являлось взору мрачное подземелье с буйствующим в нем злым духом Кулем. Короче говоря, представала перед тобой совсем неизвестная, увиденная острым глазом охотника его родина — тайга, или же «манси-маа». Страна манси.

Юван тяжело болел за судьбу своей Страны и росомахой набрасывался на любого негодяя, пытавшегося навязать народу, беспомощному перед накатывающимися на него бедами, свой катехизис. И помнится мне случай, происшедший в «чуме» партэлиты — желтокаменном обкоме, куда нашего брата раз в год приглашали, чтобы продемонстрировать полное «единение» партии и пишущего люда, или же тогда, когда

у партийных задниц начинало тлеть. И вот там, в этом помпезном храме, Юван, гадко ужаленный жалким инструкторишкой, вдруг коршуном взлетел над полированным столом и обрушил на вжавшуюся в плечики голову далеко не сахарное стихотворение. В нем извивались скользкие налимы, из затхлых нор выглядывали кроты и каркали нанюхавшиеся падали вороны.

И замахнется если
Кто-то на правду мою —
Срежу такого песней,
Словом его убью!

Иного оружия, кроме слова, Юван с собой не носил. Высокие обкомовские дяди прятали усмешку: чего, мол, взять с явившегося из медвежьей епархии туземца? Надо терпеть.

А мне за богатым майским столом поэт читал совсем другие стихи. В них он пытался раскрыть главную тайну его народа, крошечного, загнанного непредсказуемой Судьбой в глухие урманы, совсем еще недавно не имевшего письменности, однако сумевшего бережно сохранить целые горы устных преданий. Тогда Юван задавал себе нелегкий вопрос: откуда в мансийских сказках и загадках появились рыжие ковыльные степи и кибитки, в каждую из которых впряжена пятерка лошадей? Но уже потом, побывав в далекой Бурятии, он уверенно скажет: отсюда! И с дотошностью добросовестного следопыта проследит путь единокровцев от бурятских степей до Крыши Гор, то бишь до батюшки-Урала...

Жизнь поэта — сплошной «ветер каслания». Когда-то мне казалось, что Юван все больше и больше отрывается от той земли, где его качала берестяная зыбка. «Сифилизация началась!» — пытался глубокомысленно объяснить такое щекотливое обстоятельство кто-то из аборигенов. Что и говорить, цивилизация — штука серьезная. Она может вознести, но может и низринуть в темные пустоты. И вот встречаю Ювана в аэропорту — летит знаменитый таежник не куда-то в Березово, а в Санкт-Петербург. С этим все ясно. В городе на Неве зарыт «магнит» у жены Лили. У каждого из нас где-то находится точка притяжения. Но второй раз встречаю поэта все в том же аэропорту — на сей раз наострил крылышки в Будапешт. «А туда-то за какой светлой радостью тебя, мой друг, потащило?» В глазах Ювана — укоризна:

— Уж тебе-то надо знать: у венгров и манси — и общая история и общий язык. Со студентами-филологами я разговариваю на мансийском, и они меня понимают. Так что шли мне теперь письма на Будапештскую квартиру...

Там, в венгерской столице, Юван иногда совершает восхождение на гору Гелерт. И мысленно беседует (по-мансийски!) с вырубленным из гранита Юлианом: «Мой Юлиан! Прости, что это имя в моих стихах доны-

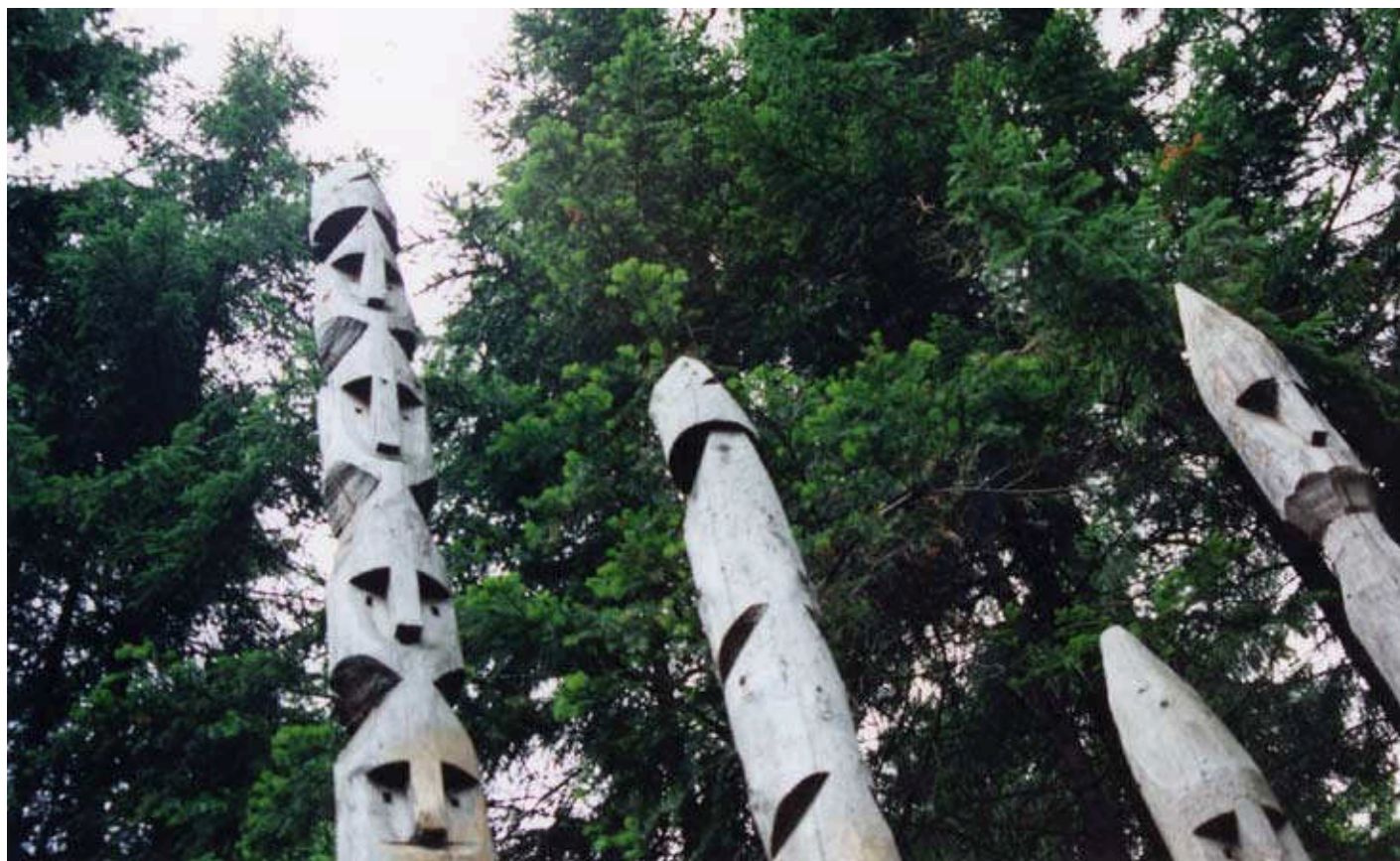
не не звучало... А ты ходил дорогами моими, искал меня за каменным Уралом...» В тринадцатом веке, одолев пешим ходом оглушительное расстояние, этот бесстрашный человек отыскал прародину венгров. И сейчас тяжелая рука путешественника-безумца простирается в сторону белоглавого Урала, а его каменные губы вроде бы шепчут: «Там я нашел родственное венграм племя и понятный им язык». Во все это верится с трудом, но так оно и было: маленький народ, понуждаемый некоей опасностью, однажды раскололся на две части. Одна откатилась еще дальше, в беспросветные урманы, вторая — устремила к голубоглазому Балатону, чтобы навсегда осесть на его ласковых берегах. Движение народов — как движение беспреградных ветров. Но любой клубок загадок можно размотать, если припасть к роднику народных преданий.

«Певец глухариных урманов», «шаман зацветающей тундры», «сын Луны и племянник Солнца», «заклинатель неправды и злобы», Юван ныне издает журнал «Стерх» и газету «Голос стерха», в которые переливается вся его боль за заметно скудеющую мансийскую землю. Из-под пера поэта явилось уже сорок книг, но говорят, что писатель всю свою жизнь пишет одну единственную книгу. У Шесталова остался заметный пробел — венгерский след его дальних отважных сородичей. Ему-то как раз и посвящено слишком затянувшееся «балатонское сидение».

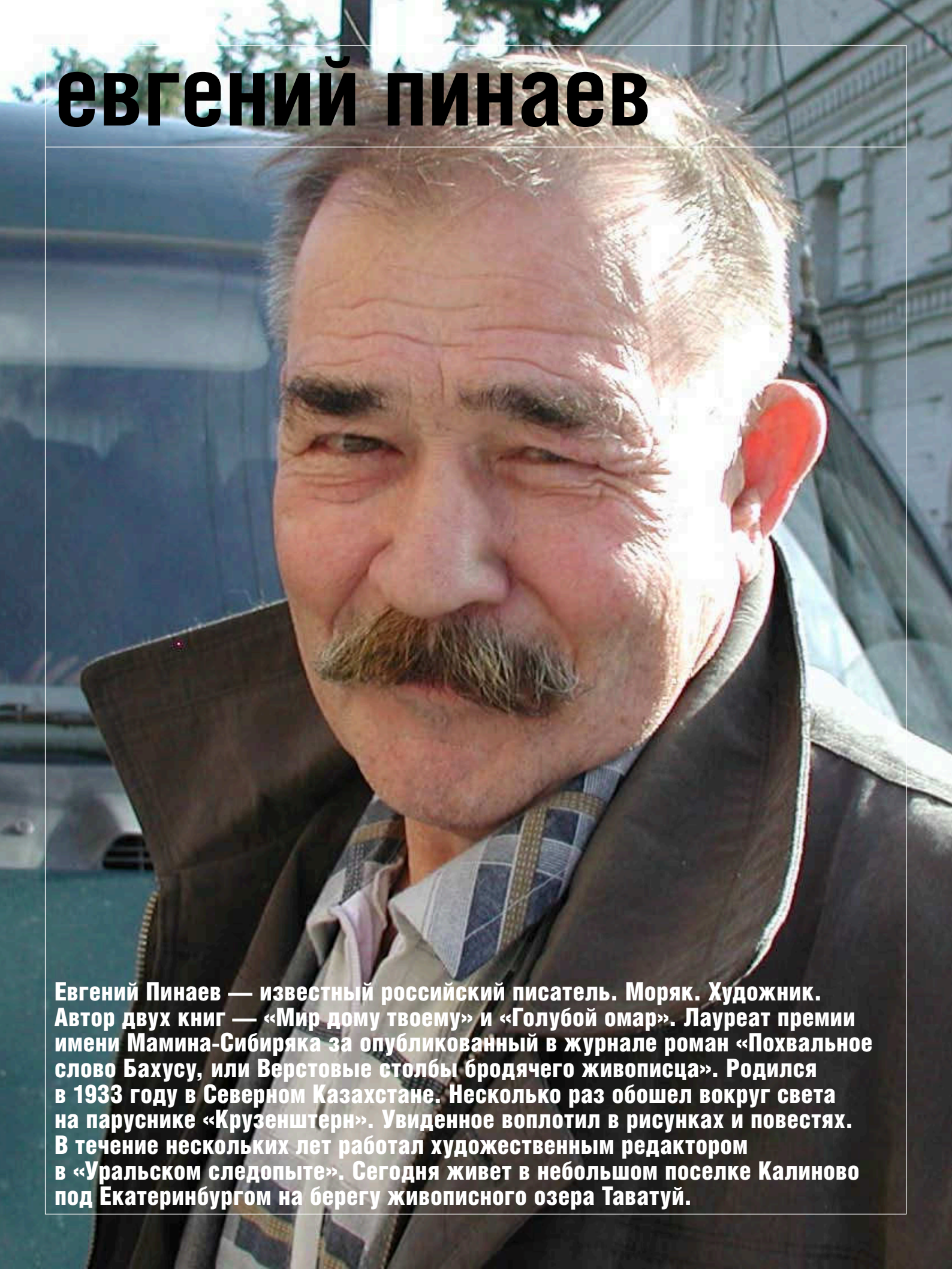
И все же, все же... Я молю Судьбу, чтобы она продолжила мой земной срок. Хочется мне дожить до той поры, когда мы с Юваном взойдем на борт его тепло-

хода «Стерх» (совсем, однако, богатым стал мой товарищ!) и смело двинем в сторону хорошо знакомого мне, далеко выдавшегося в Сосьву — Реку Горностаев — обдувного, а, стало быть, свободного от комарья мыса. Здесь, неподалеку от переустроенной деревни его детства, в самом сердце мансийской тайги, должен взметнуться Храм Неба. Сюда будут приезжать и приходить люди, чтобы в торжественной тишине вести спокойные беседы с богами. Может, и мне, атеисту, удастся найти добрый контакт с каким-нибудь вельможным небожителем. Юван уверяет, что удастся...

**«ПЕВЕЦ ГЛУХАРИНЫХ
УРМАНОВ», «ШАМАН
ЗАЦВЕТАЮЩЕЙ
ТУНДРЫ», «СЫН
ЛУНЫ И ПЛЕМЯННИК
СОЛНЦА»,
«ЗАКЛИНАТЕЛЬ
НЕПРАВДЫ
И ЗЛОБЫ» › И ЭТО
ВСЕ О НЕМ.**

евгений пинаев

A close-up portrait of an elderly man with a mustache, smiling slightly. He is wearing a dark jacket over a patterned shirt. The background is slightly blurred, showing a building and some foliage.

Евгений Пинаев — известный российский писатель. Моряк. Художник. Автор двух книг — «Мир дому твоему» и «Голубой омар». Лауреат премии имени Мамина-Сибиряка за опубликованный в журнале роман «Похвальное слово Бахусу, или Верстовые столбы бродячего живописца». Родился в 1933 году в Северном Казахстане. Несколько раз обошел вокруг света на паруснике «Крузенштерн». Увиденное воплотил в рисунках и повестях. В течение нескольких лет работал художественным редактором в «Уральском следопыте». Сегодня живет в небольшом поселке Калиново под Екатеринбургом на берегу живописного озера Таватуй.

думы у причала

елена минакова (фото)
дмитрий пинаев (фото)

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ИЗБРАННОГО

«Минуточку терпения...».

«У меня курятник есть, который я называю каютой. Там работаю, крашу. Там компьютер...».

«Неопубликованное? Кроме двух повестей — несколько рассказов валяются. И один потеряли в местном издательстве. Когда-то там собирались издать книгу. Даже начали ее набирать. Она была сделана на пишущей машинке. Но кончилось тем, что все это дело затянулось. А когда я пришел в издательство, оказалось, что потеряли даже обложку, которую я сам делал, рисовал. Я время от времени звонил, но, в конце концов, плюнул и больше не искал. Главное, того рассказа больше не нашлось — это особенно жалко».

«Я все печатал в Свердловске (две книжки), кроме одной повести, которая вышла в Москве. «Голубой омар» — последний. Вышел, и как раз началась перестройка. Теперь уж никуда... Так что особо похвастаться нечем. Да я особенно и не волнуюсь, уже не тот возраст, чтобы переживать — ахать и охать. Сама жизнь меня успокаивает — все идет своим чередом».

«Я был в плане издательства на 93-й год. К пенсии думали мне подарок сделать. Все тогда заранее планировалось — кроме того, что только идеологию не устраивало. Хотя даже в первой моей книжке «Мир Дому твоему» что-то такое есть. Название «Гвинейский пролив» заставили на «Солнечный», зарисовочный, переделать. А о рыбе — как да сколько ее добывали — вообще невозможно писать было».

«Сын сделал какой-то мой файл в Интернете. Сам-то я темный человек в этом деле. Но я на нем четвертую книгу «Похвальное слово Бахусу» уже закончил. И вот теперь по утрам занят тем, что переписываю все свое. Во-первых, чтобы запихать все на кассету, во-вторых, извините за пафос, большое видится на расстоянии — ошибки, все ляпы. Первая книга была в 2000 году напечатана в «Урале». С той поры я выбросил оттуда кое-что, добавил, работы было много. Свет появляется в окошке — начинаю за помазки браться. Ну, думаю, вот разделаюсь с выставкой немножко,отрегулирую отношения с тем и с тем, а там будет легче».

«Остров не остров, но, представляете, нынче я летом на озеро даже не ходил. Все здесь сидишь, в доме, — дел по горло. Раньше мы хоть с собаками гуляли... У нас же с женой две собаки. Мать и сын — Чарли и Дикси. И две кошки. Тоже мать и сын — Милка и Тимофей Кондратыч...».

«Тут была конюшня — простая, бревенчатая. Все

перекатали. Из каких-то бревен баня была начата. Ну а мы каюту построили и даже расширили ее метра на полтора. Двор — крытый, типичное уральское строение... Печка заряжена. Один раз ее топлю в день. А когда морозы — так два раза приходится. Здесь я и обитаю. Прекрасная печка, тепло дает очень даже».

«Перестроил каюту на одно стойло для себя...»

«Увяз в красках...».

«Местные самородки? Алексей Казанцев, художник, жил. Потом он умер. Лев Палыч Веберт, художник, умер весной. Так что остался один местный приятель — бывший полярный летчик. Я в Диксоне был в 58 году. Он там появился в 59-м. Разговорились и сошлись на этом».

«На Урале я не написал ни одного этюда. Гибралтар — есть, Урала — нет. Как-то все не то, все живешь старым больше. Не знаю, кажется, надо еще успеть старое сделать, прежде чем новое здешнее браться».

«Когда-то в доисторические времена при советской власти купил у меня картину одну в Ирбитский музей уральского искусства тамошний директор Карпов. И, видимо, когда начали в запасниках рыться, обнаружили мой старый холст — черно-белый. Назывался он «На дальних берегах». Видимо, он им понравился. А кто автор — ниче не знают... Ну и заслали сюда ко мне искусствоведа. Я, правда, успел уже разбазарить все свое хозяйство. С той поры кое-что собираю. Эта вещь, например, под картами валялась на чердаке. Случайно обнаружил, достал. Темперой было написано, маслом переписал. Вот серый кусочек остался только. В общем, ремейки делаю в основном».

«Места здесь есть очень хорошие — грибные плантации, камень. Естественные образования — утесы, что ли... Мыс «Безыманный» — это я сам так его обозвал. Бухта «Двух Львов». Тут когда-то на Лесной улице рядом с Львом Вебертом жил и Лев Румянцев, бывший зав прозой «Уральского следопыта». Чуть ниже его избушка была. А еще у Льва Григорьевича была лодка, сам-то он большой любитель порыбачить. Вот я и назвал эту бухту бухтой двух Львов. Заканчивается она почти балтийским мысом — есть такой же на Балтике недалеко от Калининграда».

«Заболев морем» не в парных тропиках — в Арктике, я решил твердо, что если «путь искусства долог, а жизнь коротка», то прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы в четырех институтских стенах. Пошатаюсь по белу свету, думал я, приближаясь к Кенигсбергу-

Калининграду, и ежели не создам свой «Девятый вал», то, может, напишу «Морские рассказы» или что-то вроде «Фрегата «Паллады».

«Древние считали, «плавать в море необходимо, жить не обязательно». Поверив хорошо сказанному, я живу на Урале, на берегу озера, которое называю своей Мини-Балтикой. Здешние сосны шумят точно так же, как их собратья настоящей Балтики. А ежели утренний туманец, скрыв дальние сопочки, преподносит взору чуть ли не морской горизонт, то иной раз можно уверовать, что волен ты уплыть отсюда в терра инкогнита, к черту на кулички».

«Это наш огород, наша тайга. Деревья посадили в первый год, когда сюда приехали. В ведре принесли. За 16 лет вымахали две листовки, пихта и елка. Беседку старший Ритин брат (жены Е. И. Пинаева — Маргариты Федоровны, — ред.) состряпал в один из своих приездов с Самары. Иногда устраиваем летом посиделки. Стол ставим, всякие чебуретки...Озеро даже видно немножко. Чуть-чуть — над крышами. А плавсредства нету. Крапивин как-то в первые годы предлагал построить здесь яхту, но мечта не осуществилась — ни его, ни моя».

«Сначала я был матросом 2-го класса... В трудовой написано: профессия — матрос МФ... Как был матросом, так им и остался».

«Я матрос с разбитого корабля, чудом оставшегося на плаву, матрос, привыкшей к травле на баке, а «травля» — всегда на потребу себе и обществу».

«С «Меридиана» у меня осталась только эта штука

— из стрелянной гильзы карандашница. У старпома она стояла — вот я ее на память и забрал. Ходил в основном, конечно, на промысловых: «Лермонтов», «Грибоедов», «Козерог». А парусников только два было в моей жизни — «Меридиан» и «Крузенштерн». 8-9 лет — по морю. А потом как-то так получилось, что сын родился, а мы все шлемся по морям».

«Когда-то в Атлантике...». Начата эта вещь еще в 98-м. Все эти годы никак не мог к ней подступиться. И даже когда начал краски месить, решение не приходило. А в последние дни что-то нашло, наконец. Раньше, когда я занимался писаниной, ляжешь вечером спать — какие-то фразы в голове крутятся. Теперь, наоборот, видишь мазки в цвете, и тоже никак не заснешь. В одну из таких минут я и увидел, наконец, эти облака. Написал картину буквально в один присест. Мелочи остались: снасть, чайка... Название: «Когда-то в Атлантике» и три точки».

«Вопрос о читателях оставим за скобками. Моя вторая и последняя книжка «Голубой омар» вышла девятнадцать лет назад. Если у нее и были читатели, они скорее всего уже вымерли. Срок-то вполне достаточный».

Записано в декабре 2006 года в поселке Калиново на озере Таватуй — в «каюте» мастера.

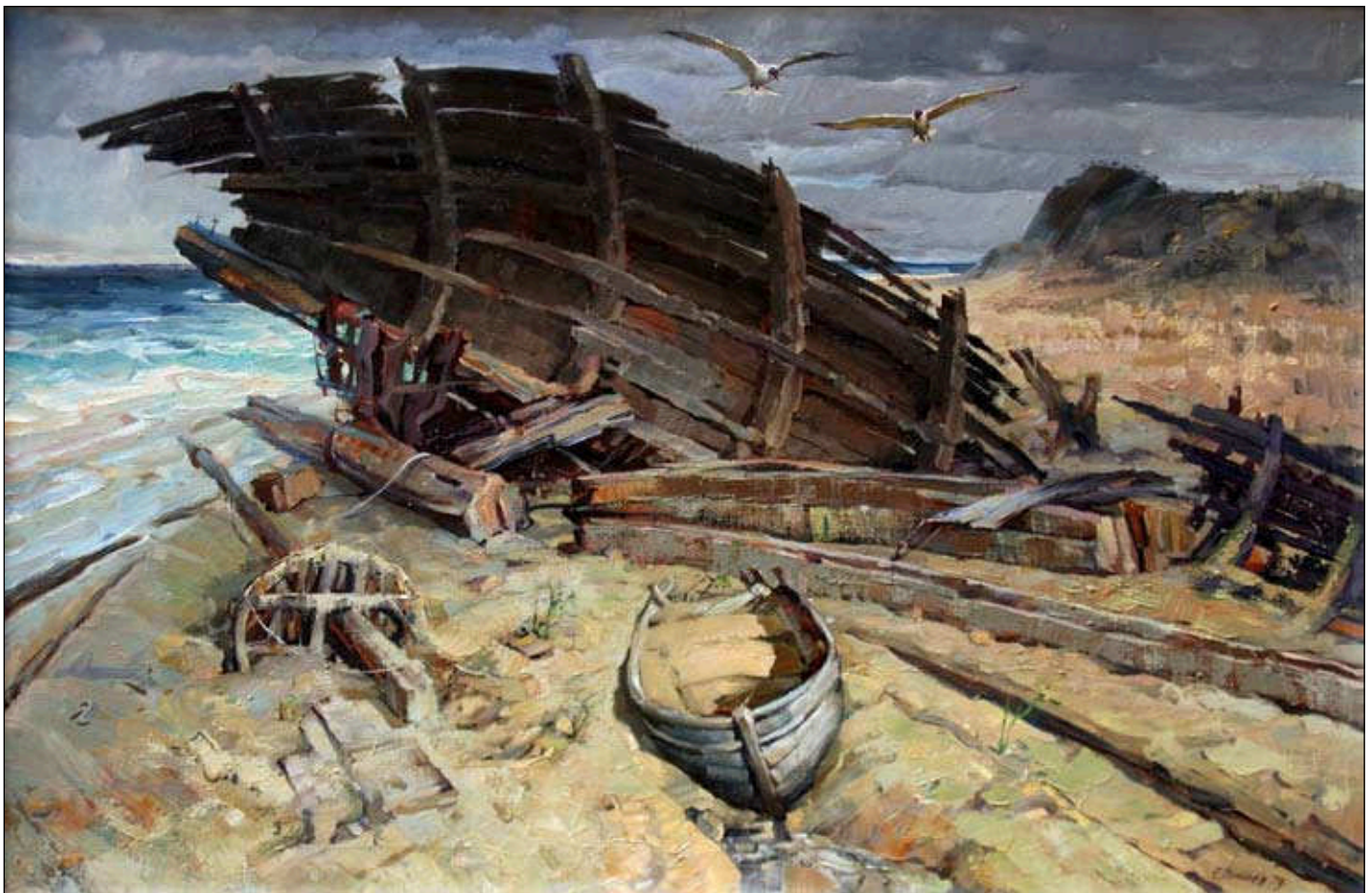

Когда прощаешься с морем. Автопортрет

пожар на таватуе

Иногда случается такое, что вслед за радостью приходит беда. Только что в Ирбитском государственном музее изобразительных искусств открылась первая персональная выставка полотен уральского самородка, как судьба нанесла ему жестокий удар. Когда этот материал уже был сверстан, до нас долетела горькая весть. Глубокой ночью от случайной искры в поселке, где живет писатель, загорелся один из домов. Под порывом ветра пламя перекинулось и на жилище Евгения Ивановича. С постели его поднял верный четвероногий друг. Но было уже поздно. Огонь погубил мастерскую творца, где он хранил свои бесценные морские реликвии, рукописи, книги, наброски к будущим полотнам. Пострадали и все дворовые постройки, в том числе и котельная, которая давала тепло. Прибывшие пожарные сумели отстоять немного.

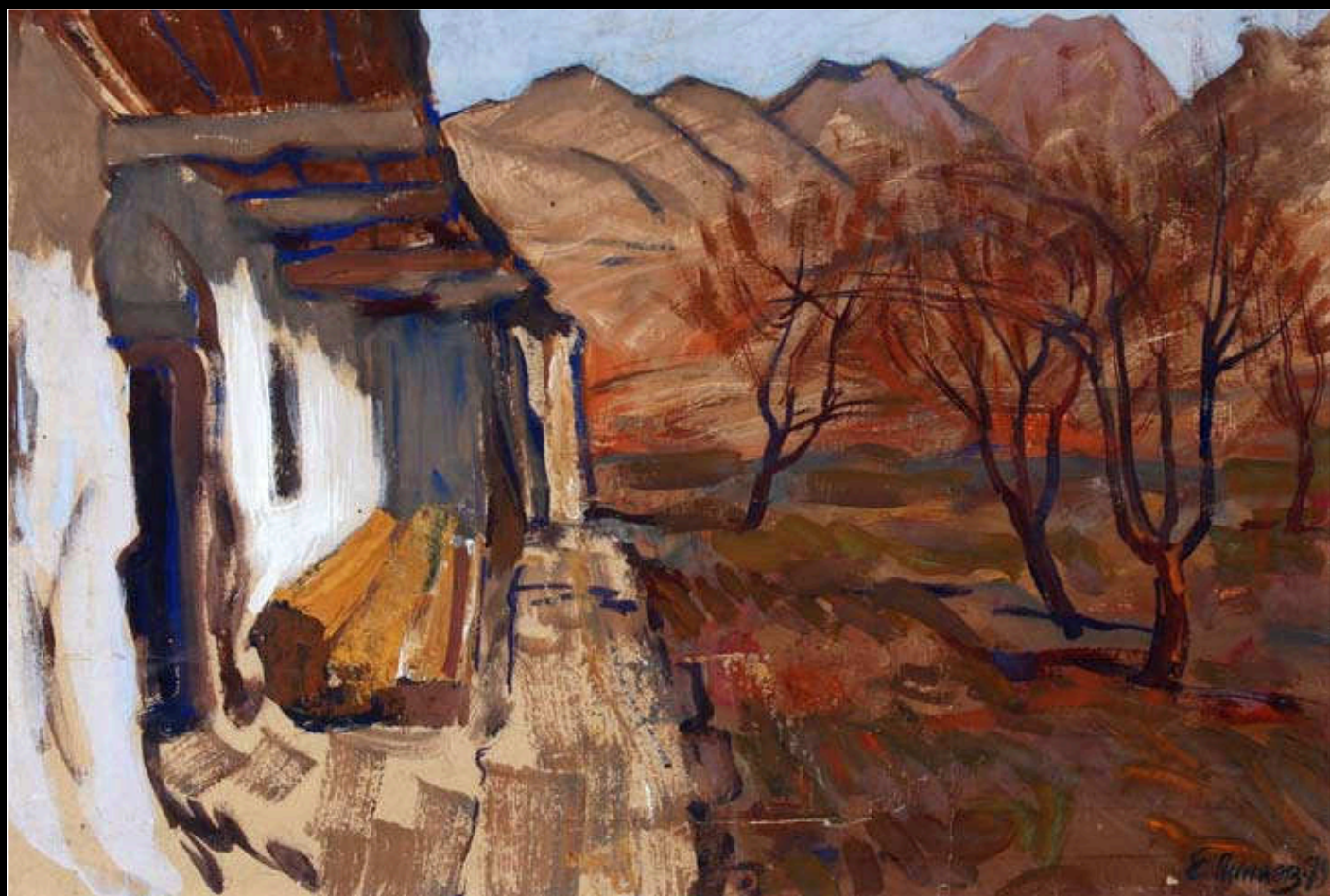
Можно себе представить горе человека, оставшегося без любимого уголка, где он творил многие годы. Мы ему глубоко сочувствуем. И верим, что он — старый моряк — выдержит этот очередной удар судьбы.

Остров Командора (На дальних берегах)

На Джейлау

Дворик

Осенний прибой

Севастополь

33

ул. КУЛЬТУРЫ

Чаша

персонажи не выдуманы, совпадения не случайны

елена минакова
фото автора

Крестики, нолики и квадратики — вот и вся Чаша, небольшая, но по-своему красивая и многолюдная деревня. Нарисовала ее на обычном ватмане энтузиастка-библиотекарьша из соседнего сибирского села Нововяткино Екатерина Охотникова. Собирала «разрозненную историю», допытывала старожилов и саму себя корила: «Художница-то из меня никакая». И все-таки, молодец она — как смогла, нарисовала схему деревни в пору ее расцвета в 1940-е. Получившаяся нехитрая «геометрия», на самом деле, — избы, речка, дорога и колодцы. Их всего четыре на деревню. Самый старый — «журавль» — кажется навечно прикованным к водяной жиле. Ну а крестики — погост. Он и сегодня никуда не делся. Летом низенькие песчаные бугорки затягивает кружево зелени лесной клубники, меж оградок торчат новорожденные березки — все не так одиноко лежать упокоившимся на кладбище. А вот Чаши самой уже нет — она исчезла. Поразъезжались ее обитатели по белу свету, многие поумирали. И только старик Петр Максимович Селиверстов по-прежнему живет у своих корней. Он последний коренной житель исчезнувшей деревни.

На высоком песчаном бугре, повторяя изгиб реки Чаши, пролегла старенькая улица Культуры. Здесь не принято что-либо выдумывать. От природы, от местных рек происходили многие названия, а по имени советского колхоза «Культура» когда-то называли люди и единственную чашинскую улицу. Начинает она разбег от трех тополей, что стоят, вытянувшись во весь рост, на просторе, а заканчивается в тенистом леске у кладбища. С этой точки видна вся бывшая деревня: там, где растут кусты, избы стояли, и в них жили большими семьями.

Дом Петра Лагутина, крещенный первым, почернел, словно обуглился. Короток оказался его век — «лица» с большака не видно. Но не пожар, а время его сгубило, и здесь теперь хозяйничает крапива. Эта трава — с «характером», но и она тянется к жилью, к земле, облаканным человеком. С остатками изгороди из жердей сравнялся зеленый часток. Когда-то срубил хозяин, что росло в лесу, приколотил старательно, а нынче все исчезло, и даже тропинка заросла — не видать покинутого порога. Да и не стоит, пожалуй, тревожить прошлое,

даже если оно чужое. Крыша и пол в домике обвалились, обнажился просторный голбец, перекрытия, убогие, сгнили. Сунешь нос сюда — птица какая-то вспорхнет испуганно, забьется в пустых стенах, как в клетке.

Стоят брошенные дома. Кое-где висят еще на дверях ржавые запоры, а окон нет — вывалились либо их растащили. В «ослепшем» проеме колышется на ветру ветхое тряпье — занавеска.

Следы прошлого. Обломки чужой жизни. А для кого-то этот угол — не чужбина, а родина. Единственная... Жили-были люди на своей земле. Детей поднимали на ноги. Работали. Выполняли план. Сегодня даже адреса обратного не осталось — все сгнуло. Печаль и обида поселились в душах людей и, видимо, долго еще будут передаваться от одного поколения к другому...

А нынче вот какая неожиданность приключилась. Получили сибиряки приглашение — весточку от родной земли. Это бывшие чашинские — Лагутин, Никулина, Селиверстов, Вохмина, Тенишев, Охотникова, Прудников, осевшие на селе, в центральной усадьбе Нововяткино, — объединились в оргкомитет и решили отпраздновать впервые в истории деревни (!) ее день рождения. Инициативу поддержала глава сельского поселения Александра Жукова (тоже бывшая Охотникова). Из старых семейных фотографий энтузиасты собрали «библиографический материал» — альбом, единый для всех жителей. Подняли разрозненные адреса. Составили сценарий празднования именин деревни. Стихи написали. Каравай испекли. И даже пригласили фольклорный ансамбль из райцентра Видулово с настоящим гармонистом. С утра пораньше по плану того сценария — сбор гостей и экскурсия с посещением кладбища. Минута молчания «Дань памяти — поклонись родной могиле». В полдень — народное гуляние. Вечером — фейерверк и встреча у костра. Вот такая программа.

А прямо в самой Чаше местные умельцы построили под открытым небом сцену. Доски крашенные где-то урвали. Лавки заготовили... Но, как назло, сгустились тучи, нахмурилась природа, и зарядил затяжной противный сибирский дождичек, отчего расквасилась единственная дорога, соединяющая два селения.

далеко от москвы

Встретились разлетевшиеся «птенцы» к назначенному времени, облобызались, а до своего гнезда так и не долетели. Застряли в Нововяткино. В спортзале местной школы для них по разрешению администрации накрыли банкетные столы. Сели люди. Развернул гармонист меха гармошки. Хор чашинские от души угостили и сами запели.

Кажется, и за полвека лет здесь ничего не изменилось. Вера Гончарова (бывшая Лагутина), дочь председателя колхоза, пожаловала на торжество в резиновых сапогах. В каком виде уезжала, в таком же и вернулась. Но только те сапожки — из детства — были черными, «блескучими», праздничными. Так подсказывает Вере ее память. А много ли было в жизни праздничного? В глубинке всегда жили одинаково бедно.

Вот и история деревни началась как бы с нуля, с абсолютной бедности. Краеведческие источники относят дату ее рождения к 1911-12 годам. По версии многих, Чаша образовалась гораздо раньше. Якобы открыли ее самоходы из Смоленской губернии, что когда-то пустились на поиски лучшей доли: Терешковы из Субровки Глинского района, Никулины и Лагутины из деревни Заборье Кордымовского района. Шли они за земельными наделами. Земли людям не хватало. А в Сибири просторов — вволю, знай, корчуй лес, паши землю и сей зерно. Расселились пришлые хуторами, стали их величать: Лобанов, Митин, Химкин, Николаичев — где одна жила семья, где сразу несколько. По имени хозяина назывались и местные усадьбы: Егорова сежа, Алексеева сежа. Много было посевов, скота. Для него люди построили в скором времени просторную ферму. Лопатами вырыли канавы и до своих угодий проложили большак, который закладывали еще ссыльные...

Трудились, света белого не зная, а из нищеты все же не могли выбраться. Двери домов в Чаше не закрывались — да и нечего, откровенно говоря, воровать было. И некому. Летом стар и млад — в поле. Сеяли рожь, пшеницу, овес, просо, лен — из него справляли себе одежду. На быках, а то и на коровах, пахали, боронили, соломой возили. Пятнадцатилетние ходили за плугом. На сортировке хлеба орудовали тяжелыми совками и ведрами деревянными. Траву косили на болотинах до колен в воде («подошвы сделаются вдруг белые, все в дырочках, ноги по ночам ломит»). И что теперь жаловаться на отсутствие здоровья?!

А очагом культуры, как и везде в глубинке, являлась начальная школа. Построили ее еще в 1920-м, и стала она для ребятни вторым домом. Благодаря местной интеллигенции. Правда, она, эта «местная интеллигенция», пришла с фронтов искалеченная и снова — в строй. Оболтусам спуска не давала и до конца жизни хранила верность выбранной профессии. Михаил Сидорович Терешков немного не дожил до праздника в Чаше. Но все же оставил о себе память. Минутой молчания почтили строгого, но справедливого учителя люди, собравшиеся на дне рождения де-

ревни в чужом спортзале. Тем самым и школе родной поклонились.

Трудно понять деревню городскому жителю. Не было больницы, а значит, болеть — себе дороже! Не было почты: изредка на лошади приезжал из района «специальный» почтальон. Не было молокоанки: доярки сами отвозили надои в соседнее Готопутово. Тракторов, машин не знали чашинские — пешком ходили. В церковь — в Чуртан, встречать сыновей с фронта — в Ишим, рожать — в баню. Раньше как было: ни к фельдшеру, ни к бабкам-повитухам по таким пустякам не обращались («женщина сама на коленочки встанет, родит, пупок перевяжет»).

Зато кино привозное было, и гармонист хороший, Дмитрий Журавлев, создавал атмосферу праздника в местном клубе. Молодые пели, плясали, готовили «всякие там пьесы». Девушки наряжались хлопцами. Была в деревне и кузница — там подковывали лошадей. Пимокат катал валенки. Девчата пряли на высоких пряхках, одеяла стежили, тулупы, полушубки шили.

А еще чашинские дома строили! Из местного «подручного» материала — из березы или осины — собирали срубы. Неправду говорят, что осина вытягивает все жизненные силы — в иной избе по три комнатки было: горница, кухня, спальня и сенцы, а детей — не сосчитать по лавкам.

В 1965-м на улицу Культуры пришло долгожданное электричество! Ямы под столбы копали сами жители. Свет горел от движка до 23.00, и Федор Никулин, первый на деревне специалист, командовал освещением.

Неунывающий народ — чашинские («где поплачут, где песни попоют»). Жили одной семьей, дружно, соседу помогали. Бывало, набьются в одну избу — первую диковинку-патефон слушают всем сборищем. А то, бывало, насыплет хозяйка в чугунок картошки для свиней — запах разносится по всему околотку. Ребята голопузые набегут — налопаются вдоволь. Всем вкусного варева хватало! И жизнь длилась дольше века... Старичку Игнащенко, например, 106 лет исполнилось — а он, как молодой, по гектару травы за раз выкашивал.

Жуткие времена настали, когда с визитами почтальона стали приходить похоронки. Первый удар Чаша приняла как раз в 1940-е. Назад возвратились не все: из пятидесяти двух — тридцать пять. Остались старики, женщины, дети и колхозный скот, который «не забрали». Чтобы спасти его от бескормицы, раздали по дворам. А семян для посева не хватало. Тягловый скот был «плохой упитанности». Едва-едва дотягивали люди до середины отметки плана вспашки, рассчитанного на 95 гектаров земли. Силоса нужно было заложить 205 тонн, закладывали 82. Скосить — 480 гектаров, а скашивали 20.

Все эти суровые годы (и четверть века в целом) колхозом «Культура» руководил Павел Лагутин, человек добросовестный, беспартийный. Как-то признался: «Я

**ДОМ ПЕТРА
ЛАГУТИНА,
КРЕЩЕННЫЙ
ПЕРВЫМ,
ПРЕВРАТИЛСЯ
В ПЕПЕЛИЩЕ.
КОРОТОК
ОКАЗАЛСЯ
ЕГО ВЕК
» «ЛИЦА»
С БОЛЬШАКА
НЕ ВИДНО.**

спокоен, ко мне в любое время приходи, проверяй — чего у других нет, того и у меня нет». Его, наполовину незрячего, призвали в трудармию, но деревня заволновалась, и полетели в район тревожные письма, жалобы на нового председателя Чиркова. Прислали его из соседней Комиссаровки, и стал Чирков наводить новые порядки («немало посадил народа»). Дед Мишенька (так звали его) сторожем работал: насыпал как-то в карман пшенички — внука покормить. Осудили его. В тюрьме он и умер.

С обидой в душе ушла из жизни и жена председателя Евдокия Лагутина. Не хватило ей 18-ти дней до стажа, и осталась старушка без пенсии. Получила на руки шесть рублей, как издевательство, и заплакала: все-таки в семье 12 человек было, по дому управляться успевала и в колхоз ходила на работу...

В 1930-м организовали колхоз «Культура». Тогда в Чаше насчитывалось 40 дворов, и в них жили 172 человека. В 1945-м — 214. В 1969-м — 110. В 1978-м — 78. В 1985-м — 46. В 1990-м — 33. А в 2006-м — 15. Цифры — категория скучная, и все-таки они о многом говорят. Сегодня в деревне живут только пасечник Селиверстов с супругой, да какой-то пришлый казах с семьей поселился...

А разъезжаться чашинские начали еще после войны: поближе к детям, к цивилизации, в большие города стремились — туда, где расплачивались за труд не «галочками», а деньгами. Наиболее удачливый старался перетянуть другого — так и текли живые ручейки, в основном, в Свердловск и Тюмень. В 50-е началось укрупнение колхозов, и некогда дружная самостоятельная деревня превратилась в отделение совхоза «Максимовский» Абатского района. В 80-е закрыли единственную школу. В 90-е перестройка началась. Каждое нововведение вело только к худшему — отток населения увеличивался. И Чаша исчезла.

Таким же образом улетучиваются сегодня и многие фермы в окрестностях. Нет-нет, да кто-нибудь обмолвится в сердцах: «В войну такого не знали!» По дороге на праздник нельзя было не миновать старое село Готопутово, что в Сорокинском районе. Здесь тоже «укрупнились»: колхозы стали называться совхозами, сразу шесть или семь деревень свезли в одну кучу, и все, что наживалось годами, весь уклад в миг нару-

**ТИХО В ДЕРЕВНЕ,
БЕЗЛЮДНО,
БЕЗЖИЗНЕННО.
НИКАКОГО
ФЕЙЕРВЕРКА.
ТАК ЧАША
ОТПРАЗДНОВАЛА
СВОЙ ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ.**

шили. Остатки хозяйств — и те растащили. Бывшие скотники, доярки, учителя, врачи остались без привычного дела. Больницу на селе сначала долго ремонтировали, потратили на эту затею большие деньги и неожиданно закрыли здание на замок. «Оптимизация» — новое поветрие. Школы, музеи, сельские поликлиники подверглись реорганизации. Ближайший готопутровский «медпункт» — у вдовы бывшего председателя колхоза Людмилы Григорьевны Ермолаевой, потому что у нее «аппарат измеряет давление». Александр Ермолаев, супруг ее, лежит под березкой на кладбище. Про него рассказывают: честный был человек. Ничего при жизни не заработал. Но зато колхоз вывел в миллионеры. Сегодня и этот миллионер стал банкротом...

А все-таки жалко-жалко деревню Чаша, хоть она, бедненькая, и помучилась! Все отдавала государству («на все план накладывали»). Красотой своей удивляла — лучше не было в округе поселения. Высоко стояла, вся в зелени. Строиться негде было — столько в лучшие годы на чашинской земле набралось разного народу! Места кругом — грибные, ягодные, почва — песчаная. Грязи местные труженики в глаза не видели. В речке купались, рыбачили. Речка и сегодня никуда не делась. Стонут над ней кулики. А по деревне ветры гуляют. Раскачивают на столбах провода, по которым еще бежит электричество.

Осиротели «дети» деревни. Ищут свои дома на бумажной схеме. Исправляют случайные ошибки и вписывают настоящие фамилии... А у самой деревни нет настоящего — одни экспонаты остались. Их для чего-то приберег в своем маленьком музее директор новоят-кинской школы Виктор Глебов, чистой воды бесребреник. На протяжении семнадцати лет он кропотливо занимался нумизматикой. Школьники тащили старинные утюги, прялки, иконы, ружья, патефоны — все это складировалось в кабинете истории. То, что казалось ненужным, выбрасывалось на свалку. Но шли годы, находки превращались в раритеты, приобретали немалую цену. И теперь уже новые школьники разглядывают старину, как диковинку, кто-нибудь непременно спросит: «Что такое ботало?» — и местные юмористы с удовольствием любопытного просветят: «А это противоугонное средство для лошади». Старые люди вспоминают юность, свое прошлое. Выставки, экскурсии и встречи с выдающимися представителями глубинки стали обычным здесь явлением.

Оживились и чиновники от культуры. Предложили Глебову зарплату, а его коллекции — статус филиала Викуловского музея. Однако отказался энтузиаст под вежливым предлогом. «Директор музея — это мое хобби, — ответил, — и мне денег не надо». Деньги, конечно, нужны ему, как всякому порядочному человеку, но уж больно непредсказуемой бывает государственная опека. Слухами полнится земля. Как раз в наши дни в целях экономии средств в отрасли многие краеведческие фонды переводятся на иные места жительства. А разве

это правильно? История не должна пылиться на полках в райцентрах, больших городах, она должна выступать в роли воспитателя. Никто не должен почувствовать себя оторванным от своей родины.

Тихо-мирно живет музей Глебова за двумя дверями. Ценности еще не введены в научный оборот, но они в надежных руках — можно за них не беспокоиться.

Ищет свой дом Иван Иканов. Нашел. Приехал. Упал на траву... А больше ему, городскому жителю, ничего не надо. Рассказывает спокойно, буднично: «Уехал в 1958-м. Сначала — в Калининскую область, потом на Урале жил, потом в Тюмени зацепился». Многие старые знают Ивана Иканова. И земля его вспомнила...

Коля Прудников настраивает «антиквариат» — «Газ-69» — для экскурсии в Чашу вместе с внуками председателя. Дождь идет, дорога расквасилась («жидкий асфальт — грязь по колено»), нельзя ехать, да и не ехать нельзя: все-таки люди домой вернулись! Венки и полное описание кладбища с собой привезли. Это старшая Лагутина, Дарья Чернова, дала наказ «молодежи» навестить близких и родных: сама-то она приболела, все-таки 79 лет ей — не смогла вечная труженица побывать на празднике.

Коля распахивает дверцу своего авто и поправляет велюровую «кремлевского» цвета накидку на сиденье: «Пожалуйста, дорогие гости, здесь вход, а здесь выход». С юмором у него все в порядке. Настоящий красный молодец! Даже не верится, что когда-то он работал шофером и «не справлялся». «Денно и ночью» гонял Коля скот на мясокомбинат в Ишим. Несколько тысяч голов в те поры стояли возле Чаши, Комиссаровки и Малаховки, а мяса на прилавках все же не было. Видимо, что-то не так с продовольственной программой в нашем государстве! Сейчас голов 400, не больше наберется в стадах — откуда мясо, рыночное изобилие? Работы у людей не стало. Кооператив единственный и тот развалился. Огорченно разводит руками доморощенный «фермер»: «Как жить? Аренда трактора К-700 стоит 1200 в час — столько я и за всю зиму не зарабатываю»...

Урчит «ранешная» железная лошадка, но все-таки заводится. Коля ее приобрел за 10 тысяч рублей с практической целью — «специально для грязи». И нет проблем: идет вездеход, куда глаза глядят, и еще пританцовывает. Слава Богу, колея вплоть до Комиссаровки усыпана щебнем, а там всего ничего и — Чаша.

Вышли внуки председателя на луг, где растут три тополя. Впереди — простор, река, место, где стояла деревня. Сцена — посреди улицы Культуры. Здесь гости поначалу гулять хотели, пока не застряли в Новоят-кино. Собрались они из разных уголков страны — из Екатеринбурга, Тюмени, Ишима, Иркутска и даже Красноярска. Преодолели многое... Хлестал дождь. Дорогу развезло... До родины оставалось пять верст, но преодолеть этот гиблый отрезок люди так и не смогли.

«КОЛОКОЛ»

бессмертного бориса

«Знакомство наше совершилось в Москве в мае 1990-го, в перерыве учредительного съезда всесоюзного «Апреля».

Без ложных церемоний я постарался увлечь поэта в тихий уголок. Тот не сопротивлялся. Собираясь редактировать литературный альманах «Живое слово», я всего лишь пытался заручиться потенциальным авторством долговязого харьковчанина...

Почему-то Чичибабин сразу на все согласился — и на будущую публикацию поэтической подборки, и на беседу, и даже на участие в работе редакционного совета альманаха. Впрочем, что касалось членства в редсовете, то и другие мэтры в подобной просьбе не отказывали... Другое дело - первопубликация: «Ну нет, вас еще никто не знает, я лучше в «Литературку» отдам...»

В этом смысле поведение Чичибабина сообщало впечатление свежести. Виделся за тем человек малопрактичный, несуетный и вызывающе сиятельный. Сияние в самом деле исходило от головы, вписывающейся в нимб...

Через год, исполняя мой заказ, журналист Олег Галицких привез из Харькова не только продолжительную беседу с поэтом, но и четыре стихотворения, с заботливой разборчивостью выведенных автором от руки (см. «Живое слово», 1992 г., № 0). Другая посылка пришла в 1992-м и содержала шесть стихотворений (вновь от руки!) и коротенькое письмо, выражающее надежду на то, что альманах будет жить...

Может быть, и не ошибся Борис Алексеевич, и жизнь еще покажется «Живому слову» лучшей стороной, но, каюсь, опубликовать чичибабинскую подборку я так и не сумел».

Обо всем этом поведал нам, своим друзьям, Костя Тихомиров — как раз на излете лета 1994-го, когда в Тюмени гостил выдающийся русский поэт Борис Чичибабин. (Кажется, то были последние большие литературные праздники, посвященные 50-летию Тюменской области). Помните его «Красные помидоры кушайте без меня» или «Сними с меня усталость, Мать Смерть...» — без этих стихов невозможна отныне ни одна настоящая антология русской поэзии. Харьковчанин, похожий на иконописца рублевских времен, витязь, «монах, подпоясанный мечом», пророк, вестник — Борис Чичибабин прожил в нашей стране трагическую, жестокую жизнь. Побывал в лагерях ГУЛАГа. Вначале семидесятых за «антисоветчину», «упаднические» стихи и за то, что заступился за Твардовского, был исключен из Союза писателей. Служил бухгалтером в троллейбусном парке. И только в перестроечные годы стал «широко известен в узких кругах», издал книгу за собственный счет и получил за нее, кажется, последнюю из присуждаемых Государственных премий СССР. Пронзительные строчки зазвучали как колокол.

Тогда же, на заре 1990-х, Борис Алексеевич присылал в Тюмень письма — с новыми, нигде не публиковавшимися стихами. Писал от руки. Четким, почти каллиграфическим почерком. Неизменно желал своему далекому адресату — молодому романтику Константину Тихомирову «здоровья и благополучия», передавал приветы «всем, кто причастен» к общему делу — служению Великой Литературе. Всякий раз выражал надежду на то, что добрые отношения с городом на Туре сохранятся надолго.

Не получилось. Нет Бориса Алексеевича, нет Кости. «Живое слово», едва появившись на свет, прекратило существование (вышли только № 0 и № 1), но, главное, не рассыпалась память. Весь собранный архив ценных фотографий, документов, автографов бережно хранится в редакции нашего журнала.

В какой-то степени причиной появления этой публикации о великом поэте стало одно обстоятельство. О нем читайте в конце всей подборки.

«Проталина».

автограф на память

борис чичибабин

В ГОСТЯХ И ДОМА

абхазия — пейзаж с распятием

Лежит и видит сны
над морем в кукурузке
Абхазия, Апсны,
страна души по-русски.

Ее здесь отковал
кузнец под жар и сырость,
чтоб в ней десятка два
народов разместилось.

От зла отторжена,
в рай двери отперевши,
небрежно тишина
стоит на побережьи,

чтоб мы с тобой могли
часами слушать вдоволь
пальмоголовых лир
многоязычный говор,

чтоб, хмелем тем дыша,
любовью не скудела
счастливая душа
Фазиля Искандера.

В сверкающих садах
грузина ли, абхаца
обрадованным как
глазам не разбегаться?

То тучками ягнясь,
то в ясное уставясь —
такой с тобою в нас
Абхазия осталась...

Вдруг там стрельба и кровь,
и ярость перед схваткой,
и рушащийся кров
над детскою кроваткой,

и кто был брат и друг,
с тем больше нет житья вам,
и в человеке вдруг
проснулся зверь и дьявол.

Певучих лет хрусталь
страданьем лиц наполнен.
Да это те края ль,
что мы с тобою помним?

Как душами мертветь
живым над тем, что любим?
Скажи, Фазиль, ответь,
зачем все это людям?

Какой у них мотив,
чтоб убивать друг друга?
А я совсем один,
лишь дум на мне дерюга.

С пристрастием молвы
как разобраться в шуме?
Не видно из Москвы,
что деется в Сухуми.

Мы ж видеть не хотим,
как распято добро там,
что делает один народ
с другим народом.

Кем считан трупов ряд,
растерзанные груди?
И это все творят
не кто-нибудь, а люди.

Зачем же я живу
в безжизненное время,
по страшному жнитву
вздымая смерти бремя?

Покуда я несу
распятие с пейзажем,
никто за ложь посул
не снят и не посажен.

Да, что ни говори,
а целы остаются
бесовства главари,
болталы-властолюбцы.

Где ж слово мне найти,
в какой словарь вопхаться,
чтоб словом тем спасти
грузина и абхаца?

Меж трупов и калек
взываю, неопознан:
опомнись, человек!
Опомнимся, да поздно.

Один я, и ничем
не рознюсь я со всеми.
Скажи, Фазиль, зачем
нас распинает время?

Республикам Прибалтики

Вы уже почти потусторонние, —
вам ещё слышны ль мои слова,
Латвия моя, моя Эстония
и моя медленная Литва?

При сестры в вечноном безмолвии,
что пристало милым головам,
три беды мой стих уполномочили,
чтоб светлой над кровью горевал.

Я узнал вас запоздно да вовремя,
в середине изобринкой судьбы,
и о том, что величье ваша поправка,
с той поры ни разу не забыл.

Перевоженный годок оказанный,
однесённый чашей на пире,
вольный крест вины и покаяния
перед вами на душу беру.

Слава вам троим за то, что первые
вышли на раслутие времён
против танков чёртовой империи,
навсегда ославленной враждой.

Да прольётся солнце светлым гением
к вам в окошки, в реки, в озёра, —
лишь любовью, а не принуждением
влюбятся и движутся сердца.

Только в ней останутся сохраненными,
как звезда, что в небо возжжено,
города граждённые с органами,
прежними и новыми.

Может быть, всё как-нибудь устроится,
и, святини вечные суля,
нам с любимой, любящим, откроется
прибалтийской троичи земля.

Сколько б ни морозилось, ни таялось,
как укор неверчу и враню,
вы сошлись во мне и никогда + вас
не отрину и не разлюблю.

*
* *

В лесу, где бегет бог, идти с тобой неслезно
Вот утро ткёт паук — смотри, не оборви...
А слышишь, как звучит медленно и нежно
В мелодии листьев мелодия любви?

По утренней траве как путь наш тих и долог
идти бы так всю жизнь, куда, не знаю сам.
Давно пора начать поклажу книжных погон,
и в этом ты права, — раздаривать друзьям.

Нет в книгах ничего о вечности, о сине,
как жук полз на лист и весь в луге горит,
как Моцарту в ответ вибрируют осины,
что белка в нашу честь с орешником творит.

А где была любовь, когда деревья пахли
и сразу за шассе кончались времена?
Она была везде, кругом и вся до капли
в богослуженьи трав и рос растворена.

О, сколько счастья в том, что мне дано во
твоё в лесу твоём лишь верить и молчать!
Чем истинней любовь, тем непреодолимей
на любящих устах безмолвия печать.

извлечения из избранного

«Видите ли, я человек во многом архаичный. Высоко ставлю предназначение поэта, его место и призвание. У Даниила Андреева, гениальнейшего русского человека, есть мысль о том, что в новейшие времена, когда прошла эпоха пророков, поэты должны занять эту освободившуюся нишу, стать пророками, не в религиозном только, а в советском смысле. Быть вестниками. Вестничество — это понятие земное, лишенное земных атрибутов, ибо человек, который им проникся, живет среди людей. Русская поэзия, я имею в виду ее классику, пронизана вестничеством... А разве может вестник обслуживать свое время, свое общество, лгать и льстить ему?».

«Я вообще делю людей на взрослых и невзрослых. Для меня интересны те, кого я условно называю невзрослыми. «Невзрослый» — это тот, кто сохранил чувство причастности к какой-то действительности, которая часто не совпадает с реальностью. Это человек, живущий чем-то бескорыстным, непрактичным, вечным. Кстати, это синонимы для меня. А «взрослый» живет совсем иным».

«Русская литература, даже в самые страшные времена, продолжала существовать. В самые пустые, бесчеловечные годы были Пастернак, Ахматова, были Платонов и Булгаков. Мне кажется, что если бы сейчас появился новый Пушкин, то и он остался бы непрочитанным. Ведь великому поэту нужны и великие читатели. Нет, сейчас не время для поэзии».

«Вся штука в том, что и краснобаи, и поэты-самоучки проходили по другому ведомству, отличному от профессиональной поэзии — фольклору. А сейчас практически все стали грамотными. И зарифмованный фольклор стал называться по-иному — графоманией. Если все это печатать — вы понимаете, что будет. Это ведь очень некультурная, стилистически неграмотная «поэзия». Самое страшное, что если бы самоучки не умели писать и их стихи записывали бы другие люди, то это бы называлось народным творчеством. А поскольку они пишут сами — это воспринимается совсем по-иному. Это очень сложное, тяжелое явление в нашей жизни».

«Гипотетически обретение внутренней свободы возможно. Нужна только потребность человека в этой свободе, и тогда она постепенно, сама собой, обретется. Но этому нельзя научить, каждый должен осознать это сам. Я ведь еще и потому счастливый человек, что ни лагерь, ни другие неприятности не подавили моей внутренней свободы».

«Это было унылое и скучное зрелище, такое, что и вспоминать не очень хочется. Особый упор делали на то, что Чичибабин, дескать, поэт упаднический. И добавляли: нет, мало того, что упаднический, но еще и антисоветский. Такому, конечно же, нечего делать в славных рядах советских писателей и стихотворцев. Исключить! Кто «за»? Что ощущал... Помню, «приговор» мне читала строгая такая партийная дама, читала долго и нудно. А я все смотрел на нее и думал: «Бедная ты, бедная. Ну какая же ты некрасивая... И никто, наверное, тебя не любит...»

Смежённый свет соловьиный вей...
Земля в снегу, как родина свята.
Да будет так. Пусть он лежит, не тая.
Я не хочу, чтоб таял белый снег.

На тёмный мир, исполненный бесстыдства,
пролился свет в покое полусна.
О, как он юн! О, как ему блестяще!
От всех болезней лечит белизна.

В такие дни нельзя, чтоб злом за зло мы,
во весь простор по взмаху милых рук
плывут из вьюг рождественские званы,
святят печаль и размикают круг.

Разжечь камин, согреться бы не худо,
земную стужу ставшая с веком, —
но не хочу опомниться от чуда,
никак нельзя, чтоб таял белый снег.

Затем нельзя, что в заматах рассвета,
когда крещусь в купели снеговой,
моя душа пред вечностью раздета
и с нею бог и больше никого.

**ВЕЛИКОМУ
ПОЭТУ
НУЖНЫ
И ВЕЛИКИЕ
ЧИТАТЕЛИ.**

земля израиль

Так и не понял я, что за земля ты —
добрая, злая ль.

Умные пялят в Америку взгляды,
дурни — в Израиль.

В рыжую Тору влюбиться попробуй
жалким дыханьем.

Здесь никогда и не пахло Европой —
солнце да камень.

Мертвого моря вода ядовита,
солono лоно —
вот ведь какое ты, царство Давида
и Соломона.

Что нам, приедем, на родину взять
с древнего древа?
Книги — и те — здесь читаются сзади,
справа налево.

Не дружелюбны и не говорливы
камни пустыни,
зреют меж них виноград и оливы,
финики, дыни.

Это сюда, где донныне отметки
Божии зрятся,
нынешних жителей гордые предки
вышли из рабства.

Светлое чудо в лачуги под крыши
вызвали ртами,
Бога Единого миру открывши,
израильтяне.

Сразу за то на них беды волнами,
в мире рассеяв
тысячу раз убиваемый нами
род Моисеев.

Не разлюблю той земли ни молвы я,
ни солнцепека:
здесь, на холмах этих, люди впервые
слышали Бога.

Я их печаль под сады разутюжу,
вместе со всеми
муки еврейские приняв на душу
здесь, в Яд-Вашеме.

Кровью замученных сердце нальется —
алое выну.
Мы уничтожили лучший народ свой
наполовину.

Солнцу ли тучей затмиться, добрея,
ветру ли дунуть, —
кем бы мы были, когда б не евреи —
страшно подумать.

Чтобы понять эту скучную землю
с травами злыми,
с верой словам Иисусовым внемлю
в Иерусалиме.

В дружбах вечерних душой веселея,
в спорах неробок,
мало протопал по этой земле я
вдумчивых тропок.

И, с Тель-Авивского аэродрома
в небо взлетая,
только одно и почувствую дома —
то, что Святая.

в иерусалиме

Не горюй, не радуйся —
дни пересолили:
тридцать с лишним градусов
в Иерусалиме.

Видимо, пристало мне
при таком варьанте
дуть с друзьями старыми
бренди на веранде.

Лица близких вижу я,
голосам их внемлю,
постигая рыжую,
каменную землю —

ублажаю душеньку.
Дай же Бог всем людям
так любить друг друженьку,
как мы ныне любим.

Чую болью сердца я:
розня и равняя,
Муза Царскосельская —
всем нам мать родная.

Все мы были ранее
русские, а ныне
ты живешь в Израиле,
я — на Украине.

Смысл сего, как марево,
никому не ведом.
Ничего нормального
я не вижу в этом.

Натянула вожжи и
гнет, не отпуская,
воля нас — не Божия,
да и не людская.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Покарауль наш дом,
а я пройду по свету:
быть может, там найдем,
чего в помине нету.

С подножий до высот
круг замкнут и изломан,
и снова не везет,
как вечно не везло нам.

Не тщась в потоке дней
возобновлять старинку,
мы снова всех бедней
при переходе к рынку.

В ответ на зов еще
треньбренькаю на лире,
но смутно и нищо
в сознании и в мире.

Откуда б счастье нам?
ведь мы ж не побирушки, —
как бедный Мандельштам
говаривал подружке.

Впотьмах календаря
с прощеньем и виною,
вернее говоря,
оно у нас иное.

Как верилось душе,
когда я был мальчишкой,
но в гору лезть уже
приходится с одышкой.

Все книги, что люблю,
прочитаны в той рани,
и вечер тороплю
для пива и тарани.

О да, я был в аду
и прожитые годы
фундаментом кладу
для будущей свободы.

Под бременем седин
я чувствую впервые,
что мир сей посетил
в минуты роковые.

Не надо, не туши,
не думай, что не время:
веселием души
поделимся со всеми.

Уж срок тот недалек,
когда любовь и мудрость,
раздув свой уголек,
воздушно обоймут нас.

Да будет нам щитом
душевная отвага
отшельника, чей дом
стоит у Карадага.

ПОЭТЫ

Тарасу Шевченко в память и в подражание

Взяв трудом у Бога льготы,
с крыл-коня не слазя,
жил поэт немецкий Гете
при дворе у князя.

Краем дольше, часом позже
Китсу не пробиться:
чуть взошел на ложне Божье —
и не стало Китса.

Грех стерег, шурша и пахня,
но спасала вера
в жаре зарев жоха-парня —
строгого Бодлера.

Как побитые пророки
на всемирном рынке,
были сроду одиноки
Гельдерлин и Рильке.

Не переть же к вышней цели
сбродом, чохом, кошем, -
вот и Пушкин на дуэли
кем-то укокошен.

Всем поэтам в мире этом
жизни не хватило,
у иного под запретом
даже и могила.

Но ни с мертвыми в траншее,
ни в камнях застенка
не было судьбы страшнее
той, что у Шевченко.

Ни в Берлине, ни в Париже
найти не старайся -

нет душе родней и ближе
кобзаря Тараса,

кто, господской сукой-розгой
досыта заласкан,
дружбу свел с сумой сиротской
хлопчиком селянским,

кто, во цвете переехан
царскою коляской,
мукам мира вторил эхом
в пустыне Аральской,

кто, украдкой над тетрадкой,
как преступник, горбясь,
сохранил в юдоли краткой
высоту и гордость.

В жизнь-реку входил сто раз он,
не пытая брода,
аж пока не стал Тарасом
для всего народа.

Книжка-доченька, мокра ты -
строки жгутся раной.
В жизни ж нет ему награды —
женщины желанной.

Лишь во сне — у хаты вишня,
киця на приступке...
Дух-Тарас, благослови ж мя
на стихи-поступки!

Даст Господь, в четверостишьях
в души свет посею,
как мы выбрали бесстыжих
да себе ж на шею.

Мчатся бесы, воют хором
над бесхозной пашней.
Стал вельможным паном вором
диссидент вчерашний.

Под престижный юморочек
перевертыш хитрый
самостийностью морочит
головы-макитры.

Мы ж свой крест никак не втащим —
тяжела деньжица.
Стало людям работающим
дома худо житься...

Уделите ж вы поэту
крохотку вниманья,
потому что в мире нету
высшего призванья.

От венчанья до скончанья,
если живы будем,
он не пан и не начальник,
а товарищ людям...

Не задумавшись, а сразу,
как с войны до дому,
я иду вослед Тарасу —
никому другому.

Вбок ведут, вихляя, тропы —
в дебри воровские
не обещанной Европы,
а больной России.

Никуда с нее не съеду,
прямоком до смерти —
по Тарасовому следу,
по тернистой тверди.

Мне ж еще при строе старом,
что никак не сменим,
на всю жизнь примером стал он
и благословеньем.

Словесное слово

Колонка главного редактора

ПРЕКРАСНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭЛИТАРНАЯ ГАЗЕТА

Булат ОКУДЖАВА об элитарной литературе... ••

Борис ЧИЧИБАБИН. О вечном и сиюминутном.

Борис ЧИЧИБАБИН. От всех болезней лечит бе

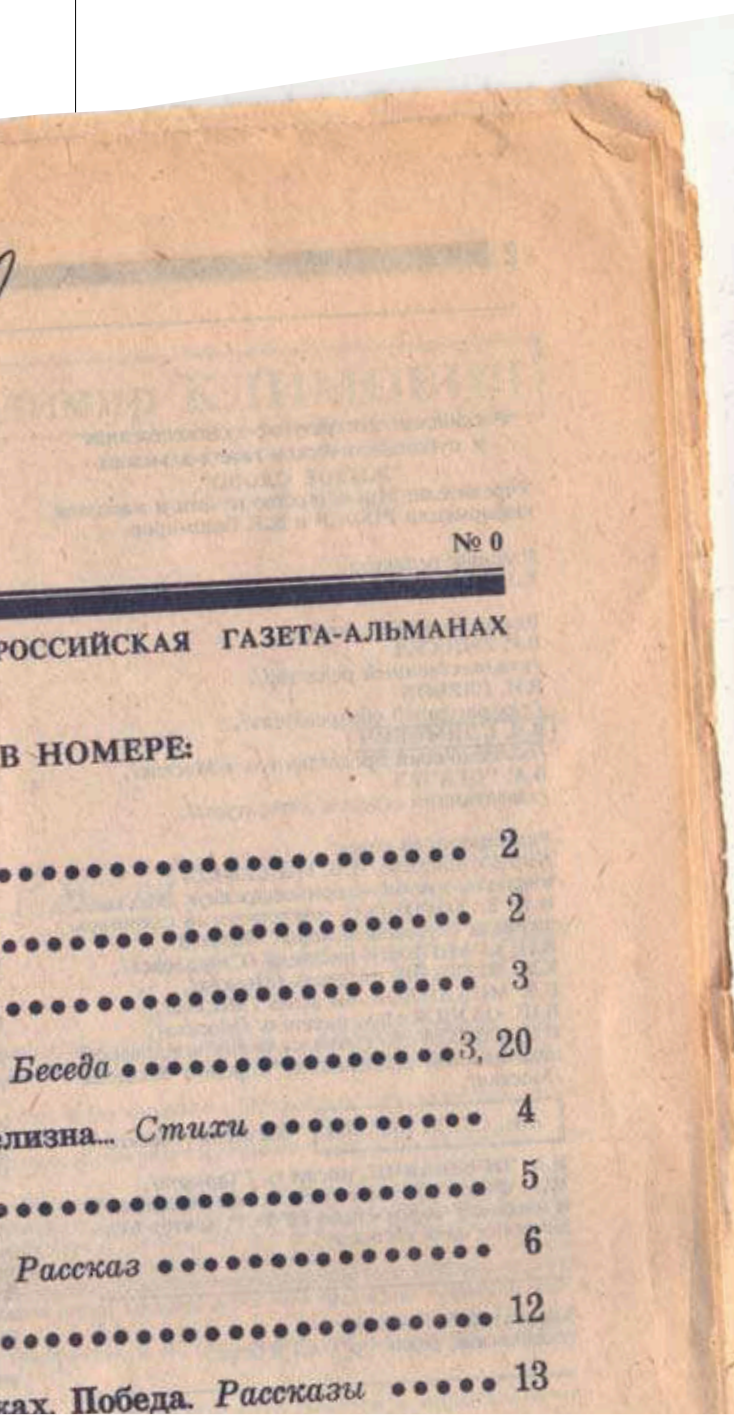
ЧАСТЬ ЭТОЙ ЖИЗНИ

Вячеслав ПЬЕЦУХ. Гадание на кофейной гуще.

Вячеслав ПЬЕЦУХ об элитарной литературе... •

Кстати...

Странный народ — москвичи. Они Сургут путают с Салехардом, а щуку со щекуром. Уверяют читающую публику, что автор «Конька-Горбунка» Петр Ершов родом из Тобольска, хотя место его рождения часах в десяти угорелой гонки на авто от города на Иртыше. И делают круглые глаза, когда узнают, что творец периодической таблицы Дмитрий Менделеев, кстати, родственник Ершова, свои робкие шаги делал не в Санкт-Петербурге, а под Тобольском. За Уралом для многих, как во времена купца Никитина, что ни пенек, то изумление. А недавно в том изумительном царстве состоялось еще одно открытие. Набирающий обороты «Коростель. Письма из России» поместил на своих страницах интервью с поэтом Борисом Чичибабиным. Все бы ничего, но материал коллеги из «Коростеля» окрестили эксклюзивом. А между тем точно такой же, из буквы в букву, «эксклюзив» еще 15 лет назад увидел свет на страницах российской газеты-альманаха «Живое слово». Ее тогда возглавлял беспокойной натуры человек Константин Тихомиров. Он же и командировал своего сотрудника Олега Галицких в Харьков, где в то время жил поэт. Таким образом, интервью под заголовком «О вечном и сиюминутном» 15 лет назад и появилось на страницах «Живого слова». Кстати, было оно с иллюстрацией Валерия Гинкула.

слово в дорогу в поисках детской прозы...

от редакции:

Все ли современные дети «одичали»? Как-то не хочется думать о целом поколении столь неуважительно. Мы знаем, что есть еще такие, которые «читают с детства». Их не так уж и много: на класс — два-три человека в лучшем случае. Но они есть! В обществе, отвернувшемся от высокого, только и требующем «хлеба и зрелищ», не могут быть дети лучше его — общества. Тем не менее, есть повод бить тревогу. Трудно стало найти хорошую книжку... о детях и для детей. Это признают даже те взрослые, которые однажды с головой ушли в коммерцию, в свои взрослые дела. Дети растут, а детская литература «исчезает». Куда и почему — об этом сегодня с горечью и недоумением рассуждают и маститые писатели, и педагоги, и родители. При кажущемся книжном изобилии почти нет места авторской оригинальной книжке со сказками, стихами или рассказами, потому что на полках прочно обосновались только красочные дорогостоящие энциклопедии, всевозможные справочники «для девочек» и «для мальчиков» с картинками и книжки-подделки с продолжениями а-ля «Буратино в Изумрудном городе». Вырастет маленький читатель на такой книжке и предпочтет «Полет над гнездом индюшки» оригиналу. А кто защитит собственно Литературу и читателя? Во имя всего нарождающегося и хрупкого в нашей жизни и в литературе мы и даем дорогу «Гуттаперчевому мальчику». И уже пригласили к сотрудничеству самых разных авторов из числа тех, кто «не ко двору» в современном книгоиздательском бизнесе. Достаточно назвать рассказы нашего «дебютанта» — известного уральского писателя Александра Папченко.

Его рассказы почти 20 лет пролежали невостребованными, лишь один был опубликован во всесоюзном журнале «Парус», выходящем в Минске. Остальные неизменно возвращались автору. Он только потому и стал «широко известным в узких кругах», что сумел самостоятельно пробить дорогу к читателю, издав несколько книжек на спонсорские деньги...

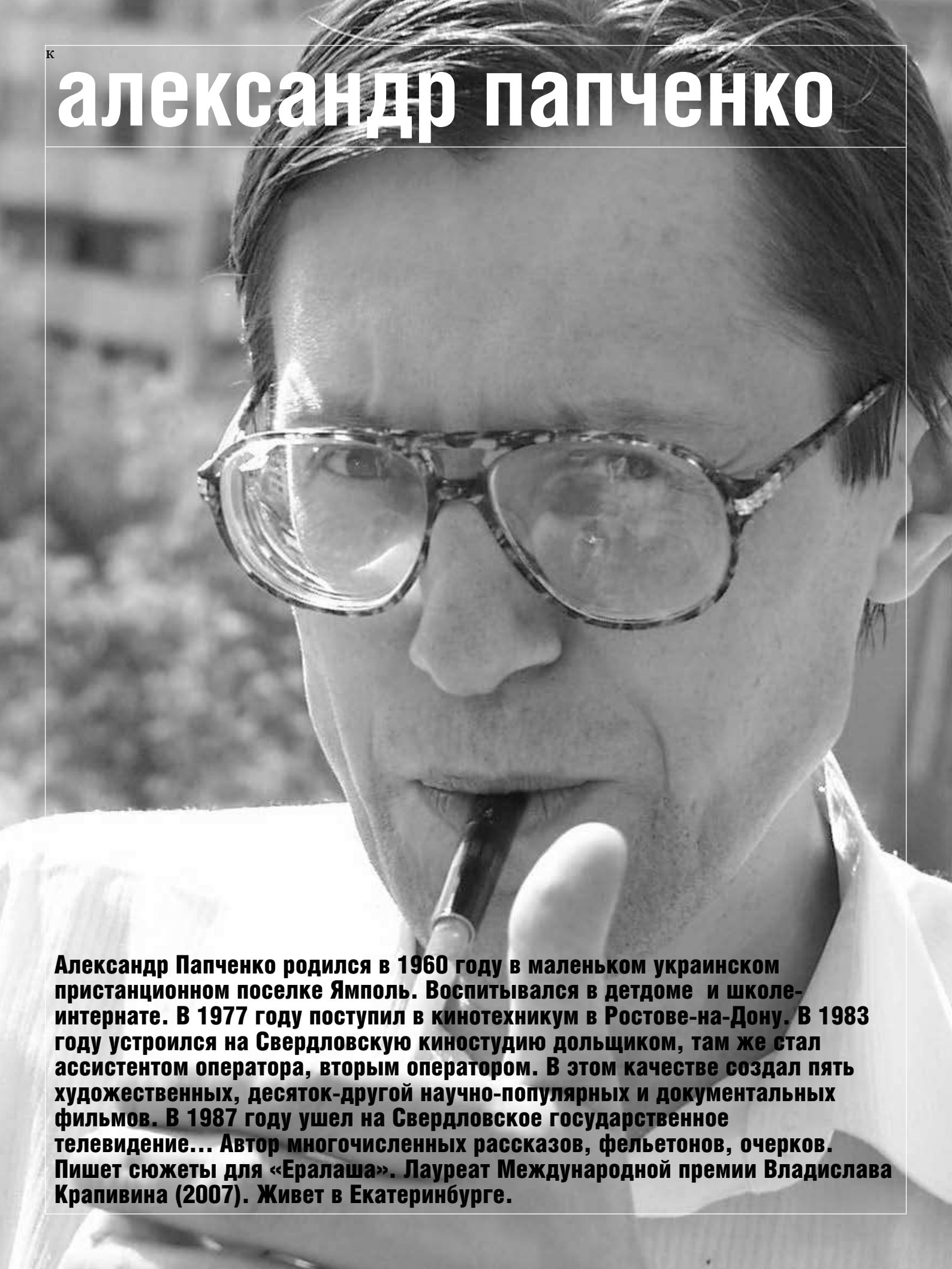
Приоткроем завесу и нашей редакционной кухни. При подготовке этого раздела мы кинули клич пишущим на детскую тему. Но столкнулись вдруг с интересным явлением: не все читатели понимают разницу в написанном «о детях» и «для детей». Почему-то «в миру» считается, что рассказы и стихи о нашем трудном военном детстве, как мы голодали в эвакуации, но выросли полноценными гражданами — есть часть той самой «детской литературы»... На наши вопросы («как вы думаете, будет ли это интересно современным школьникам», например) кое-кто недоуменно замолкал. Некоторые обижались.

Мы не будем определять «возраст» и «формат» нужных материалов. Он может быть романтический, «крапивинский» (не говорим, конечно, о прямых подражаниях...), или же больше фольклорный, основанный на сказочном материале. Если же оперировать «живыми» примерами — то авторам проще, наверное, будет разобраться. «Республика ШКИД» — это книга о взрослых делах, но вполне «детская», как нам кажется. А вот «Дети подземелья», хоть и причисляется к разделу «детская литература», имеет ли к ней отношение?

Для подлинной литературы нет временных канонов.

Точите ваши перья!

александр папченко

A black and white close-up portrait of Alexander Papchenko. He is wearing glasses and has a pen in his mouth. His hand is partially visible near the pen. The background is blurred.

Александр Папченко родился в 1960 году в маленьком украинском пристанционном поселке Ямполь. Воспитывался в детдоме и школе-интернате. В 1977 году поступил в кинотехникум в Ростове-на-Дону. В 1983 году устроился на Свердловскую киностудию дольщиком, там же стал ассистентом оператора, вторым оператором. В этом качестве создал пять художественных, десяток-другой научно-популярных и документальных фильмов. В 1987 году ушел на Свердловское государственное телевидение... Автор многочисленных рассказов, фельетонов, очерков. Пишет сюжеты для «Ералаша». Лауреат Международной премии Владислава Крапивина (2007). Живет в Екатеринбурге.

МЫ — ИНКУБАТОРСКИЕ

рассказы

марина муратова (иллюстрации)
всеволод кирсеев (фото)

лешка

Хутор Прудище стоял у самой опушки леса на берегу небольшого пруда. Четыре дома с надворными постройками, тесно прижавшись друг к другу, образовывали улочку шагов в сто.

Было раннее утро. Пруд и лес, проселочная дорога, убегающая к лесу, и сам хутор проступали в зябких предрассветных сумерках как на недопроявленной фотопластинке... скорее скучно, чем загадочно.

Из крайнего от леса дома вышла баба, постояла, позванивая пустыми ведрами, зевнула и пошла к колодцу, оставляя на сизой росистой траве темный след. Завизжал барабан, загремела цепь и, утробно чмокнув, плюхнулось в воду ведро.

В это время калитка соседнего дома приоткрылась, и на улицу выбежал маленький человек. Человеку было семь лет. На нем была новенькая курточка на молнии, начищенные ботинки и отутюженные брюки. У человека были озорные карие глаза и пухлые щеки. Звали человека Лешка. Баба с ведрами, поравнявшись с ним, спросила:

— Чего рано соскочил? Семеныч обещался к восьми.

— А-а, — махнул досадливо рукой Лешка — мол, что ты, тетка, понимаешь? — И, поддернув штаны, пустился бодрим аллюром в сторону леса. Тетка, опустив ведра, долго смотрела ему вслед, подперев щеку рукой и жалостливо покачивая головой...

Вначале дорога бежала вдоль пруда, заросшего реедой, потом, круто изогнувшись, ныряла в лес. Лешка перешел на шаг. В лесу как-то не принято бегать. Надраенные новенькие ботинки блестели от росы. Наконец он остановился и запрокинул голову. Вверху, на немыслимой высоте, ветви сосен смыкались, образуя золотистый шатер. То тут, то там в просветы врывалось солнце...

Лешка вспомнил вдруг, как вчера они с дедом Степаном возвращались из райцентра. Телега тихо катилась по лесной дороге. Дед сонно покачивался, не выпуская изо рта погасшей самокрутки. И в этом самом месте, где сейчас стоял Лешка, около старой вырубki, в глубине леса раздавался сильный шум. Дед вздрогнул, проснулся и полез в карман за спичками.

— Де-ед, — Лешка опасливо покосился в сторону шума. Он знал это место, здесь на вырубке всегда было много земляники, но из-за этого шума Лешка старался обходить вырубку стороной. — Чего это, дед?

— Чего-чего, — прикуривая, пробурчал тот, — осина. Дурное дело — шуметь, людей, зверье пугать, — дед полуобернулся к Лешке: — Глупое дерево.

— Как? — не понял Лешка.

— Как-как, а вот как. Сосну возьми, к примеру. Тут тебе и доска, и столб, и что хочешь. Или там дуб. Сила! Ну, вот хоть березу возьми. Сухая — жарко горит, и сок от нее, и береста. Ветки гибкие. По ветру скользят — завиваются. И хоть бы хны. А осина? Хрупкость одна. Чуть ветер — тут она первая. Гордая, согнуться не умеет и давай шебуршить листьями, балаболка. А покрепче ветер — и хрясь пополам... Ненужное дерево. А все туда же, под солнышко жметесь.

Дед замолчал. Лешка беззаботно болтал ногами.

— Конечно, — подумав, добавил дед, — солнышко всякая тварь любит... — И, покосившись в Лешкину сторону, тяжело вздохнул.

...Постояв немного в раздумье, Лешка направился в сторону старой вырубki.

Слабый ветерок тронул верхушки сосен, и те дружно отозвались размеренным гулом. И в тот же миг впереди раздался знакомый шум. Лешка взобрался на подточенный гнилью пенек и, приложив козырьком ладонь ко лбу, некоторое время пытливо всматривался в глубь вырубki. Там, в конце просеки, на взгорке сгруппировались десятка два молоденьких осин. Осень еще только краешком коснулась их, и теперь издали они казались мерцающими огоньками.

«Красиво», — подумал Лешка и, прыгнув с пенька, решительно зашагал в сторону осин.

— Ну что? — строго спросил он, подойдя к самому страшному месту в своем лесу.

Осинки с высоты своего двухметрового роста снисходительно смотрели на маленького человечка, который стоял, по-хозяйски расставив ноги и засунув глубоко в карманы руки.

— И ничего не бесполезные... — проговорил Леш-

ка, — зато красивые, — и добавил: — Молчите? То-то же...

Осинки шевельнулись...

— Что? — спросил Лешка, прикладывая ладонь к уху. — Чего? А-а... Уезжаю я. Да, учиться.

Осинки зашумели, размахивая ветвями-руками, теряя листья.

— Как же я останусь? — удивился Лешка. — И не упрашивайте. Буду приезжать к вам на каникулы. Что? Школа? Школа хорошая. Точно.

Лешка помолчал, не зная, что еще сказать:

— Вот, ботинки мне купили... — ветерок умчался, стало тихо.

— Ну ладно, до свиданья. Пойду я... — проговорил Лешка. — Семеныч уже, наверно, ждет... Ладно?

На ближней к Лешкиному лицу ветке затрепетал одинокий лист. Еще пурпурный посередине, но уже с почерневшими краями, он, сложившись желобком, качал, как в люльке, большую голубоватую каплю росы. Лешка приблизился к листку и увидел, как в капле отразился его нос, смешной, длинный, а потом и все лицо. И глаза огромные... только почему-то голубые. Или это в глазах отражалось небо? Потому что на самом деле у Лешки глаза были карие. Лешка раскрыл рот и тронул рукой ветку. Капля, задев губу, упала ему на язык.

А потом Лешка пошел прочь. Осинки прошелестели ему вдогонку, но Лешка даже не оглянулся. Наоборот, он все убыстрял шаги и, в конце концов, побежал, перепрыгивая через пни и кучи валежника.

Когда Лешка вернулся на хутор, его уже с ног сбились искать. У ворот Лешкиного дома стоял молоковоз шофера Семеныча, а сам он, повиснув над мотором так, что из-под капота, как из огромного рта, торчали только замусоленные на задку штаны и кирзовые сапоги, незлобиво ругался. Лешка приготовился к выволочке, но дед Степан взял его за руку и повел в дом.

Дом — это две комнаты. Посередине первой — большой обеденный стол и дощатая лавка вдоль стены. Почти все остальное место занимала печь.

На лавке, сложив руки на коленях и подобравшись, сидела мама. Заметив Лешку, она бодро улыбнулась, но улыбка получилась безжизненной, потому что глаза оставались глубокими и серьезными. Настроение матери передалось Лешке, и у него вдруг тревожно заныло сердце.

— Леша, сынок, подойди... — Лешка, потупившись, приблизился.

— Ты уж там слушайся учителей... — мама придвинула Лешку к себе и положила ему руку на голову.

— Да что ты, мам... — Лешка, стараясь сохранить серьезное выражение на лице, наклонил голову.

Рука матери безвольно соскользнула с его макушки и упала на колени.

— Знаю я тебя... — у мамы задрожали губы. — Не хулигань. Скажут — сделай. А я к тебе приезжать буду. Хорошо? — Мама улыбнулась.

— Ну, мам, чего ты плачешь? — Лешка нахмурился. Он понимал, что сейчас нужно и говорить,

и делать что-то совсем другое. Но, наверно, от смущения ему нестерпимо захотелось вдруг усмехнуться, и чем больше он думал, что делать этого никак нельзя, тем сильнее растягивались в улыбке уголки рта...

— Дурачок ты мой... — мама взяла Лешкину руку. — Я вот умру, останешься ты один... — Слезы опять потекли у нее по лицу.

— Мам, не умрешь, — уверенно сказал Лешка. За окном нетерпеливо просигналил шофер Семеныч.

— Мария, — кашлянул от дверей дед Степан, — пора. — И подхватил чемоданчик с Лешкиным нехитрым скарбом.

— Да-да, — мама руками, словно запоминая, провела по Лешкиному лицу, груди, плечам и легонько подтолкнула к двери.

— Мам, ты не плачь. Я ж приезжать буду на каникулы, — сказал Лешка и почувствовал, как гулко и фальшиво прозвучал его голос. Комок подкатил к горлу:

— Мам, ты не плачь...

— Я не плачу... — мама улыбнулась, а слезы все равно катились, и Лешке показалось странным, что можно плакать и улыбаться одновременно.

Он отошел к двери и, оглянувшись, окинул взглядом комнату. Все здесь было по-прежнему: старенькая радиолка, печка, ухваты в углу, матерчатый абажур под потолком. Только чего-то уже не доставало, что-то изменилось. И те вещи и предметы, что еще вчера казались значительными, нужными и интересными, как-то поблекли вдруг, выцвели... Или это просто оттого, что Лешка уезжает. Они стали чужими для него...

— Помоги тебе Господь... — сказала мама и перекрестила закрывшуюся за Лешкой дверь.

Всю дорогу от хутора до города Лешка изучал обочины, сидя на коленях у деда. Молоковоз бойко бежал по проселку. Шофер Семеныч вел машину азартно. Изредка косясь в его сторону, Лешка стал думать о том времени, когда он вырастет и будет так же ловко вертеть большую черную баранку. Чем больше он думал об этом и чем дальше они отъезжали от хутора, тем меньше становился комок в груди, и только тогда, когда перед глазами вставала мама, что-то судорожной петлей сжимало горло. Но вот машина вырвалась на асфальт, и за окнами побежали домики пригорода. Начинался город. Лешка прижался носом к стеклу. Ему все было интересно: и спешащая толпа — как много людей! — и лавина машин всевозможных марок, запрудивших улицу. И мороженщица на углу под разноцветным зонтиком. И желтая бочка, около которой выстроилась очередь.

Обогнув стороной центр города, молоковоз остановился у невысоких металлических ворот. За ними виднелись широкий двор, клумбы и два трехэтажных кирпичных здания.

Кряхтя и охая, дед выбрался вслед за Лешкой из кабины.

— Приехали, кажись, — дед подхватил чемодан.

Шофер Семеныч тут же откинул капот и, перед тем как привычно нырнуть внутрь, бросил:

— Ты, Степан Кондратьевич, там не задерживайся. Нам еще назад пилить. Да и на базар поспеть надо...

Лешка остановился как вкопанный. Он вдруг понял, что сейчас дед Степан и шофер Семеныч оставят его здесь и уже одни, без него, весело переговариваясь, поедут домой. По той же самой дороге, мимо тех же самых домов...

Заметив перемену в настроении внука, дед нахмурился:

— Ты чего, Алексей?

— Дед, — Лешка заискивающе посмотрел ему в лицо, — не бросай меня...

Дед крикнул:

— А кто тебя бросает? Ты учиться будешь... А на каникулы сразу домой. А?

— Не бросай меня, дед, — повторил Лешка и, чувствуя, что того разжалобить не удастся, тонко заскулил.

Шофер Семеныч с удивлением посмотрел на Лешку.

— Ексель-моксель, — протянул он, вытирая грязной тряпкой руки, — всю дорогу молодцом, а тут раскис казак?!

И столько в его голосе было неподдельного непонимания, что, шмыгнув носом, Лешка плакать перестал.

Из ворот вышел мужчина в костюме, с портфелем и, подойдя к ним, спросил деда:

— Привезли сдавать?

Дед прокашлялся, подтянулся:

— Да. То есть... вот, — и он растерянно развел руками.

— Ясненько, — мужчина, присев на корточки, посмотрел Лешке в глаза. — Как зовут гвардейца?

— Лешкой... Алексеем, — поправился дед.

— Тэ-экс, — протянул мужчина, — значит, давай, Алексей, мы с тобой условимся: сейчас ты и я... — заметив движение на Лешкином лице, мужчина поднял глаза на деда, — ты, я и... и...

— Степан Кондратьевич, — представился дед, вытирая платком лысину.

— ...ты, я и Степан Кондратьевич вместе пойдем и посмотрим, как мы тут живем. Хорошо? Ну, а если тебе не понравится — что ж, не держим, дело хозяйское, поедешь домой.

Посмотрев в честные глаза незнакомца, Лешка облегченно вздохнул и вытер рукавом слезы.

В первой комнате, где они оказались, Лешку заставили догола раздеться, тетенька в белом халате взвесила его, потом выслушала, прикладывая холодный металлический кругляшок к груди. Стоять голым было совестно, и когда Лешка с облегчением услышал, что можно одеваться, он торопливо напялил на себя одежду.

— Богатырь, — похвалила его тетенька в белом халате и потрепала по макушке.

Затем они очутились в большом светлом помещении, где очень рыжая девушка печатала на машинке. Потом комнат становилось все больше. Лешку ощупывали, осматривали, спрашивали. От такого внимания к себе и скопления людей и комнат он вконец растерялся и не заметил, когда растворился в людской толчее мужчина и дед. Обнаружив отсутствие деда,

Лешка собрался заплакать, но худая тетенька с пышной прической строго выговорила ему:

— Алексей, у нас не плачут. Пошли-ка лучше, я познакомлю тебя с ребятами, — и, взяв Лешку за руку, куда-то повела.

По пути Лешка оглядывался. Ему все казалось, что вдруг сейчас из-за того вон угла или из-за той двери выйдет дед. Но он все не выходил и не выходил, и Лешка понял, что дед его оставил. Тут Лешку подвели к большой группе детей и вытолкнули на середину.

— Ребята, у нас новенький, — преувеличенно ласково пропела худая тетенька, и Лешка, увидев направленные на него десятки глаз, вдруг испугался.

— Его зовут... — сделала паузу тетенька. — Как тебя зовут, мальчик? — наклонилась она к Лешке. Лешка замялся.

— ...его зовут Леша, — закончила тетенька фразу. — А теперь иди, играй с ребятами. — И она выпустила его руку.

Пока Лешка стоял, растерянно улыбаясь, к нему подошел мальчик и дружелюбно сказал:

— А меня зовут Муха.

— А меня Лешка.

— А меня еще вчера сдали, — проговорил Муха гордо и, подумав немножко, добавил: — Пошли отсюда...

— Куда? — спросил Лешка, разглядывая своего нового знакомого. У Мухи был остренький носик, густо усыпанный веснушками, и хитрющие зеленые глаза.

— А-а, — махнул Муха в сторону забора, — там дырка.

Худая тетенька сидела на лавочке и гримасничала в карманное зеркальце. Лешка вздохнул, вспомнив деда, шофера Семеныча и то, что они на обратном пути собирались заехать на базар, и в нем шевельнулась надежда:

— А базар знаешь?

— Ага, — и Муха направился к забору.

Выбравшись на улицу, Муха и Лешка бойко зашагали по тротуару.

— Я местный. Город знаю. Базар недалеко, — изредка останавливаясь, просвещал своего друга Муха. — Вон там автобусная остановка. Можно в центр поехать. Там магазин, и конфеты продают.

Первое время Лешка чувствовал себя неуверенно, но вскоре под влиянием Мухи весело вышагивал рядом, тараторя без передыху:

— На базаре шофер Семеныч и дед. На машине. На молоковозе. Они меня ждут там, — зачем-то соврал он. — А хочешь, едем ко мне? А почему тебя зовут Мухой? Я тебе затон один покажу. Клюет — во! А это что за дом? Прудиче хутор называется. А далеко еще? А зачем дома боком к улице стоят?

До базара оказалось действительно недалеко. У ворот под вывеской «Колхозный рынок» толпился народ. Мужик в огромной фуражке продавал леденцы на палочке. Толстые, волосатые, как гусеницы, пальцы неожиданно нежно выдергивали откуда-то из коробки очередную конфету и бойко пересчитывали денежки.

› СИПИНА, › БУТКОВСКИЙ ПРИПОДНЯЛСЯ
НА ЛОКТЕ, › А ТЫ ЗНАЕШЬ, ОТКУДА ДЕТИ
БЕРУТСЯ?

НА ЛИЦЕ СИПИНОЙ ПОЯВИЛОСЬ ТО
ВЫРАЖЕНИЕ, КАКОЕ ОБЫЧНО БЫВАЕТ
У ДЕВОЧЕК, ИГРАЮЩИХ В КУКЛЫ
› ЗНАЮ. ИХ МАЛЕНЬКИЕ АНГЕЛОЧКИ
ПРИНОСЯТ И ВКЛАДЫВАЮТ МАМЕ В ЖИВОТ.

Лешка и Муха задержались, наблюдая за ним. Наконец, мужик заметил их, приветливо улыбнулся:

— Пачэму стаиш? Пачэму не пакупаэш?

Муха шмыгнул носом и потянул Лешку за рукав:

— Пошли отсюда. Денег все равно нет...

В поисках молоковоза они обошли весь рынок, подолгу задерживаясь у прилавков. И хотя им попадались изредка машины с надписью на цистерне «Молоко», но в них почему-то сидели совершенно незнакомые люди. Очень скоро захотелось есть. Муха предложил что-нибудь стибрить, но тут неожиданно под скамейкой Лешка заметил буханку хлеба. Кто-то выронил ее и потерял. Друзья подняли хлеб и поделили по-братски.

От всей этой рыночной толчеи у Лешки разболелась голова, о чем он и сказал Мухе.

— Нужно идти в интернат, — решил Муха и, подумав немного, произнес: — Твоих все равно нет...

— Уехали, наверно, — выдавил Лешка, и его голос дрогнул.

На глаза навернулись слезы, но плакать при Мухе он постеснялся, боясь, что тот обзовет его размазней. И они пошли в интернат.

Во дворе интерната было на удивление тихо. Лешка огляделся:

— А где все?

Муха почесал затылок:

— На самоподготовке, наверно. Влетит...

— За что? — не понял Лешка. В своей прежней жизни временем он распоряжался довольно свободно.

— Влетит... — повторил Муха, словно не слыша Лешкиного вопроса.

Обогнув кирпичное здание с торца, Муха указал Лешке на окно на первом этаже:

— Ты смотри, если мне ничего не будет, тогда иди... — Муха махнул напоследок рукой и, сгорбившись, побрел в сторону крыльца, безвольно приволакивая ноги.

Оставшись один, Лешка подкрался к указанному Мухой окну и, встав на цыпочки, заглянул внутрь.

Ученики, склонившись над партами, что-то прилежно вычерчивали в тетрадах. Худая тетенька прохаживалась у доски, держа на отлете книжку так, будто у нее в руке было что-то неприятное — мышь или лягушка, к примеру. Но вот дверь класса приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулся Муха. Тетенька положила книжку на стол и, подойдя к нему, принялась о чем-то Муху выпрашивать. Муха стоял вполоборота к окну, и Лешка мог видеть только его медленно краснеющие уши. Потом тетенька стала бить Муху. Вначале просто рукой, затем указкой. Указка сломалась. Муха бросился между партами... Теперь было видно, что Муха кричит и по лицу у него течет кровь.

У тетеньки жалостливо скривилось лицо. Она схватилась одной рукой за грудь — там у нее, наверно, было сердце, — шагнула к окну и встретилась глазами с Лешкой.

«Плачет?» — поразился Лешка и в тот же миг, не раздумывая, бросился бежать. Ему стало страшно.

Совсем как на старой вырубке в лесу... Он дернул ручку первой попавшейся двери. Не заперто! Вниз по ступеням. Кубарем. В узкой галерее под потолком тускло мерцала лампочка. Дальше, дальше. Свернув за угол, Лешка остановился. Все.

Кровь стучала в висках. Где-то близко шумела вода. Лешка сделал шаг и, запнувшись за что-то, уперся в стену руками. Посмотрел под ноги: из стены торчала толстенная ржавая труба. Лешка дотронулся — теплая. Он сел на нее, а потом, немножко успокоившись, лег, тесно прижавшись щекой к теплой шероховатой поверхности. И закрыл глаза.

...Или это не вода шумит в трубе, а трепещут и гнутся под ветром осины на рыжем холме. И летят, и летят, и летят над ними облака и лохматые тучи за край леса, за край неба, за край земли... И посередине золотого соснового леса стоит Лешка, запрокинув голову, и солнце льет сквозь купол из разлапистых ветвей, и косыми срезами ложатся лучи на земляничные россыпи. И пахнет грибной прелью и нагретым на солнце папоротником.

Лешка идет по просеке. Под ногами потрескивает валежник. Он идет туда, где, то вспыхивая, то затухая под порывами ветра, совсем как уголек в костре, мерцает осиновое пламя. А чтоб уж совсем было счастливо на душе и весело, Лешка, набрав побольше воздуха, кричит:

— Эге-гей! Я иду к вам. Я — Лешка! Слышите?! Иду!

ЯЦИК

Яцик знал про себя все. Он был не худой — тощий. Его выпирающие ключицы и лопатки грозили прорвать бледную шелушащуюся кожу. В раннем детстве он переболел золотухой и корью и уже здесь, в интернате, два раза отлеживался с чесоткой в изоляторе. Несмотря на то, что сам Яцик был маленький, все части его тела были несоразмерно большими: большая голова, большие торчащие уши, большой нос. Глаза у него тоже были большие — красивые, голубые. Но никто, наверно, никогда не видел их цвета, потому что Яцик ходил, постоянно потупившись, и разгибался только тогда, когда поблизости никого не было. От Яцика пахло мочой.

Казалось, он пропитался этим запахом насквозь. Из-за этого в классе за партой с ним никто не сидел. В спальне его кровать стояла отдельно, отодвинутая в самый дальний угол.

Яцик писался. Поэтому над ним мог подшутить всякий, кому не лень, или просто пнуть под зад, если он не успевал освободить дорогу. Самой грязной работой всегда занимался он. И поэтому Яцик жил, стараясь пореже попадаться на глаза одноклассникам.

Яцик знал, что он хуже других. Знал, что если бы он был не Яциком, а кем-то другим, сильным и независимым, тогда бы обязательно нашелся другой Яцик. А сам он морщил бы нос, проходя мимо. Воспитатели относились к Яцику по-разному: одни лишь скрывали

гримасу отвращения, другие пытались защитить его. Но из этой помощи чаще всего ничего не получалось. Достаточно было сердобольному воспитателю отвернуться, как в спину Яцику летело:

— У-у, сцыкун... — или просто пинок.

Отец бегал вокруг их дома с факелом... Он кричал, что спалит все их змеиное гнездо... Если они не впустят его... Потом он делал что-то с мамой... Кричал... У мамы стекленели глаза...

— А-а-а! — закричал Яцик и проснулся. Мокрая простыня противно липла к спине, и он, сжавшись, лежал еще некоторое время не двигаясь, собираясь с силами перед противной и тяжелой работой. А между тем нужно было спешить. За окнами серело.

Хоть Яцик и сжился с постоянным ощущением приниженности, где-то глубоко внутри него теплилась надежда стать таким, как все. Поэтому между ним и классом завязалась негласная дуэль — кто кого перехитрит. Яцик писался и пытался скрыть следы, а одноклассники по утрам переворачивали его кровать вверх дном. И если находили мокрые простыни, то могли, к примеру, замотать в них Яцика, как куклу...

Осторожно, стараясь не скрипеть панцирной сеткой, Яцик встал с кровати и лег на пол. Большое мокрое пятно начиналось у его кровати и тянулось, извиваясь тонкой струйкой, через проход под соседнюю кровать, где и образовывало лужу.

Секунду Яцик раздумывал. За тряпкой идти было далеко, да и небезопасно. Кто-нибудь обязательно проснется. Тогда Яцик сдернул висевшее внизу на спинке кровати полотенце для ног и принялся, ползая по полу, вымакивать лужу. Вскоре полотенце отсырело и больше не впитывало влагу. Яцик в отчаянии взял собственные носки. Когда лужа, наконец, была насухо вытерта, он скомкал носки и полотенце и, стараясь не сдавливать их, сложил в проходе. То ли от холода — майка и трусы были мокрые, — то ли от страха, что кто-нибудь застанет его за этим занятием, Яцик покрылся гусиной кожей. Мелкая изматывающая дрожь трясла его от кончиков пальцев на ногах до макушки.

Теперь оставалось самое трудное. Стараясь не шуметь, медленно-медленно Яцик скатал матрац вместе с простынями в один большой рулон и опустил его в проход между кроватями. Внутрь сунул мокрое полотенце и носки. Сняв покрывало со спинки, он аккуратно прикрыл голую сетку и в изголовье поставил, как положено, подушку.

Только сейчас Яцик позволил себе немного передохнуть. Усевшись на свернутый матрац, он в который раз осмотрелся. Все тихо. Все спят. Кажется, на этот раз ему повезет.

Глубоко вздохнув, Яцик приподнял сверток и на цыпочках побрел вдоль кроватей к выходу. Сейчас могло решиться все. Достаточно было кому-нибудь приоткрыть глаза... Но нет...

Притворив за собой дверь спальни, Яцик быстро пересек игровую комнату. Сюда выходили двери сразу

четырех спален. За окнами уже совсем рассвело. С минуты на минуту подъем. Быстрее по лестнице вниз. Тяжелый сверток оттягивает руки. Мокрая майка кажется совсем ледяной. Все — площадка первого этажа. Сжавшись, Яцик делает шаг по коридору, еще шаг... Назад дороги больше нет. Впереди фойе и сбоку дверь в сушилку. За столиком в углу фойе, где обычно сидит дежурный воспитатель, никого нет. «Повезло!» — обрадовался Яцик и шмыгнул в сушилку. Разложить матрац на толстых горячих трубах было делом одной минуты. Здесь же он развесил простыню и носки. И вдруг за спиной Яцик услышал чье-то дыхание. Он испуганно оглянулся...

В дверях стоял Дим Димыч, или, как его звали за глаза, Контуженый. Он был пожилой, и, видимо, его действительно когда-то на войне контузило, во всяком случае, так трепались пацаны. Поэтому теперь всякий раз, когда Дим Димыч нервничал, его седая голова конвульсивно дергалась вверх-вниз, словно он хотел кому-то сказать: «Да-да-да-да». Ребята часто специально дразнили его, чтобы понаблюдать, как Дим Димыч будет клевать носом. Хотя, если честно, его любили за то, что он знал и умел рассказывать множество историй.

Дим Димыч некоторое время молча разглядывал Яцика, затем, круто повернувшись, бросил на ходу:

— Пошли!

Яцик съежился и пошел, лихорадочно выискивая оправдания, почему он до подъема оказался в сушилке...

Дим Димыч завел Яцика в воспитательскую, маленькую опрятную комнатку с кроватью, креслом, большой лампой под красивым зеленым абажуром. Здесь дежурный воспитатель коротал ночь.

Яцик остановился у двери, не решаясь шагнуть на запретную для него территорию.

— Чего стоишь? Садись, — Дим Димыч кивнул на кресло. Яцик на цыпочках прошел в глубь комнаты и осторожно, стараясь не касаться мокрой майкой спинки кресла, присел на краешек.

— И вся королевская рать... — проговорил задумчиво Дим Димыч, сверху вниз пристально разглядывая съевшегося Яцика.

«Двинулся», — вяло испугался Яцик, вспоминая все, что слышал от пацанов о Дим Димыче. Тем более что у Дим Димыча вдруг затряслась голова и он рывком сдернул с застланной кровати покрывало, так, что подушка улетела на пол. Яцик привстал, еще не решив для себя — бежать ему или оставаться. Тем временем Дим Димыч так же, рывком, содрал с кровати одеяло и накрыл им Яцика. А потом, толкнув в грудь, вжал в кресло:

— Сиди!

Затем он полез куда-то в угол и достал большой термос. Отвинтил крышку, роняя что-то металлическое — ложки? — извлек из шкафчика чашку и плеснул туда пахучего горячего чая. И, чуть не расплескав, сунул Яцику:

— Пей!

Гулко прохрипел-просипел горн. Подъем. В коридорах раздались первые шаги. Ящик сидел, судорожно вцепившись в горячую чашку, и думал о том, что чудесное, теплое, ворсистое одеяло пропитается теперь его противным вонючим запахом.

— Пей, — затряс головой Дим Димыч и вдруг улыбнулся. Ящик в ответ тоже слабо улыбнулся и попробовал пить, но его зубы стучали по краешку чашки, и он никак не мог перестать думать, что теперь все: и одеяло, и эта чашка, и кресло — все будет пахнуть мочой.

Дим Димыч сел на развороченную постель прямо напротив Ящика и тоже принялся пить чай из крышки термоса.

За дверью воспитательской тяжело прогромыхали чьи-то шаги. Ящик невольно вздрогнул — шаги принадлежали директору интерната Щербе.

— Па-а-а-дъем! — раздался его крик.

Ящик представил, как сейчас Щерба врывается в палаты и сдергивает на пол тех, кто не успел проснуться. А их матрацы вместе с подушками и простынями летят в лестничный пролет.

— Я безвольный человек, — вдруг произнес Дим Димыч и улыбнулся. Ящик удивленно приподнял глаза.

— Да, я безвольный человек, — повторил Дим Димыч, вздыхая. — Я должен вставать в пять утра, как советуют врачи, делать зарядку, потом пробежку не меньше получаса, после — контрастный душ. Иначе... — Дим Димыч запнулся. — Но мне нужен компаньон. Я живу здесь, на Авиационной, неподалеку. Завтра в пять я жду тебя на стадионе. Согласен?

Не то чтобы выражая согласие, а скорее от неожиданности предложения Ящик кивнул головой.

Дим Димыч долил себе и Ящику из термоса чая:

— Но смотри, — Дим Димыч прищурился, — уговор дороже денег. Верно?

— Верно, — проговорил Ящик, еще не веря в серьезность предложения.

— А чтобы ты нечаянно не проспал, я буду оставлять дежурным воспитателям записку, и тебя будут будить. А то как же это? Я встану ни свет, ни заря, а тебя нет. Нехорошо?

— Нехорошо, — сказал Ящик.

Дим Димыч, протянув руку, потрепал его по макушке, и, быть может, впервые в жизни Ящик забыл подумать, что теперь ладонь Дим Димыча будет чем-то пахнуть.

любовь

Эрик Пустовойтов влюбился в Мальвину. В нее нельзя было не влюбиться. Во всяком случае, так считал Эрик.

Во-первых, Мальвина была красивая. У нее были большие карие глаза, слегка курносый нос и длинные волосы. Во-вторых, она не походила на остальных девочек — спокойная, ко всем почему-то обращалась

на «вы», никогда ни у кого не списывала, в игры с другими девочками не играла. Из-за этого некоторые считали, что она зазнается и много корчит из себя. Эрик помнил, как классная на уроке математики завела ее в класс:

— Ребята, это Оля Рудзикайте, новенькая, знакомьтесь.

Девочка, наклонив голову к плечу, обвела глазами всех ребят. И Эрику показалось, что если он встретится сейчас взглядом с Мальвиной — так ее потом прозвали, — то та сразу догадается, как она ему понравилась.

Мальвина сидела в среднем ряду за второй партой, и Эрик, осторожно скосив глаза, мог незаметно для других разглядывать ее. На душе у него в такие минуты было светло и празднично. Его распирало безотчетное желание: засунув два пальца в рот, оглушительно свистнуть, чтоб у математички мел вывалился из рук, или сделать стойку на голове, но вместо этого, тяжело вздохнув, он отворачивался к окну и принимался рассматривать прохожих. А один раз Мальвина, видимо, почувствовав на себе его взгляд, обернулась. На секунду их глаза встретились, и еще долго потом, вспоминая тот миг, Эрик чувствовал, как сладко замирает у него сердце. Ему было стыдно неизвестно за что и хотелось дурачиться, петить или плакать. И тогда Эрик написал Мальвине записку.

Мария Кузьминична, стоя в двери, осмотрела притихшую спальню:

— Ну ладно, — проговорила она, — спокойной ночи. — И вышла, погасив свет.

Еще несколько минут в палате было тихо. Если бы Мария Кузьминична была человеком наблюдательным, она бы обратила внимание на эту непривычную, без перешептываний и смешков, мертвую тишину. Но она была человеком ненаблюдательным, к тому же ее ждали дома, ведь уже было как-никак десять вечера...

Первым подал голос Рыжий, остряк и поэтому всеобщий любимец:

— Эрик, ты уже спишь?

Эрик Пустовойтов лежал не двигаясь, забившись под одеяло и оставив лишь маленькую щелочку, чтобы дышать. Было ли ему страшно? Наверно, если можно назвать страхом ощущение безысходности, сосущее под ложечкой... Услышав голос Рыжего, он поежился, и сердце, сорвавшись, забилося...

«Значит, правда?» — мелькнула догадка.

— Эрик спит, — Рыжий привстал на кровати. Спальня безмолствовала. Это не входило в планы Рыжего. Если бы Эрик сейчас нашелся, что ответить, то, вполне возможно, у этой истории не было бы продолжения. Но Эрик смолчал. Тогда из дальнего угла раздался голос Штыря:

— Эй, Хряк, — обратился он к Зуйкову, который спал под выключателем. Он был самый толстый в классе, и за это ему доставалось чаще, чем другим. Как его только ни дразнили: и Шпиг, и Жиртрест, и почему-то Сельдерей.

**ИЗ ОКНА ВИДНЫ ПЛОЩАДКА ПЕРЕД
ВХОДОМ В ИНТЕРНАТ, ДОРОГА С РЕДКИМИ
ПРОХОЖИМИ И ОДНОЭТАЖНЫЕ ДОМИКИ
НА ТОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ. ВСЕ ЭТО
ПОКРЫТО СЕРЫМ ПОДТАЯВШИМ СНЕГОМ.
КАНИКУЛЫ**

— Эй, Хряк, вруби свет. Разбираться будем.

Вспыхнул свет.

«Теперь — все», — понял Эрик.

Рыжий, прыгнув с кровати, подошел и сел на постель к Эрику. Зевая и ежась, встали еще человек десять. Кто-то спросил:

— Рыжий, глянь, может, он сдох от страха?

Рыжий, обрадованный всеобщим вниманием, сунул руку под одеяло:

— Нет, теплый еще...

— А может, он обоссался? — раздались смешки.

— Ладно, — оборвал смех Штырь, — чего ржете? Человек влюбился, а вы...

— Влюбился! — хохотусились. Штырь и сам, не сумев или не пожелав сдержать улыбку, усмехнулся:

— Ну что ты, Эрик? Давай расскажи нам все. Как своим друзьям. А?

— Давай! — загалдели пацаны.

— Толкни речугу...

Кто-то потащил с Эрика одеяло. Тот судорожно вцепился в него, словно это была броня, но силы оказались слишком неравными.

— Ишь какой стеснительный... — прокомментировал Рыжий.

В конце концов одеяло у Эрика было отобрано, но он продолжал лежать с наивно закрытыми глазами.

— Угу-гу-гу, — дурашливо скривив лицо, Штырь дотронулся до плеча Эрика. — Р-р-ромео, подъе-о-м!

Эрик, дернув плечом, сбросил руку Штыря.

— Ох, какие мы сердитые... — пропел Штырь и вдруг, без замаха, саданул Эрику в бок. — Вставай, Эричек. Вставай, сыночек...

— Да велосипед ему сделать... — подал идею кто-то из сгрудившихся вокруг кровати пацанов.

— Точно, — поддержал идею Штырь, — давайте бумагу, спички...

Вставив клочок бумажки между пальцами ног Эрика, Рыжий поджег ее. Больше молчать было нельзя. Дернув ногой и сорвав пылающую бумажку, Эрик приподнялся:

— Ну чего надо?

— Ожил, — обрадовались пацаны.

— Эричек, — откуда-то из-за спины Рыжий извлек лист скомканной бумаги и помотал им перед носом похолодевшего Эрика. Первым его желанием было выхватить записку, но делать это было никак нельзя. Рыжий, конечно, только того и ждет... Поэтому Эрик слабо пошевелился и, покосившись на ухмыляющихся и ждущих представления пацанов, пожал плечами:

— Ну и что?

Сейчас главным для Эрика было, и он это понимал, не проявить своего интереса к записке. Чем равнодушнее будет он, тем больше вероятность, что всем эта история быстро наскучит.

— Ну и что?! Ну, Эрик дает! Ну и что! А? — как бы даже обиделся Рыжий.

Сдернув простыню с соседней постели, он обмотался ею и, подвывая, стал читать записку:

— «Алена! Ты очень красивая девочка. Ты мне нравишься. Давай с тобой дружить», — Рыжий сделал паузу, — подпись: «Эрик П. ».

Спальня загудела:

— Во дает...

— Ромео...

— Это Мальвина, что ли?

— Кто ж еще?

— Что ты скажешь на это? — на правах самого сильного, развалясь на кровати Эрика, спросил Штырь.

Тот пожал плечами.

— Ответ, — произнес вдруг Рыжий.

Эрик вздрогнул: такого оборота он не ожидал.

— Ответ здесь, на этой же записке, — продолжал Рыжий. — «Хорошо. Оля».

Заметив недоверчивый взгляд Эрика, Рыжий ухмыльнулся:

— Не верит. На, читай! — И приблизил записку к самому носу Эрика.

Знакомый округлый почерк. Если бы можно было сейчас провалиться сквозь землю, раствориться, исчезнуть навсегда, Эрик без колебаний согласился бы.

— Мужики! — закричал вдруг Хряк. — Мужики, а не слабо Эрику пригласить Мальвину на свидание?!

— А что, давай! — тут же поддержал Хряка Рыжий.

— Пусть напишет ей приглашение...

— Что он ее любит...

— Что он жить без нее не может...

— Что он ее... — грязно выругался Хряк, и спальня поддержала его гомерическим хохотом.

Кто-то тут же приволок чистую тетрадку и ручку. Штырь положил тетрадь на тумбочку:

— Ну что, давай начинай, Р-ромео... — Эрик насупился.

— Не хочет? — искренне удивился Штырь.

— А давайте сами напишем, — предложил кто-то.

— Почерк другой, — осадил его Штырь.

Эрик вспомнил, как били Клюева. Он уже забыл, из-за чего тогда разгорелся сыр-бор. В памяти осталось только распластанное на кафельном полу умывальника какое-то серое, словно ненастоящее, тело и остервенелая толпа вокруг. И еще лица пацанов. Тогда Эрик подумал, что они, пожалуй, и убить могут и не заметят, что убили. И он сам, боясь, что его посчитают трусом, тоже ткнул пару раз ботинком лежащего Клюева... А сейчас Клюев был где-то здесь, в толпе.

«Теперь мое тело будет лежать... серое, как тряпка», — подумал Эрик.

— Ну так что, писать будешь? — спросил Штырь и взял его за плечо.

Пальцы у Штыря были жилистые и крепкие. Эрик попытался сбросить руку, но та впилась в его тело словно железная... Кто-то ткнул в его спину кулаком.

— Пиши давай, а не то...

«Теперь мое тело будет лежать серое...» — тягуче билась в висках страшная мысль. «А что, — пытаюсь заглушить сомнение, подумал Эрик, — я напишу... Не поверит ведь. А завтра где-нибудь встречу и все

объясню...» Конечно, Эрик понимал, что объяснить будет трудно, но ведь это будет завтра.

— Ладно... — Эрик подвинулся к тумбочке и, стараясь не растерять последние граммы достоинства, подчеркнуто независимо взял ручку.

— Пиши, — Штырь уставился в потолок, — Алена... значит, так... Алена, зайди в умывальник... мне нужно... нужно... Написал? Сказать тебе что-то очень важное. Эрик. Все?

Эрик подвинул тетрадку.

— Хорошо, — Штырь пробежал написанное глазами. — Кто отнесет?

— Давай я! — вызвался неожиданно Хряк.

«Вот скотина, — подумал Эрик, — а я еще, дурак, защищал его».

Пока Хряк, одевшись, бегал относить записку, Эрика оставили в покое. Все обсуждали, как Мальвина воспримет написанное, поверит или нет, и вообще...

Но вот появился посыльный и, взглянув исподлобья на его сияющее лицо, Эрик понял, что он погиб.

— Поверила! — выпалил Хряк с порога. Штырь тут же выхватил у него ответ.

— «Хорошо. Оля», — прочел он.

— Ура! — обрадовались пацаны, и записка пошла по рукам.

— Я не пойду, — вдруг проговорил Эрик и на всякий случай вцепился в спинку кровати.

— Что ты сказал? — нахмурившись, подступил к нему Штырь.

Эрик молчал.

— Повтори, что ты сказал? — Штырь кулаком приподнял подбородок Эрика. Ожидая удара, тот сжался, но удара не последовало. Штырь, обернувшись к угрюмо притихшей толпе, сказал:

— Пацаны, Эрик нас ни фига не уважает. Надо что-то придумать. Бить его можно и после... — Штырь сощурился, — после свидания. А то нехорошо с разбитой рожей... А?

— Правильно...

— Давай его оттащим...

Вдруг ни с того ни с сего заржал Хряк и упал, дрыгая ногами и схватившись за живот, на кровать.

— Ты чего? — повернулся к нему Рыжий.

— Хохма, — сквозь смех выдал Хряк и, поманив его пальцем, зашептал что-то на ухо. Рыжий позвал Штыря, и они втроем стали о чем-то шептаться, изредка поглядывая в сторону Эрика. Наконец совещание закончилось, и, подойдя к Эрику, Рыжий и Штырь вдруг схватили его за руки. Еще не понимая, что с ним собираются делать, Эрик отчаянно сопротивлялся.

— Снимай трусы с него! Стаскивай! — скомандовал Штырь.

Эрик пытался вырваться, но не тут-то было. На него навалились еще несколько человек и под дружный хохот стащили трусы и майку.

Толпа пацанов окружила Эрика и потащила его к выходу из спальни. Идти было недалеко, только спуститься ниже на этаж. Растопырив руки и ноги, Эрик пы-

тался зацепиться вначале за спинки кроватей, потом за дверной косяк, потом за перила лестницы, но если даже это ему удавалось, то десятки рук тотчас же отцепляли его пальцы, и процессия, шушукаясь и хихикая, двигалась дальше. Благополучно миновав коридор, который просматривался с вахты дежурного воспитателя, ребята пересекли игровую комнату и, свернув в закуток, втокнули Эрика в умывальник.

Освободившись, он тут же бросился к двери, но ее снаружи держали. Эрик, тяжело дыша, остановился посреди умывальника и огляделся. Чем бы прикрыться? Как назло, в умывальнике ничего не было, кроме забытого кем-то носка, сушившегося на батарее. Но что носок, он маленький, разве им прикроешься? Тогда Эрик бросился к окну. Лихорадочно отщелкнув нижний шпингалет, дернул раму. Та не поддавалась. Ее держал верхний шпингалет. Эрик, вцепившись в ручку, подтянулся и, стоя на подоконнике, попытался дотянуться до шпингалета.

В этот момент за дверью раздалось шушуканье, потом топот множества убегающих ног. Эрик соскочил с подоконника. Вошла Мальвина. Чувствуя, как от невыносимого стыда у него темнеет в глазах, Эрик присел на корточки.

«Я, наверно, сейчас умру», — подумал он.

Мальвина, скользнув взглядом по скорчившейся фигуре Эрика, повернулась и попробовала выйти. Но ловушка захлопнулась. Дверь держали с другой стороны. Некоторое время Мальвина стояла не двигаясь, затем, не оборачиваясь в сторону Эрика, прошла к окну:

— Что вы мне хотели сказать? — спросила она, облокотившись на подоконник.

Если бы сейчас здесь был кто угодно, любая другая девчонка, Эрику было бы легче, но Мальвина...

— Хорошо, вы не хотите говорить... а как же... вы ведь предлагали мне свою дружбу?

Неожиданно внутри Эрика начало расти раздражение против этой, как будто не от мира сего, девчонки, и, пытаясь справиться с ним, Эрик, глубоко вздохнув, принялся изучать залитые водой кафельные плитки...

— Я понимаю, над вами... над нами подшутили...

Не в силах больше сдерживаться, Эрик вскочил и бросился к двери:

— Гады, гады, гады! — разбежавшись, он попытался плечом вышибить дверь, поскользнулся, упал, вскочил опять и, разбежавшись, ударился о дверь. С той стороны раздалась смешки.

— Зачем вы? Им надоест держать дверь, если вы не будете...

«Когда же это кончится?!» — и Эрик, отпрянув от двери, заорал:

— Да заткнись ты, дура!

Однажды Эрик видел, как старый пьяный цыган, каких на Петуховке было предостаточно, бил лошадь. Бил сильно, но как-то привычно, что ли... И как после каждого удара кнутом лоснящаяся шкура лошади судорожно сжималась, словно сгоняя слепней. И вдоль

тела бежала волна. А огромный лиловый глаз тоскливо и дико косил на своего мучителя. Точно так же сейчас судорожно вздрогнула спина Мальвины. Голова ушла в плечи, локти прижались к бокам. Вся она подобралась, сжалась...

«Ей же больно», — спохватился Эрик, не понимая, о ком сейчас думает, о Мальвине или о лошади, и в то же время чувствуя, что это не имеет никакого значения — все равно ведь больно.

В умывальнике стало тихо, Эрик отошел к стене и замер там. Он не знал, что сказать и нужно ли.

— Вы... вы не представляете, — поперхнувшись, проговорила Мальвина, — мы с мамой жили в Ленинграде. Мы любили гулять, когда дождь. Осенью. Тогда туристы разъезжаются и... и... — голос Мальвины дрогнул, — так тихо. Тихо... — Она замолчала.

Эрик точно знал, если он произнесет сейчас хоть слово, то произойдет что-то страшное, но и молчать было глупо:

— Мальвина, — решился он.

— Да.

— Ты... это... — язык перестал подчиняться ему, — чего ты там высмотрела? — нарочито грубовато спросил он.

— Видите, вон звезда над крышей, — Мальвина протянула руку. Эрик взглянул. — Она всегда появляется на одном и том же месте. Странно, не правда ли? Всегда.

— Так это... — начал было Эрик, но Мальвина перебила его:

— Это моя звезда. Мама говорила, что у каждого должна быть своя...

Эрик вздохнул и, подойдя к двери, толкнул ее. Та неожиданно приоткрылась. Эрик выглянул — пусто.

— Я пойду, ладно? — спросил он.

Мальвина промолчала.

В спальне было тихо. Пацаны спали. Хохма удалась, чего же еще? Только Рыжий, приподняв голову с подушки, сонно спросил:

— Ну, как Мальвина?

Эрик нырнул в постель и некоторое время, согреваясь, лежал, всматриваясь в потолок. Потом, привстав, долго смотрел в окно.

«Точно, как звезда, — думал он, — если не знать, что это лампочка на крыше учебного корпуса. Там стоит бак с водой... Чтоб из кочегарки было видно, есть или нет вода в радиаторах».

Все уже давно спали, когда раздался сдавленный странный звук. Это, забившись под одеяло и зажав простыню зубами, плакал Хряк.

В сушилке

В конце марта интернат вымирает. Непривычно тихо в спальном корпусе. Изредка гулким эхом разносятся по коридорам и игровым комнатам шаги. Да еще то под половицей, то за батареей, то в каком-нибудь другом закутке что-то шебуршит — наверно, интернатский домовый балует. Каникулы.

На первом этаже, рядом с фойе, в маленькой комнатке-сушилке собрались те ребята, за кем не приехали родители. Впрочем, сегодня еще только первый день каникул...

Кроме запаха мочи да еще пола, залитого водой — это каплет из прохудившейся батареи, — сушилка не имеет недостатков. Здесь можно лежать хоть весь день, расстелив на горячих трубах подсохшие матрацы. И еще в сушилке есть окно. Сейчас в это окно, забравшись с ногами на матрац, смотрит Бутковский. У него бледное, неправильной формы лицо, узкие скулы, длинный нос. Из окна видны площадка перед входом в интернат, неширокий газон, зеленый штакетник, дорога с редкими прохожими и одноэтажные домики на той стороне улицы. Все это покрыто серым подтаявшим снегом.

На животе, подперев голову руками, лежит Сережка-Профессор. Между Бутковским и Профессором, поджав под себя ноги и обхватив колени руками, сидит Сипина, угловатая, в застиранном платье. В другом углу — Эрик Пустовойтов. Он как раз сейчас вошел в раж, рассказывая очередную таинственную историю, каких знает множество. Недалеко от него примостился Лешка из первого «а». Он самый благодарный слушатель. У него даже челюсть отвисла... Видно, как по мере приближения рассказа к кульминации сам рассказчик начинает понемногу волноваться. Его голос прерывается.

— ...Мамаша, конечно, в слезы. Как же, ребенок пропал! Она в милицию. Там ей: «Разберемся, гражданка»... И вот... пошла она как-то на базар. Смотрит, стоит старушенция и продает пирожки. Захотелось мамаше пирожка. Купила, ест. Глядь! Что такое?! Ноготь. Ее сына. С родинкой... — Эрик замолчал, умело выдерживая паузу.

— Ну а дальше что? — съежилась Сипина.

— Дальше мамаша пошла в милицию. Старушенцию арестовали, и оказалось, что та детей заманивала и...

— Господи, Эрик, — Сипина перекрестилась, — ужас-то какой!

— А ты что, Сипина, в Бога веришь? А еще пионерка... — зевая, проговорил Бутковский.

— Да что ты, Коля, — вздрогнула Сипина, — я так, просто...

— А это за кем? — подал голос Лешка, взглядывая в окно.

— Кто? Где? — подался к окну Эрик.

— Надурили дурака на четыре кулака и на пятое дуло, чтоб тебя раздуло! — радостно проскандировал Лешка.

— Ах ты козел... — обманутый Эрик привстал. Лешка тут же вжался в угол.

— А хорошо бы... хорошо бы, чтоб тот дом был из шоколада, — задумчиво проговорила Сипина.

— А труба — эскимо... Ел кто эскимо? Нет? Это, я вам скажу...

— А забор из мармелада... — пропищал Лешка, настороженно поглядывая на Эрика, который колебал-

**ДОБРЫЕ ПОПАДУТ
В РАЙ, А ЗЛЫЕ В АД.
БОЖЕНЬКА, ОН ВСЕ
ВИДИТ.**

ся: стоит ли из-за подзатыльника ползти по трубам через всю сушилку. Наконец он решил, что не стоит, и, вздохнув, плюхнулся, задрал ноги, на матрац.

— А снег — это сахарная вата. Лег и жри сколько влезет, — обрадованный отменой подзатыльника, затараторил Лешка.

— А стол в том доме — торт, — мечтательно закатив глаза, проговорила Сипина.

— Интересно, большой там стол? — спросил вяло Профессор, до сих пор не принимавший участия в разговоре.

На несколько секунд в сушилке установилась тишина. Только с батареи монотонно капала вода, да проехал по улице грузовик.

— Сипина, — Бутковский приподнялся на локте, — Сипина, а ты знаешь, откуда дети берутся?

На лице Сипиной появилось то сосредоточенно-отрешенное выражение, какое обычно бывает у девочек, играющих в куклы. Подозрительно покосившись на Бутковского — очевидно, ожидая от него подвоха, — она наконец решилась.

— Знаю. Их маленькие ангелочки приносят и вкладывают маме в живот.

— Ха-ха-ха! — взорвалась сушилка. Смеялись все, кроме Лешки, который тоже не прочь был посмеяться, но ничего смешного в словах Сипиной не заметил.

— Ну, Сипина! Ну, ты даешь! Дядьки-то к мамке ходят? — Бутковский подмигнул Эрику.

— Ну... — неуверенно, ожидая очередной каверзы, проговорила Сипина.

— Вот те и «ну». А ты — ангелочки! Небрите! Ха-ха-ха! — Бутковский схватился за живот. — Умора...

Сипина медленно покраснела. Вначале кончики ушей, потом нос, потом щеки...

— Она у тебя квасит? — спросил Бутковский. Ему, по всей видимости, было интересно наблюдать за меняющимся лицом Сипиной...

— Ну пьет... — глухо и как-то обреченно сказала Сипина, — немножко...

— А пьяная баба — себе не хозяйка! — Бутковский перевел взгляд на окно, словно все происходящее здесь потеряло для него всякий интерес.

Возникла напряженная пауза.

— Я... Коля... Я... Вот мама придет, я ей... — медленно начала Сипина.

— Не придет, — оборвал ее Бутковский.

— П-почему? — спросила Сипина и, опустив голову, принялась сосредоточенно ковырять пальцем дырку на подоле платья.

— Не придет — и все. Нужна ты ей... — не отрываясь от окна, сказал Бутковский, поудобнее устраиваясь на матраце.

— Почему? — Сипина зашмыгала носом, собираясь заплакать. Но прошла минута, вторая, никто больше не задевал ее, и она успокоилась. Не хочется реветь, когда в сушилке так тепло и уютно.

Тем временем все напряженно смотрели в окно. Там, у штакетника, какая-то баба, составив у ног узлы,

разглядывала интернат. Передохнув, она взвалила поклажу на спину и прошествовала мимо интернатских ворот. Все тотчас потеряли к ней интерес.

Вдруг дверь сушилки с грохотом распахнулась. Капуста! Гроза младших классов. Смуглый и жилистый, в рубашке с закатанными рукавами, Капуста, подбоченясь, стоял в дверном проеме.

— Что попрятались? — нарочито растягивая слова, проговорил он.

В ответ — тишина.

— Ага, — недобро ухмыляясь, Капуста сплюнул на пол, — не желаете разговаривать с дядей? Встать! Козлы вонючие...

Все медленно спустились с матрацев в воду...

— Тэк-с... — Капуста скользнул взглядом вдоль выстроившихся в воде ребят. И тот, на ком его взгляд задерживался, опускал глаза.

— Хорошо. Кто сейчас станцует твист, тот свободен. Понятно? Дяде грустно...

Все молча исподлобья хмуро поглядывали на мучителя.

— Не понял, — поморщился Капуста. — Что за пауза? Всем все ясно?!

— Ясно...

— Вот и ладненько. Давай ты первый, — кивнул Капуста на Эрика.

Тот, тяжело вздохнув, оглянулся по сторонам, словно ожидая чуда, которое избавило бы его от Капусты. Но чуда не произошло, и Эрик принялся танцевать, разбрызгивая во все стороны воду.

— Это ты будешь так дрыгаться за катафалком своих родственников, — ухмыльнулся Капуста. — Смотри внимательно, сейчас Бута покажет, как надо. Давай, Бута, покажи этим, как надо танцевать. Повесели дядю.

Сипина, прикусив губу, отвернулась к окну. Бутковский начал танцевать. Капуста схватился за живот от смеха:

— Вжарь, вжарь, жертва аборта! Ну цирк! Сгибай, сгибай коленки, паралитик! Ха-ха-ха! Вот умница! А?

В этот момент из фойе донесся чей-то голос:

— Капустин! Капустин, за тобой приехали!

Капуста прислушался. С его лица медленно сползла улыбка:

— Ну это... — он растерянно поправил волосы. — Ну ладно... — и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В наступившей тишине вдруг раздался какой-то странный звук. Вначале он был очень тихим, но, постепенно набирая силу, становился все громче и наконец зазвучал так пронзительно, что захотелось зажать уши руками. Словно сдавили человека огромными тисками...

— А-а-а-а-а-а-а!

Это кричал Бутковский. Он стоял, неестественно согнувшись, а его лицо было вывернуто наизнанку судорогой. Профессор и Эрик, подхватив Бутковского под руки, усадили его на матрац. Дело в том, что у Бутковского были больные ноги. Он едва ходил, привлекая их поочередно...

Больше всех суежилась Сипина:

— Колечка... Мальчики... что ж это... Сереженька...

— Да-а-а-а, — удалось расцепить зубы Бутковскому, — да уберите отсюда эту... эту...

— Успокойся ты, — оттолкнул Сипину Профессор. — Что ты кудахчешь? Сейчас повалится и отойдет.

— Так ведь страшно, Сереженька... — прошептала Сипина и, удостоверившись, что Бутковский не собирается умирать, полезла на свое место.

И опять стало тихо, только слышно было, как капает с батареи вода.

Эрик задремал, свернувшись клубком, почти касаясь коленками подбородка. Бутковский неподвижно уставился в потолок, и было совершенно невозможно понять, то ли он спит с открытыми глазами, то ли просто задумался. Лешка, расплющив нос о стекло, некоторое время наблюдал, как куда-то тащил своего «тепленького» папашу Капуста. А папаше, по всему было видно, так хотелось, рванув на груди драное пальтишко, пуститься в пляс.

Сипина, прислонившись к Профессору, шептала что-то тихо, только губы шевелились.

— Что ты там бубнишь? — покосившись, спросил Профессор.

— Так... молюсь, — шепнула та, наклонившись к самому уху Профессора. — Только ты не говори никому: ребята задрезают.

— Не скажу, — подумав, ответил Профессор. — Ты это... в самом деле в Бога веришь?

— Да-а, — еще тише прошептала Сипина.

— Ну и дура, — Профессор вздохнул. — Если б Бог был, разве ж он потерпел бы, чтоб над Бутой так издевались?

— Воздастся, — прошептала Сипина, — всем воздастся на том свете. Добрые попадут в рай, а злые, как Капуста, в ад. Боженька, он все видит.

— А... мама твоя куда попадет? — спросил Профессор. Сипина запнулась.

— Ну?

— Не-е знаю, — произнесла она жалобно, и Профессор почувствовал, как она задрожала.

— Ты чего? — он неожиданно для себя заметил, что у Сипиной зеленые глаза и красивые брови... и что вообще она красивая.

— Страшно мне, Сереженька, — придвинувшись к Профессору, прошептала Сипина.

Тот попробовал отодвинуться, но некуда — дальше стена. Тогда он осторожно осмотрелся — никто не видит? — а то еще... Ничего постыднее и страшнее, чем любовь, Профессор не знал.

— Чего тебе страшно? — спросил Профессор, нервно сглотнув.

— Нельзя зла ближнему желать, даже в помыслах, Сереженька... — сжалась Сипина.

Однако Профессор уже не слышал ее. Он напряженно вглядывался в окно. Там вдоль штакетника шла худенькая женщина. Это была мама Профессора. Оттолкнув Сипину, Профессор прыгнул прямо в воду.

— А-а, черт... — он осторожно поковылял к порогу.

Эрик, проснувшись, приподнял голову:

— Что? Где?

— За Профессором, — пошевелился Бутковский.

На лице Эрика появилось плохо скрываемое выражение досады. Он вопросительно посмотрел на Профессора, ожидая, что тот сейчас скажет: «Не верь Буте, это не за мной, это за тобой приехали».

Но Профессора уже не было в сушилке. Он был на улице. Рядом с мамой.

— Ну ладно, — тщетно пытаюсь принять соболезнующий вид, сказал Профессор, — бывайте. — И, оглянувшись, вышел, прикрыв дверь.

И вновь стало тихо. Лишь монотонный звук падающих капель нарушал тишину.

— Что ты там, Эрик, трепался про бабу, которая пацанов в пирожки заталкивала? — приподнялся со своего ложа Бутковский. — Уточни, что она с ними делала перед тем, как...

— Ой, мальчики, не надо! — взвизгнула Сипина и, отвернувшись к стене, закрыла лицо руками.

— Чего ты плачешь? — Бутковский некоторое время смотрел на ее подрагивающую спину, на лопатки, выпирающие сквозь платье, на дырку на чулке, через которую проглядывала розовая пятка, а потом поморщился так, словно у него зуб болит.

— Профу повезло. Тебе повезет в другой раз. Вот мамка опохмелится и приедет.

Бутковский перевел взгляд за окно. Там все было по-прежнему: площадка перед интернатом, узкий газон, штакетник. Улица. Дома на другой стороне. Редкие прохожие... В глазах Буты сквозила серая тоска — как отражение мартовского снега.

малыш

Я включил форсаж. Теперь можно было не бояться. Лес кончился. Интернат остался далеко позади. Впереди была только степь... И свобода. Я прижался к самой земле и лихо обогнул дуб, стоящий на опушке. Некошенная трава била по лицу, но мне это нравилось. И скорость, скорость, скорость! Все слилось перед глазами. И тишина. Только в вышине где-то пела птица. А солнце опускалось за горизонт. Трава шипела, расчесываемая на пробор невидимыми линиями гравиполя. Здорово! Повернув рычажок на поясе, я взлетел в небо. Там замер на секунду и пулей вниз. Конечно, по правилам этого делать нельзя, но мне так нравится. Выхожу из падения у самой земли и вновь в небо. И замираю там. Как птица. Как облако...

— Костыльков! Ты когда-нибудь будешь слушать, о чем мы здесь говорим? — над моей головой неожиданно раздался голос Валерьяны. Вообще-то ее зовут Валериана Дмитриевна, но это длинно. А потом у нее такое скучное лицо, когда она читает, как будто ее опоили валерьянкой.

— Я тебе говорю, Костыльков.

Вот зануда. Слышу, слышу. Мне. Я встаю и начинаю внимательно изучать половицы. В классе раздаются смешки. Это уж как водится...

— Тихо, ребята, — говорит Валерьяна. — Объясни нам, Костыльков, о чем ты все время думаешь? Может, мы все вместе подумаем над твоими гениальными идеями?

Ага, разогнался. Представляю, какой виноватый сейчас у меня затылок. Граждане судьи, будьте снисходительны...

— Хорошо, Костыльков. Не хочешь нам говорить — расскажешь после урока в учительской.

Ну вот. Этого еще не хватало. Не везет. Вон Витька, сосед, все уроки чертиков на промокашке рисует, и хоть бы что. Н-да, дела. А у меня, между прочим, книжка на коленях лежит. Отличная книжка, я вам скажу, «Малыш» Стругацких. Я ее вчера у одного пацана выпросил почитать на сутки. Книжка — закачаешься. Только у Валерьяны особенно не считаешь. Глаз у нее наметанный. Как включится про Фамусова, так и давай класс глазами утюжить. Туда-сюда. Не просочишься. А тут, смотрю, она к окну прилипла. Стоит спиной к классу и жужжит монотонно, как муха об стекло. И что она там увидела такого? Забор? Петуховские крыши? Очередь в винный? Может, у нее муж пропойца? Вещи из дому носит. Бывают такие. Вот она его и вычисляет. Того и гляди увидит, за голову схватится. Голосить начнет или, еще хуже, в обморок брякнется. «Паразит ока-аянны-ый! Куда ты трюмо поволо-ок?!» Да-а, тоска. Ну, я отодвинулся от парты, и в книжку. А у меня дурацкая манера: как начну читать, так ничего вокруг не замечаю. А тут еще книжка такая классная. Сами понимаете. И вот мне уже кажется, что я на чужой планете. И что я — это не я во все, а кибернетик Стась. А рядом девчонка эта, Майка. Ну и пацан, Малыш. Голый, один и на чужой планете. Жуть. Впился и читаю:

«— Мам-ма, — вдруг сказал Малыш.

Я взглянул, Майка стояла рядом.

— Мам-ма, — повторил Малыш, не двигаясь.

— Да, колокольчик, — сказала Майка тихо. Малыш сел...

— Скажи еще раз! — потребовал он.

— Да, колокольчик, — сказала Майка. Лицо у нее побелело...»

Тут мне так стало жалко этого пацана. Аж в носу защекотало. И только я собрался перевернуть страницу, как что-то тяжелое навалилось на меня сверху. Я и пикнуть не успел. А когда понял, что это Валерьяна подкралась ко мне на цыпочках, было уже поздно. Вцепилась она своими на маникюрными пальцами в книжку и тащит к себе. Я, конечно, перепугался. Но не выпускаю. А она дернула, и книжка — фьють! — пополам. Это, наверно, ее здорово разозлило. Стоит, тяжело дышит. Лицо красное, словно вареное, блузка набок сбилась. Рот кривится. Ну а я молчу. Что тут скажешь? И так все ясно. Граждане судьи, будьте снисходительны... Опомнилась, схватила меня за шиворот —

откуда только сила взялась, худющая ведь! — и давай головой о парту лупить. А мне книжку жалко. Как теперь отдавать буду?

Наконец, надоело ей колотить моей башкой о парту, а может, она устала — в общем, отпустила меня. Стоит, губы шевелятся, с психу выговорить ничего не может. Заметила, что я за ней наблюдаю, отошла к доске. Платочком пот со лба смахнула, блузку одернула. После урока пойдем к директору, говорит. Да-а, здесь я вздрогнул. Вы нашего директора не знаете... Бывший спортсмен. Рост — под два метра. А кулаки, я вам скажу, — что моя голова. И с нами, конечно, ему церемониться особенно нечего. Контингент еще тот. Вон Мишке в ухо так двинул, что еле кровь остановили. А уж невзлюбил кого — держись. Лучше сразу в бега или в петлю. Есть тут у нас один такой. Котлубаев — башкир или казах. Из колонии к нам перевели. Тихоня. Вечно забьется куда-нибудь в угол, и его не видно, не слышно. Видимо, в колонии научили жизнь ценить. Щерба — так зовут нашего директора, — где ни встретит его, сразу по шее. Я тебя, говорит, колониста, подонка, насквозь вижу. Такие вот дела. А кому пожалуешься? Витька, сосед, подвинул на мою сторону записку: «Проф, будет бить, сразу падай». Спасибо, конечно, за совет.

Ну, короче, урок закончился. Валерьяна взяла меня за плечо и потащила в учительскую. Пальцы у нее острые, не вырвешься. Еще издали голос Щербы расслышал. Ну все, думаю, с приветом, одуванчик.

Завела меня Валерьяна в учительскую. Там людно. Учителей полно. Физрук, англичанка, еще кто-то. Не разглядел, не до того было. Увидели меня — сразу тихо стало. Смотрю: идут ко мне Щерба с Валерьяной. А у меня, как назло, коленка задрожала, сволочь. Граждане судьи, будьте...

— Ты что же, паршивец, книжки на уроках читаешь? — спрашивает Щерба вроде как спокойно, а у самого ноздри побелели. Значит, заводится. Нервы. Надоели мы ему до чертиков, наверно, если он с полоборота... А в коридоре кто-то из старшеклассников ржет. Мне аж завидно стало. Честно.

— Я тебя, подонок, спрашиваю! — выхватил он у Валерьяны книжку и тычет мне в нос. А книжка библиотекой пахнет. Особый такой запах. От него у меня на душе всегда так хорошо становится, так спокойно. Уютно. Щерба тычет, а у меня перед глазами буквы скачут. Как раз то самое место: «Мам-ма, — вдруг сказал Малыш. — Да, колокольчик...» Дальше оборвано.

— Я кого спрашиваю, подонок? — Щерба замахнулся. Я, конечно, скрутился, как червяк на крючке. Только он не ударил, гад. Специально, чтоб мне стыдно стало, какой я трус. Все же смотрят. Понимает...

— Тебя, подлеца, учат, обувают, одевают, кормят, а ты книжки на уроках читаешь?

Знаю, слышал. Да подавись ты своей кормежкой. Не надо мне.

И тут он мне врезал. Не кулаком, конечно, а так,

чтоб без следов. Это он научился после того случая с Мишкиным ухом. Ну и еще раз добавил. Для четного числа. Еще раз повторится, говорит, я с тобой нянчиться не буду. Это уж точно, не будет.

— Твое место в колонии. Понял?

Я, конечно, головой кивнул. Понял, мол.

— А теперь марш на урок.

Я и пошел. Переменка уже кончилась. В коридорах пусто. Ухо огнем горит. Стыдно как-то в класс идти. И я поплелся на улицу... отдышаться. Смотрю, на первом этаже Валерьяна стоит, с физруком любезничает. Ну, думаю, сейчас прицепится. Куда, зачем, почему не на уроке? Нет. Увидела меня — отвернулась. Как будто прическу поправляет. Вышел я на улицу и пошел в спальный корпус. Тут только меня тряссти стало. Ноги дрожат, руки дрожат, зубы стучат, и, главное, ничего с собой поделать не могу. Смешно? Смотрю, а навстречу, как назло, воспитательница новенькая чешет... Луиза Абрамовна. Граждане судьи, будьте снисходительны... Не то чтоб я ее боялся — наоборот, я ей даже стихи свои показывал. А один раз, когда у меня зуб болел, так вообще... В спальне шум, гам перед отбоем. А я валяюсь, плачу, ну ничего с собой не могу поделать. Зуб допек. Слезы, гады, так и катятся. А она ко мне подошла, наклонилась... Ко мне одному, понимаете? И так рукой погладила, понимаете? А-а... В общем, как увидел я ее, задергался. А потом, думаю, пройду мимо. Может, не заметит. Или как-нибудь... словом, пронесет.

Не пронесло. Остановила она меня и спрашивает:

— Что случилось, Сережа?

— Ничего, — говорю.

— Я же вижу, что что-то случилось. Почему ты не хочешь мне сказать? — И голос у нее такой. И заглядывает мне в лицо. И так близко-близко придвинулась, то ли обнять, то ли погладить хочет. Тут не знаю, что со мной сделалось. Внутри все как-то задеревенело. Добренькая, думаю. Что ты лезешь ко мне со своими слюнями?

— Все вы одинаковые, — говорю, — концлагерные. Добренькой хотите быть? Да?! Не нужно мне ваших соплей!

Кричу, а самому тошно. Потому что, конечно, неправда это все. Но остановиться не могу. Как прорвало. А у Луизы Абрамовны лицо вдруг страшное стало, как будто его судорогой свело и тянет, тянет, тянет...

— Сережа... — хочет она остановить меня.

А я свое:

— Ненавижу вас всех! Всех! Ненавижу эту школу! Ненавижу все!

Тут меня опять тряссти начало. Нервы. Ну, я вырвался, и ходу. Что ж ты наделал, сволочь, думаю. Что ж ты наделал?!

Вообще-то из нашей школы часто бегали. Чуть что — слабонервный сразу в бега. Полшколы его ловит. Догонят — назад волокут. А завтра, глядишь, тот,

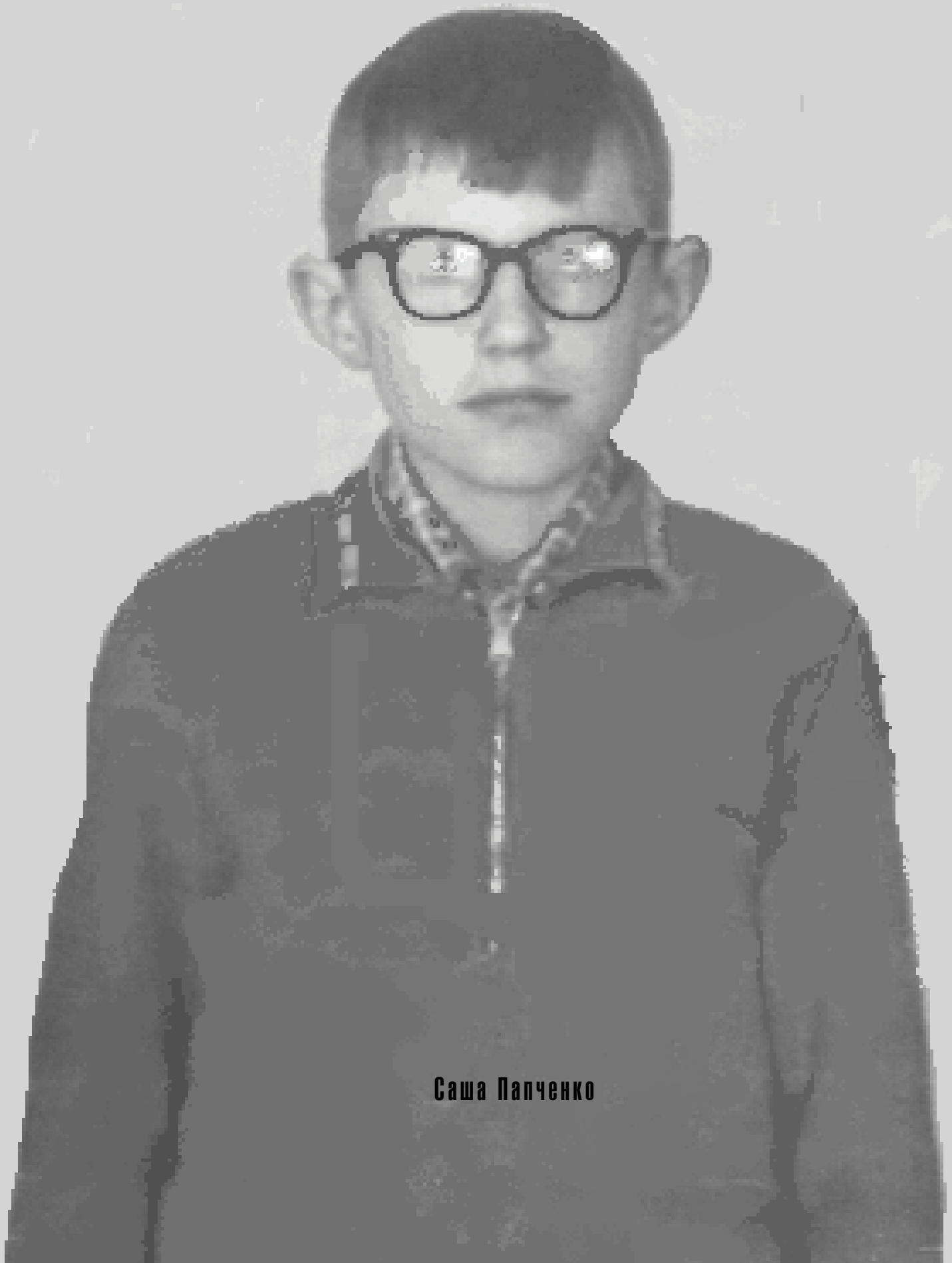
**НОГИ ДРОЖАТ,
РУКИ ДРОЖАТ,
ЗУБЫ СТУЧАТ,
И, ГЛАВНОЕ,
НИЧЕГО
С СОБОЙ
ПОДЕЛАТЬ
НЕ МОГУ.
СМЕШНО?**

что вчера ловил, сам в «бегунки» записался.

Короче, отмахал я сгоряча квартала три по Петуховке. Оглянулся — никто за мной не гонится. И тут мне совсем дерьмово стало. Вроде уже и плевать всем — был я, не был, убежал, не убежал. А может, так оно и есть? Постоял и поплелся обратно.

По пожарной лестнице забрался на чердак. Там тихо, и никто не мешает думать. Закурил подобранный на улице чинарик. По железной крыше дождь стучит. Уютно. Тепло. Тихо. Выглянул на улицу. Где-то внизу люди шляются, отсюда, с чердака, они совсем как букашечки. А что, действительно, сделать бы такой аппарат, чтоб надел ты его, крутанул рычажок на поясе — и полетел. И чтоб солнце! Черт... И некошенная трава прямо в лицо. И скорость. А ты, никого не боясь, паришь себе, как птица. А когда надоест, спикируешь к земле. и опять в небо. И застынешь там, словно облако. И пусть ветер несет тебя, куда ему хочется.

гуттаперчевый мальчик

Саша Папченко

И суша может стать морем

елена тихомирова
снимки из архива отряда

предоставлены алексеем кузнецовым, воспитанником «каравеллы» — 80

Не так давно ребячьему отряду «Каравелла» исполнилось 45 лет! Всероссийский масштаб у этого события. Но, прежде всего, обрадовались празднику (и возможности повидаться) сами ветераны. Бывшие мальчишки. Мушкетеры и барабанщики, капитаны и шкипера, внештатные инструкторы и рыцари «Зеленого патруля» встретились по случаю юбилея на далекой от моря уральской земле. Встретились у старого причала. Поговорить было о чем.

Десять тысяч воспитанников, как подсчитали отрядные архивариусы, прошли школу товарищества и верности на Урале. Можно только позавидовать репутации этой школы: она и пресс-центр журнала «Пионер», и пионерская дружина (в свое время), и парусная флотилия, и киностудия, и мастер-класс по изготовлению яхт. Такого в России больше нигде нет, уверяют педагоги, занимающиеся внеклассной работой. Капитанам и яхтенным рулевым — от двенадцати до шестнадцати лет, а в матросы принимают даже самых «зеленых».

Однако нельзя сводить заслуги отряда только к практической стороне. «Каравелла» неповторима, потому что ее путь как бы освещает все творчество детского писателя Владислава Крапивина. Более тридцати лет он, командор Слава, руководил созданным первоначально в одном из окраинных кварталов Свердловска — на Уктусе — объединением, учил ребят отстаивать честь и добро и одновременно писал книги. Многие его сравнивают с Макаренко и Сухомлинским, в научном мире родилось даже понятие «крапивинский метод в педагогике». «Каравелла» — его живая иллюстрация — расправила паруса. И сегодня ее ведут ученики Крапивина.

Первая документальная запись. Она появилась в вахтенном журнале «Бандерилья». Произошло это 6 июля 1961 года у Берега Искания, а на самом деле — на чердаке одного скрипучего деревянного дома. С того момента и родилась Летопись. С приключений на карте мира и «Братства Веселого Роджера» в разгар лета завязалась дружба между взрослым студентом университета, подрабатывающим в «Вечерке» и подписывающим свои заметки «В. Крапивин», и обычны-

ми дворовыми мальчишками и девчонками, не знающими, чем заняться. Развернули они как-то вечером амбарную книгу — и ахнули: черной тушью на странице кто-то изобразил великолепный улыбающийся череп. Рядом были написаны не очень понятные, но все равно прекрасные, таинственные слова: «Бригантина «Бандерилья». Порт приписки — Форт-Кандадо. Берег Искания»... На этом чудеса, конечно, не закончились. Вышли книги «Чем крепче ветер...», «Барабанщики, вперед!», «Море в конце переулка», «Фрегат «Звонящий». Так благодаря фантазии одного взрослого появились и море, и ветер, и приключения.

Не сразу отряд получил название «Каравелла». Поначалу были первый небольшой поход, увлечение фехтованием (дошло даже до того, что всех уктусских мальчишек стали называть мушкетерами). Потом уже — первая линейка, знамя, врученное редколлегией журнала «Пионер», и постоянное звание юнкоров. Кажется удивительным, что вся эта атрибутика не засушила отрядную жизнь. С гордостью каравелловцы носят свою форму с нашивками и галстуками. Настоящим предательством можно назвать некоторые поступки взрослых. Во времена перестройки неприличным стало носить красные галстуки — дети их сняли. Обструкции подверглось все, во что верили ребята. Всесоюзной организации не стало... Современные каравелловцы не знают, что такое «пионер» — для них это слово связано лишь с одной из яхточек, что качается на волнах визовского водохранилища. Но остались в их жизни добрые дела. И традиции.

Ребята сами мастерят барабаны. Собираются на линейки к своему огромному «трофейному» якорю. Знают, что такое «Артековский марш» и командирский совет. Сохранились «векторы» деятельности. Киностудия «FIGA» — один из них. С конвейера студийцев сошло более 70 документальных и игровых фильмов. Накрепко врос в асфальт летней резиденции «Каравеллы» и «трофейный» якорь: его ребятам подарили рижские моряки еще в 1969-м. Тогда «каравелловцы» решили, что им нужен свой флот. Изучали морскую практику, навигацию, морские сигналы, читали специальные книги — и мечтали.

так начиналась судьба

Первый бриг «Ассоль» лихо गया по Нижне-Исетскому пруду, хотя и был построен из найденной лодки. Дыры в ее днище матросы залепили пластилином. Вскоре появился и первый небольшой швербот класса «кадет», сделанный по чертежам из журнала. Пруд показался тесным. Тогда-то отряд и перебрался на базу морского клуба ДОСААФ, в район ВИЗа, на искусственное озеро. В военные годы оно было судоходным, гнали по нему руду и лес, а сегодня лишь тени от парусников стараются обогнать друг друга. Купаться в озере можно, только если «кильнешься». Черные облака от Верх-Исетского металлургического завода — часть здешнего пейзажа. Между прочим, в СССР этот гигант выпускал трансформаторную сталь...

В отряде образца юбилейного 2006 года не наберется и ста воспитанников, но все они настоящие романтики. Выпускают литературный альманах «Синий краб» (в единственном экземпляре!). По морскому делу и истории флота сдают традиционные зачеты, стараясь подтвердить свои права на звание яхтенных рулевых. Летом проводят гонки на первенство парусной флотилии, зимой — малые олимпийские игры (с санками и лыжами) и фехтовальные турниры. Уральские режиссеры, художники-маринисты — частые гости в отряде. Нынешний командор Лариса Крапивина обобщила опыт «Каравеллы» и стала кандидатом педагогических наук.

А «яхточка» Владислава Крапивина продолжает свой путь... Он навсегда — в ряду тех, кого называют патриархами отечественной фантастики и классиками мировой прозы для детей. Он автор нескольких сотен книг, которые переведены на десятки языков, изданы и включены в «Золотую библиотеку избранных произведений для детей и юношества», «Библиотеку приключений и научной фантастики», «Библиотеку мировой литературы для детей» и даже в японскую 26-томную серию «Избранные сочинения русских писателей для подростков». Часть произведений была экранизирована, удостоивалась премий, в том числе премий Ленинского комсомола и Союза писателей РСФСР. За свою литературную и общественную деятельность писатель был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалью «За доблестный труд», знаком ЦК ВЛКСМ имени А. Гайдара. К тому же он — почетный житель Екатеринбурга: в этом городе прожил пятьдесят лет с той поры, как восемнадцатилетним мальчишкой прикатил учиться из Тюмени.

Но очевидно, что все эти звания и регалии для самого писателя ничто перед искренним признанием юных читателей. И он — живая легенда — постоянно окружен щебечущей ребятней. Не так давно его друзья, каравелловцы, помогали увязывать книжки и весь домашний скарб для переезда... домой, в родные пенаты. Настоящей сенсацией ушедшего года стало возвращение Крапивина в Тюмень, в город воспоминаний. Оживает в памяти в первую очередь само детство — послевоенное, «полуголодное и прекрасное, наполненное запахами лета, травы — с футболом, с воздушными змеями, с короткими бурными грозами и яркими влажными радугами после них». Все эти воспоминания Владислав Петрович сохранил до мелочей, написал множество книг, связанных с Тюменью, прославил ее на весь мир — бескорыстно.

Капитан покинул палубу. Как сложится судьба его команды, покажет время.

заяц, который обскакал весь мир

ирина тарабаева
сергей киселев (фото)

Читавшее поколение знает сказку «Зайка Петя и его друзья», повесть «Мы с Митяем». Эти книги из детства. Их герои запомнились, а вот автор... Самые «прожорливые» с малых лет книгоеды в большинстве своем понятия не имеют, что добрые и поучительные истории сочинил тюмонец Станислав Мальцев. Даже библиотекаря из детской читальни удивленно округляет глаза: «Неужели наш писатель? И ныне здравствующий? А мы не в курсе.» — И добавляет, поглаживая истертую обложку «Зайки Пети»: «А книга-то зачитанная... Часто берут».

В 2005 году член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры РФ Станислав Мальцев получил за «Зайку Петю и его друзей» премию имени П. П. Ершова. Руководство области удостоило писателя награды как раз к его 75-летию. Почти полвека прошло с выпуска первого издания сказки, а приключения ушастого лесного зверька до сих пор «подкармлива-

ют» его «родителя». Произведение пережило несколько воплощений. Было переиздано Средне-Уральским книжным издательством в 1965, 1979, 1988 и 2001 годах. И признание на «высшем уровне» настигло-таки автора при жизни (учитывая его скромность и какое-то философское безразличие к славе — редкий случай!). На Мальцева свалились «большие» деньги — 50 тысяч! Он даже размышлял на эти деньги выпустить еще одну книгу, но, заплатив налоги, стал спать совершенно спокойно, ни о чем уже не мечтая. Чтобы воплотить в жизнь задумку, писателю понадобилась бы более крупная сумма. Так что рукопись отправилась в стол. А премию... Станислав Владимирович признается: «Издержал на первоочередные нужды: лекарства, долги...»

Кстати, он несколько не смущен тем, что его имя не помнят читатели. «Это закономерность, — говорит. — Вот вы смотрите хороший фильм, знаете артистов, а кто режиссер — часто понятия не имеете. То же самое с книгой. Люди знают персонажей, а автора...»

Сейчас Мальцев продолжает писать. И называет этот процесс «грустной историей».

— В Средне-Уральском книжном издательстве, где меня издавали все эти годы, — растягивая на столичный манер слова, рассказывает тюменский писатель, — мне прямо так и сказали: «Книги издаем только за деньги!» А у меня их нет. Живу на пенсию...

Послушать — так его не очень-то беспокоит судьба последних рукописей. То ли от природы он обладает таким невозмутимым спокойствием, то ли, многое повидав на своем веку, выработал здоровый «пофигизм», защищающий от бьющих по нервной системе проблем. Он выглядит смирившимся с участью Сократом. Готовым принять как должное все, что преподнесет ему мир людей. Без обид. Многого от жизни не требует. Живет как безупречно честный человек, не умеющий «вертеться», — небогато. Единственное его сокровище — полки с книгами, занимающие две стены от пола до потолка. Здесь живут Мопассан, Джек Лондон, Золя, Толстой, Пушкин, Чехов... И далее долгий список. Вот все, что нажил...

— Используя свое служебное положение! — негромко смеется Станислав Владимирович. — Поскольку

я работал в редакции «Тюменской правды», то имел кое-какие возможности покупать не только то, что стоит на прилавке.

С восторгом разглядываю книжные полки, как бывало в детстве в библиотеке — вот эту бы книгу прочла и эту бы...

— Вы все перечитали? — с завистью спрашиваю.

— Да ну что вы! — отмахивается.

— А есть любимые писатели?

— Трудно сказать, — Мальцев задумывается, какие фамилии назвать, словно боится, что если назовет Чехова с Толстым, то Тургенев и Булгаков непременно обидятся. Наконец, произносит: «Много хороших писателей. Не могу кого-то выделить».

Мальчишкой он много читал. В Свердловске, где родился и вырос, бегал в библиотеку Дворца пионеров. Сидел с книгой прямо там — в читальном зале. На дом тогда книг не выдавали. Вырос, как сам говорит, «на русской классической и западной хорошей» литературе.

Воспитывался Станислав Мальцев с десятилетнего возраста в семье дяди. Отца не знал. Родители разошлись. Мамы рано не стало.

— Каких-то особых поворотов в моей биографии нет, — заверяет. — Школа, университет, работа... Хотя... — Мальцев выдерживает паузу, что-то взвешивая в уме, потом уже с уверенностью заявляет: — Было у меня два поворота, которые жизнь определили. Первый — когда я спецкором собирался ездить по молодым северным городам, активно писать очерки, собирать материалы для книг. И меня вдруг назначили ответственным секретарем «Тюменской правды».

А это должность серьезная, знаете ли. Тогда я от литературной деятельности ушел на журналистскую работу. Во многом административную. И второй поворот, когда мне предложили стать заведующим корпунктом Агентства печати «Новости». Там, конечно, меньше нагрузка была. Мы готовили материалы о жизни СССР для публикации в зарубежных изданиях... Вот, — кивает, — чтоб не бегать, я заранее приготовил...

Вытаскивает папку с газетными вырезками. Публикации Мальцева на английском, немецком, испанском, японском языках. Особенно оригинально смотрится фамилия русского журналиста, набранная японскими иероглифами. Конечно, он не полиглот. И таким количеством иностранных языков не владеет. Писал на русском. А там уж сами переводили.

Мальцев раскладывает на потрескавшейся полировке припасенные для встречи материалы и фотографии:

— Сейчас я вам все расскажу...

О своем журналистском прошлом он не прочь поговорить. Любил профессию. Еще в школе «проявлял стремление к писательству», и «к литературе тяга была». А вот о физике, химии, геометрии и тригонометрии Станислав Владимирович до сих пор вспоминает с содроганием. Получив аттестат, Мальцев твердой поступью отправился на факультет журналистики.

ЗАДУМАЛСЯ, КАКИЕ ФАМИЛИИ НАЗВАТЬ, СЛОВНО БОИТСЯ, ЧТО ЕСЛИ НАЗОВЕТ ЧЕХОВА С ТОЛСТЫМ, ТО ТУРГЕНЕВ И БУЛГАКОВ НЕПРЕМЕННО ОБИДЯТСЯ.

— А знаете, как мы в «Тюменской правде» работали? Страшное дело! — Станислав Владимирович покачивает головой. — Представьте: Хрущев говорит огромную речь, нам эту речь передают по телетайпу, и мы всю ночь сидим, чтобы утром выпустить газету. Съезды партии, совещания... Тяжело. В агентстве несравнимо легче было. У меня сразу появилось время на литературу. Стал ездить на Север. Встречался с нефтяниками, со строителями трубопроводов. Они становились прототипами героев моих книг. Но все равно, — признает, — не все сделал на этом поприще, что мог бы сделать.

Сорока на хвосте принесла, что Мальцев начинал с детективов в «Тюменской правде». Он подтверждает:

— Правда. Но детективы — это громко сказано. Просто я брал за основу рассказов конкретные факты из милицеских дел. Потом у меня вышла книжка милицеских рассказов.

— А как появился зайка Петя?

— Как это бывает: стал для дочки фантазировать сказки. Так постепенно сложилась книжечка. В ней традиционные русские персонажи: заяц, лиса, медведь.

— Как вы считаете, какими качествами должен обладать детский писатель? Есть замечательные слова: «Для детей надо писать так же, как для взрослых, только еще лучше»...

— Это знаменитые слова Горького... Ну какие качества? Детская литература должна воспитывать в ребенке доброту. Тогда, конечно, и сам писатель должен быть добрым человеком. Злой человек добрую книжку вряд ли напишет. У нас была великая детская литература! Были прекрасные писатели. А сейчас, когда не стало государственной системы издательств, стали издавать все, что якобы (!) хочет читатель. Книжные магазины, ларьки и лавочки заполнены детективами. С современной детской литературой я не знаком. Может, кто-то издается, но книги просто не доходят? Жаль... Необходимо помнить, что добрые детские кни-

ги воспитывают в ребенке лучшие качества. Если они будут в его жизни, он не совершит преступление, никого не обманет, не предаст. Развитию детской литературы должно придаваться государственное значение. Гораздо разумнее (и дешевле!) издавать книжки, чем строить детские колонии.

— Ваш «Зайка Петя» быстро стал популярен. Даже мультяш по мотивам книги был снят...

— А-а! Совершенно неожиданно мне вдруг позволили со Свердловского телевидения. У них там была (может, и сейчас есть) редакция, которая делала мультфильмы. Попросили моего согласия на то, чтобы по ряду главочек книжки сделать мультики. Ну пожалуйста! Несколько мультфильмов прошли по центральному телевидению. Сейчас их, конечно, не показывают, потому что они черно-белые.

— Вы думаете, сейчас возможно такое? Нынче все больше про киборгов снимают, а не про заек...

— Да, и я считаю, что это безобразие! Мультики такие не смотрю, но имею о них представление. А насчет того, возможно ли сейчас снять мультфильм по книге — почему нет? Могут, в принципе, позвонить... Другое дело, что наша мультипликация тоже находится в загоне. Существует ли она вообще, не знаю.

— А почему вы на детской литературе не остановились? Ведь имели успех. Что вас так бросало от заек к трубопроводам?

— Ну, одно другому не мешает. Существует множество писателей, которые писали как для взрослых, так и для детей. И я параллельно работал.

Для взрослых Мальцев писал пьесы. И они ставились не только на тюменской сцене — были постановки в Сыктывкаре, в Донецке. Недоумеваю, как они там очутились?

— Раньше автор подавал заявку в Министерство культуры, — поясняет Станислав Владимирович. — Если заявка устраивала, заключался договор написание пьесы. Далее она издавалась и рассылалась во все театры страны. А там уже решали, ставить пьесу на сцене или нет. То же самое было и у меня, — он шелестит афишами, которые тоже приготовил заранее. — В Тюмени поставили «Балладу о вечном городе», только название изменили, написали «Город моей мечты». Режиссеру так захотелось. Я спорить не стал. Шла она два сезона. Эту же пьесу поставили и в Сыктывкаре. Детскую пьесу «В погоне за тайной» поставили на Украине. Может, еще какие-то ставили. Но я знаю только об этих трех. Была еще одноактная пьеса, которую показывали по Тюменскому телевидению.

Два года назад Станиславу Мальцеву оказали честь: его имя внесли в энциклопедию, изданную к 60-летию Тюменской области. Три тома на столе под рукой. Ищу на «М». «А вот закладка, — подсказывает. — Кто-то уже заложил». Останется память...

Живет Станислав Владимирович замкнуто. Своим мирком. По донесениям «разведки», среди литераторов не тусуется. Но всегда находит время (и не жалеет его!), чтобы прочесть рукопись молодого автора, даже

написать рецензию. А ведь зачастую он не видит того, кто адресует ему свои литературные труды. Часто рукописи присылают с Севера, из сельских районов. «Все они нуждаются в доработке, — холодно констатирует Мальцев. — Но есть интересные работы».

— А вот когда вы начинали, с вами кто работал? Кто вел за руку?

— Редакторы издательств. Я работал с ними напрямую. Тогда существовала система планирования. Автор обращался в издательство с заявкой на включение в план его книжки. Описывал краткое содержание. И если издательство интересовало то, что он предлагал, книга попадала в план. А у писателя начиналась работа с рецензентами. Не понравившуюся рукопись к изданию не принимали. Сейчас, когда эту систему порушили, издательства издают то, что принесет доход. Автор может выпустить книгу только за деньги. Заплатит — любую рукопись с удовольствием издадут. Кто редактировать-то будет? А потом эту книжку выкинут — 1000 экземпляров, и делай с ней, что хочешь: хоть торгуй на рынке, хоть раздавай знакомым.

Четыре года назад в Екатеринбурге уже в который раз переиздали мальцевского «Зайку Петю». Тиражом тридцать тысяч экземпляров. Причем интерес к книге проявило частное издательство. А Мальцев этому как-то не особо и удивился. Раз его книги издают, значит, это кому-нибудь нужно. Значит, есть смысл писать. От руки. Как он привык. Ведь он убежден, что манера нынешних писать на компьютере литературу кончит.

— За компьютером человек не думает о том, что он пишет. Не успевает, — поясняет свою теорию писатель. — А от руки пишешь медленно и думаешь, что пишешь. Так что лучше как Лев Толстой писать... пером.

**ПО ДОНЕСЕНИЯМ
«РАЗВЕДКИ»,
СРЕДИ
ЛИТЕРАТОРОВ
НЕ ТУСУЕТСЯ...**

слово в дорогу

от редакции:

**МИР НЕ БЫЛ БЫ ТАКИМ
ЧУДЕСНЫМ, ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО
ФАНТАСТОВ › АЛЕКСАНДРА
ГРИНА, БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ...
ОНИ ПЕРОМ СВОЕГО
ВООБРАЖЕНИЯ СОЗДАЛИ
НОВЫЕ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ НЕ
ОБОЗНАЧЕНЫ НА КАРТАХ, НО В
КОТОРЫХ ВДРУГ ЗАХОТЕЛОСЬ
ПОБЫВАТЬ МНОГИМ. И ИМ
ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ТАМ
ПОБЫВАТЬ, И ОНИ НАВСЕГДА
ОСТАЛИСЬ МЕЧТАТЕЛЯМИ.
ЧТОБЫ ИХ СТАЛО ЕЩЕ
БОЛЬШЕ, МЫ РЕШИЛИ ПРИ
«ПРОТАЛИНЕ» СОЗДАТЬ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗДЕЛ ›
«СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ». В
ГОСТИ ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ,
КТО ЛЮБИТ И УМЕЕТ МЕЧТАТЬ.**

новый журнал или очередное шоу?

тимофей николайцев

новосибирск

Я думаю, что каждый, так или иначе связанный с начинающимся проектом, должен в первую очередь ответить на такие вопросы: почему именно новый журнал? Почему не устраивает ни один из уже существующих?

Прошу быть правильно понятым: для многих моих знакомых создание нового проекта означало лишь возможность самому регулярно где-то печататься. При этом журнал очень скоро превращался в междусобойчик, удовлетворяющий лишь амбиции круга знакомых. Я слишком часто такое наблюдал, чтобы говорить об этом, как о совпадении. Это тенденция. Отсюда и возникают вопросы, которые я хотел бы задать всем участникам этого шоу: чем не устраивает издательская политика существующих изданий? Чем хотелось бы отличаться? Согласен ли тот, кто работает для читателя, повторить свои слова публично (в интервью, например)? Жестко? Да... Но зато честно.

Начинать что-либо с подобного размаха, по-моему, имеет смысл только в случае совпадения внутренних установок всех членов коллектива.

Мои ответы на свои же вопросы таковы: мне не нравится замкнутость многих существующих на рынке периодики журналов, когда новичкам на их страницы без подражания генеральным направлениям фактически не проникнуть, постоянным же авторам предоставляется чуть ли не полный карт-бланш. Не нравится мне коммерциализация журналов, их ориентированность на «легкое чтение» и, как следствие, создание условий для многочисленных подражаний коммерчески успешным клише... Не нравится мне чрезмерная актуальность тем — когда открываю обложку и вижу публикации о затонувшем «Курске», Кармадонском ущелье и т.п., написанные по горячим следам и принятые в литературный журнал именно на правах «горячего материала» — меня это удручает. По-моему, единственный критерий (литературного!) журнала — это качество текста и ничего больше. Мне категорически непонятен курс издательской политики, когда портфель определяется Интернет-конкурсом с народным голосованием. Это потакание масс-культуре, а вовсе не формирование вкуса. Чего я бы хотел от проекта — уравнивания шансов начинающих и маститых (читай: с-именем и без-имени) авторов, насколько это возможно, разумеется, ориентирования на литературный уровень, а не на принадлежность к жанру, т.е. определение «фантастика» или, скажем, «детектив» не должно быть прева-лирующим условием для приема произведений.

ЖИЛИ два друга...

Мы с Игорем Халымбаджой в бывшем кабинете Виталия Бугрова в «Уральском следопыте», 1997 год. На столе — чугунный символ «УС». Я тогда его хорошо покрутил в руках. Как раз собирал подобное литье. Интересно, на чьем столе он сейчас?..

**ЖИЛИ НА УРАЛЕ ДВА
ДРУГА, ДВА ПИСАТЕЛЯ,
НЕОБЫЧНЫЕ ДЛЯ ЗЕМЛЯН.
ОНИ КАК РАЗ И ДАЛИ
ТОЛЧОК СВЕРДЛОВСКОЙ
«АЭЛИТЕ» › ВОЛШЕБНОМУ
ФЕСТИВАЛЮ
ФАНТАСТИКИ.
ВСЕ ДОБРЫЕ ДЕЛА ЛЕЖАТ
НА ПЛЕЧАХ ТИТАНОВ.**

Не зря кто-то сказал: «люди — это проводники и диэлектрики». Иными словами, одни из нас проводят зло, другие — добро, третьи вообще не участвуют в процессе жизнетворчества. А уж если вместе собирается группа славных людей, то образуется цепь, порождающая самый настоящий ток, и именно так познакомились на съездах и семинарах, пробивались в люди и поддерживали друг друга многие ставшие впоследствии известными писатели, драматурги и кинематографисты. Художник-одиночка — это вымысел. Каким бы ни был изгоем творец, он тоже питается жизнью, тянется к ней и отталкивается от нее. И безусловно, можно считать удачей, когда на пути таких людей встречаются союзники и единомышленники.

Именно так получилось со мной, когда знакомые привели меня в «Уральский Следопыт», представив заведующему сектором фантастики Бугрову, а уже через месяц Виталий Иванович свел меня со своим давним другом Игорем Георгиевичем Халымбаджой. Так в один месяц в моей жизни появились сразу два замечательных человека.

Думаю, многие могут сказать, что к этим людям всегда было приятно заглянуть на огонек. И это при той жуткой занятости, в которой они вечно пребывали. Каюсь, тогда я не очень вникал в подобные нюансы, но сейчас, по прошествии лет, когда все мы изрядно повзрослели и, перегруженные делами, не всегда откликаемся на приглашения даже самых близких, подобное дружелюбие кажется поистине уникаль-

ным. Хорошо помню, как однажды испытал жгучее желание разбить собственный телефон — и все только оттого, что меня попотчевали тридцатым или сороковым звонком за день. А ведь Бугрова с Халымбаджой допекали всевозможным «звоном» куда сильнее. И потому с особенным чувством вспоминаются те неизменные интонации, которые я всякий раз слышал, набирая номер Бугрова. Не анонимное «але», не суховатое «слушаю», а несколько детское «Да-да?». Виталий Иванович словно заранее извинялся за невозможность уделить собеседнику все свое время. И ведь всегда выслушивал, помогал чем мог! Хорошо быть меценатом, когда деньги шальные или достались от богатых родственников, но это не тот случай. И потому Игоря Георгиевича с Виталием Ивановичем можно считать меценатами в кубе.

Удивительно — у них всегда находилось для нас время! При этом без дела они отнюдь не сидели — без конца редактировали и писали, перечитывали сотни и тысячи чужих рукописей. Если кто думает, что это не труд, тот заведомо заблуждается. Труд, да еще какой! Спасибо Игорю Георгиевичу за первую публикацию! Как же она нужна начинающим авторам! Крохотный рассказик, помещенный в газете «Наука Урала», на протяжении месяца позволял мне пребывать в блаженной эйфории.

Страдая серьезным сердечным недугом, Игорь Халымбаджа продолжал ходить на заседания клуба, и мало кто из нас знал, что в те перестроечные време-

андрей щупов
фото из архива автора

Единственная женская «Аэлита», в которой главный приз получила Мария Семенова, приз «старт» — Лора Андропова, а приглашенным гостем из Англии была также дама — писательница Пэт Кэдиган (на фото стреляет из пистолета).

на он откровенно голодал — сидел на одной картошке, не имея возможности ни полноценно питаться, ни лечиться. Однако душевной щедрости это ничуть не убавляло, и в те же нелегкие годы я забегал в гости к Игорю Георгиевичу — зачастую без особых целей, возможно, за своей толикой тепла, которую получал всякий забредавший к нему человек. В крохотной комнатке, заставленной книгами чуть ли не до потолка, мы всякий раз искали, на что бы меня усадить, поскольку единственное кресло и табуреты скрывались у него под книжными горами. В конце концов, я просто пристраивался на какую-нибудь бумажную стопку и с удовольствием слушал человека с искрящимися, бесконечно добрыми глазами...

А как хотелось отблагодарить Виталия Ивановича, который чуть позже устроил меня в «Уральский Следопыт» рецензентом — не столько ради заработка, сколько ради той практической пользы, которую способен получить автор от работы с чужими рукописями. Это и школа, и зеркало — подчас кривое и откровенно злое, но оттого чрезвычайно необходимое для тех, кто желает избавиться от десятков и сотен ошибок, присущих всем начинающим.

Очевидцы похорон Достоевского дружно сходились на том, что людьми в тот день владела отнюдь не печаль, а нечто возвышенное, схожее с тем, что испытывают зрители в последнем акте талантливо поставленной драмы. Честно скажу — не очень понимал, что именно подразумевали мемуаристы, пока не слу-

чилась наша мартовская «Аэлита» 1999-го года, за несколько дней до которой остановилось сердце Игоря Георгиевича. Кстати, на следующей день после смерти Халымбаджи разразилась война в Европе, войска НАТО начали бомбить Югославию. Совпадение, и, возможно, не просто...

Панихида же проходила в издательстве «Уральского Следопыта», и именно на нее попадали все вновь прибывающие гости фестиваля. С корабля — на траурный бал... Так начиналась та давняя «Аэлита», возможно, одна из лучших и душевных, на которой замечательно говорили Крапивин и Булычев, а также получили свои главные призы Сергей Лукьяненко (приз «Аэлита») и Андрей Плеханов (приз «Старт»). Атмосфера, витавшая в Камерном театре, была особенной, — вероятно, душа Игоря Георгиевича незримо присутствовала на празднике.

Похоронили Игоря Георгиевича на Широкореченском кладбище, в двадцати шагах от могилы Виталия Ивановича Бугрова. Дружья по жизни, они и здесь оказались рядом, и вполне закономерно, что сложилась добрая традиция заезжать «аэлитовским» кортежем на кладбище. Фестиваль был во многом их детищем, остается таковым и сейчас. А в призовом фонде фестиваля добавились еще две награды: приз Виталия Бугрова и рыцарский знак Игоря Халымбаджи.

алексей зубов

A close-up portrait of a middle-aged man with short brown hair, smiling slightly. He has a mole on his forehead. He is wearing a dark turtleneck sweater. The background is an outdoor setting with a utility pole, a fence, and buildings under a clear blue sky.

Алексей Зубов живет в Екатеринбурге. Ему 45 лет. Долгое время работал в службе охраны частного предприятия. Увлечения — книги, спорт. Сейчас — «свободный художник». Пишет стихи, прозу.

две бусинки

посвящается Н.

марина муратова (иллюстрации)

1

Девятый класс я закончил довольно кисло. Крутобокие тройки водили хоровод вокруг двух худосочных четверок по литературе и русскому языку. Физику предстояло сдать в августе. Все это великолепие венчало удовлетворительное поведение с минусом.

Отец, подняв льдиные глаза от дневника, сказал, что честные ребята после восьмого класса идут в техникумы или ГПТУ. А вот всякие лентяи и дылды (почему дылда, всего-то 170 см) остаются в старших классах мотать нервы родителям и учителям.

У отца начал подергиваться правый ус, как у артиста, играющего Петра I в старом черно-белом фильме. Кот Василий скорбно склонил бедовую голову, думая, что отец сердится из-за вчерашней спинки минтая, украденной со стола. Но, поняв свою непричастность к семейным разборательствам, по-буденновски лихо распрямил усы и нагло уставился на меня изумрудными глазами: ага, брат, вставляють?! А помнишь, в среду ты меня...

Что было в среду, я не успел вспомнить, так как отцовский кулак с грохотом опустился на стол, прямо на газету «Труд», попав по фотографической лысине какого-то престарелого члена Политбюро СССР.

Мама поняла, что пора спасать сына, да и кота заодно. Она погладила отца по плечу, и лед в глазах родителя стал подтаивать.

— Июнь и июль будешь учить физику. Пересдашь на четверку — поедешь с нами в Гагры. Нет — пойдешь ко мне в бригаду учеником слесаря на месяц. Вызову деда из деревни, он за тобой присмотрит. А мы станем присылать вам через день открытки с видами Черноморского побережья.

Я вышел на улицу и подмигнул солнцу. Тополя влажно шумели молодой гибкой листвой, как набегающие на песок волны. Ласточки неслись у самой

земли, стремительно и жадно прошивая воздух, словностая гончих, взявших верный след. Значит, скоро дождь начнет скатывать пыльные колобки.

На скамейке возле подъезда сидела девушка в новеньких джинсах и медленно пилила длинным английским ключом темную от старости лавочную доску.

— Извиняюсь, — сказал я, — но, видимо, нашим бабушкам вечером придется стоя обсуждать возвращающихся с работы жильцов этого дома.

Девушка подняла голову. Два огромных синих озера с черными берегами густых ресниц истекали крупными каплями, которые часто срывались с красиво изогнутых губ и маленького подбородка.

— Нечаянно... не хотела испортить... машинально... — всхлипывая каждым словом, проговорила прекрасная незнакомка, и слезы полились сильнее. Никогда еще не приходилось видеть такого горького и немного плача.

Темная шелковистая нить ее страдальчески выгнутой бровей захлестнула мне сердце и сдавила так, что стало больно дышать.

Свободной рукой девушка сжимала пластиковый пакет, разрезанный по диагонали чем-то острым. В прорезь выглядывали угол молочного пакета и надкусанный батон. «Кошелек у девчонки вытащили!»

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Наташа.

— А меня Алексей. Далеко живешь?

Она назвала улицу.

— О, другой конец города. Поедем, провожу.

Едва мы зашли в троллейбус, как по мятой крыше салона затопал тяжелыми ногами гром. Ветерок тянул дождевые капли по стеклам. Легковые машины, блестящие и скользкие, как рыбы, плавно обходили наше малоповоротливое средство передвижения.

**ТЫ ЗАМЕЧАЛА,
ЛЮБИМАЯ, ЧТО
ЧЕМ ВЫШЕ
ЛЕТАЕТ ПТИЦА,
ТЕМ ОНА
МОЛЧАЛИВЕЕ,
И НАОБОРОТ...**

Места, отведенные для детей и инвалидов, заняли трое молодых людей и не очень молодая женщина.

Дама опиралась на плечо одного из кавалеров, потому что ее заметно покачивало. Модная замшевая мини-юбка почти не скрывала белых ног, тускло блестевших, словно металлические поручни, отполированные десятилетиями рук. У Наташи брезгливо дернулись уголки губ.

— А ты похожа на маму? — сказал я, пытаюсь ее отвлечь.

— Очень. Все утверждают, что мы с ней как сестры. Только глаза у меня папины. Мама говорит, что за глаза его и полюбила. Папа у нас морской офицер, капитан третьего ранга. Мы в Риге живем.

— За что же он маму полюбил? — улыбнулся я.

Наташа подумала и серьезно сказала: «За все».

Из-за тучи выглянуло солнце и стало сплетать свои лучи с дождевыми нитями. Получалась сверкающая вуаль, под которой женские лица смотрелись удивительно красивыми.

Выйдя из троллейбуса, мы пошли к Наташиному дому. На солнце ее волосы, разделенные посередине нежной полоской пробора, переливались тяжелым золотом.

— Здесь моя тетя живет, я к ней на две недели приехала погостить. Тетя Паша работает главным инженером на заводе и уговаривает меня поступать осенью на строительный факультет.

— А ты?

— Хочу в университет на филологический. Кстати, вон она из окна машет, домой зовет.

— Наташа, — просительно проговорил я, — давай завтра встретимся?

— Зачем?

«Вот тебе на! Просто и от души».

— Да вот... я стихи свои принесу.

— Ты пишешь стихи? — В двух синих озерах спокойная гладь подернулась мелкой рябью интереса.

— И тексты к песням сочиняю. У нас в школе свой вокально-инструментальный ансамбль, «Каникулы» называется. Я на бас-гитаре играю.

Наташа думала, покусывая полную нижнюю губу. Дождевая лужа на дороге металась под колесами машин, точно одуревшая от одиночества кошка при встрече хозяйки.

— Хорошо, Леша. Приезжай завтра сюда к двенадцати часам. Мы погуляем, только недолго, ладно?

2

Полночи я писал стихи. На замечание отца о позднем времени ответил, что учу физику. Он понимающе

кивнул и тихонько пропел: «О, море в Гаграх, о, пальмы в Гаграх, кто раз увидел — не забудет никогда». Чтобы не опоздать, я завел часы на девять утра, но не услышал. Проснувшись в одиннадцать, со злостью перевернул будильник вниз головой и потряс, из него посыпались последние звоночки.

К Наташиному дому прибыл без пяти двенадцать и стал ждать. На акации ветер взбивал зеленую пену, в которой мелькали серые комочки воробьев. Прошел час. Ни одну девчонку я не ждал столько времени, но гордо уйти не хватало сил. Веселый летний день быстро менялся: солнце сжалось в злую точку, ветви кленов высохли и деревянно выщелкивали тоску, а звуки шагов прохожих были грубы, точно булыжники...

Наташа стояла передо мной и что-то объясняла, но я не понимал — настолько был потрясен ее прелестью. Синее платье сливалось с глазами, и сережки с голубыми камешками казались каплями неба. Волосы стянуты сзади белой лентой, белого же цвета изящные босоножки и сумочка на длинном ремешке.

Я пришел в себя только на последней фразе: «...и мы почти разругались».

— С кем, с тетей Пашей?

— Алеша, ты совсем меня не слушаешь. С ней, конечно. Пойдем скорее, что время терять.

В этот раз больше говорила Наташа, я же только мычал и кивал головой. Все прежние ухватки и слова, усвоенные при общении с бывшими подругами, оказались совсем ни к чему. Она рассказывала о Риге, об узких уютных улочках, о спокойной и неторопливой реке Даугаве, о Домском соборе, куда часто ходит слушать орган. Мужчины и парни неотступно держали Наташу в перекрестье взглядов, как вражеский самолет в лучах зенитных прожекторов. Один пожилой дяденька, плотно укутанный салом, так загляделся, что сдвинул обширным животом мороженщицу с ее лотком.

Мы спустились по каменным ступеням и сели на гранитную скамью у реки.

— Где же твои стихи?

Я вытащил задрожавшими руками из джинсов измятый листок. Наташа начала негромко читать:

Любимая, давай
Сбросим тесную обувь
С налипшим на ней
Земным притяжением
И полетим

Я стану разгребать руками
Густую синеву
А ты держась за мои ноги
Заливисто хохотать
Во все небо

Мы будем подниматься
Пока не превратимся
Для людских завистливых глаз
В двоеточие за которым
Последует мое признание
В любви к тебе

Мы научимся
Ловить спиною ветер
И плавно огибать
Скрипящие чистотой облака

Солнце удивленно распахнет
Длинные ресницы
Выцветшие за лето

В вышине мы повстречаем
Одиноких и гордых птиц
Ты станешь гладить
Им крылья
А они смотреть в твои глаза
И понимающе молчать

Ты замечала любимая
Что чем выше
Летает птица
Тем она молчаливее
И наоборот

Когда пунцовые лепестки заката
Завянут
Мы вернемся на землю

И долго еще потом
Твои волосы
Будут пахнуть
Высокой прохладой

А легкие пальцы
Складываться в виде перьев
При взгляде
На ждущее нас небо

Прочитав, Наташа задумалась, как всегда прикусив нижнюю губу, потом осторожно сжала мою руку.

— Знаешь, даже не ожидала... А любимая — это я?
— Да...
— Не надо спешить с такими словами, Алеша. Лучше вообще их не произносить. Мне кажется, они от этого съеживаются, как розы на снегу.

Мимо прогуливался молодцеватый мужичок. Заметив Наташу, он перешел на строевой шаг и сделал равнение на нее.

— Ты сведешь с ума все мужское население нашего города, — невесело пошутил я.

— Мне все равно, привыкла уже. Раньше, правда, злилась.

По вязи чугунных сплетений моста прыгали синицы и звонко тенькали, будто роняя на асфальт новенькие монетки.

— Можно подарить тебе малахитовую бусинку? — сказал я, — она попала ко мне необычно. Рассказать, как?

— Конечно.

— Два года назад летом я жил у деда в деревне. Он один, бабушка шесть лет как умерла. Сначала мне скучновато было, потом привык. Главное, дедушка никогда не пристаёт с замечаниями и наставлениями. Сварит что-нибудь поесть с утра — и в сад. Там копается с яблонями и цветами, меня и близко не подпускает, боится, что сломаю ветку или цветок. А я каждое утро бегал на реку Чусовую рыбу ловить. Видела фильм «Угрюм-река»?

— Да, там такие горы большие и река широкая. И колдунья страшная.

— Вот и деревня дедушкина возле горы стоит, а кое-где и на гору забирается. У меня место было укромное, дед показал. Между двух гор тропинка прямо к воде спускается, потом направо уходит в другой конец деревни. Раз иду утром, часов в шесть, вижу — на берегу стоит девушка в длинном сарафане и платке, словом, в русском народном костюме.

— Наверное, опять фильм снимали, — сказала Наташа.

— Я сначала так же подумал и решил переждать, пока съемка закончится. Но непонятно: кроме девушки, никого не видно. А она все стоит и на реку смотрит. Мне как-то не по себе стало. И тут из-за поворота на тропинке появился парень, сапоги гармошкой, в пиджаке до колен и в рубашке старинной. Знаешь, у нее воротник такой круглый и на боку застегивается.

— Косоворотка, — еле слышно прошептала Наташа.

— Верно. Обнял девушку, потом что-то ей сказал, она заплакала. До меня стало доходить, что

тут все очень странно. Посуди сама, Наташа, я стоял за деревом метрах в десяти от них. В такой тишине каждый шорох слышен, а у них только губы шевелятся беззвучно. И еще. У меня из руки выпало пустое ведро и так задребезжало, что в деревне залаяли собаки, а они даже не посмотрели в мою сторону. Парень достал из кармана бусы и надел на шею девушке, поцеловал и пошел обратно, а она упала на землю, снова заплакала. Я видел, как у нее плечи тряслись. Потом резко вскочила на ноги, сорвала с шеи бусы и кинула вслед парню. И опять все в полной тишине. А я стоял за деревом и думал — подойти к ней или нет. И только насмелился, смотрю, фигура девушки стала таять, как Снегурочка, и вскоре совсем исчезла.

Я замолчал и посмотрел на Наташу. Она так сжала пальцы, что те побелели. Застывшие глаза расширились на пол-лица.

— Тебе плохо? — испугался я.

— Нет-нет, продолжай.

— Дедушка объяснил, что я видел мираж. Правда, не такой, как в пустыне. Я плохо понял деда, но, в общем, вода и горные структуры могут при определенных условиях записывать происходящее вокруг них как на пленку и в какой-то момент все это показать. Кстати, дед несколько не удивился. Мы с ним потом еще раз сходили на это место, и я под камнем нашел малахитовую бусинку. Дедушка сказал, что раньше такие бусы у многих женщин и девушек были. Наверное, и сейчас хранятся.

Наташа перекачивала в ладонях бусинку, точно она была горячая.

— Мне почему-то страшно ее брать.

Потом зажала в кулачке и тихо произнесла:

— А может, это к счастью...

— Завтра увидимся, — спросил я.

— Не знаю, Леша. Я дам телефон тети Паши, позвони утром, часов в десять. А домой сегодня меня не провожай, хорошо?

Наташа неумело скользнула губами по моей щеке и быстро встала.

Я смотрел вслед уезжающему троллейбусу. В обрамлении освещенного стекла улыбалась девушка, в которую я влюбился без памяти.

Возле своего дома немного посидел на лавочке, погладил неровный след от Наташиного ключа. Взглянул на небо. Вечерние тучи рассекались надвое при касании остро отточенного желтого серпа, точно невосомый шелк от дамаской стали. Вдохнул: «Устроит

сейчас мне батя море в Гаграх! Да ладно, переживем, не в первый раз».

3

Ночь прошла без сна. Непонятная тревога больно клевала грудь, точно невылупившийся цыпленок скорлупу. Перед глазами то и дело вставало плачущее лицо Наташи, увиденное мною при первой встрече.

Я открыл окно. Ночь завершала отлив из городских улиц, крыши гладко светились, как ракушки в морском песке. На кирпичных стенах, в вымоинах окон еще плескалась темнота, качая в себе чешуйки звезд и бледную медузу луны. Все же я задремал, положив голову на подоконник. Разбудила меня мать, уходя на работу.

Исправный телефон был только на почте, и это довольно далеко от нас, поэтому я вышел пораньше. Чуть помятое после сна солнце со скрытой гримасой зевоты поглядывало сверху на суету жизни. Птицы шумно баламутили воздух крыльями, перемешивая холодные потоки с теплыми. Трамвай лил осторожную трель, пробираясь сквозь озабоченные толпы горожан.

Наташа долго не подходила к телефону. Я уже хотел повесить трубку, но тут двухкопеечная монетка, застрекотав, провалилась внутрь аппарата, и строгий голос произнес: «Алло! Слушаю вас». Я ошеломленно молчал.

— Если не ошибаюсь, это звонит Алексей? — продолжал строгий голос, — Наташа только что уехала домой, я ее проводила на Ленинградский поезд. Хотя уезжать нужно было вчера вечером. Но она задержалась допоздна, не без вашей помощи, полагаю.

— А что случилось? — хрипло спросил я.

— Наташину маму положили в больницу, серьезная болезнь почек, острый приступ. Вчера днем принесли телеграмму.

Телефонная трубка вертелась в моей вспотевшей ладони, и ее приходилось держать обеими руками.

— Так вот, молодой человек, я была очень и очень против, но Наташа просила и даже плакала... Записывайте ее адрес.

Как в тумане, зашел на почту, на пустом бланке нацарапал Наташин рижский адрес и поплелся домой.

Три дня и три ночи прошли через мою комнату быстро и однообразно. Утром четвертого дня я взял чистый лист и написал на нем:

Любимая, почему размыт
Четкий горизонт
Твоих бровей?

**НЕПОНЯТНАЯ ТРЕВОГА БОЛЬНО
КЛЕВАЛА ГРУДЬ, ТОЧНО НЕ
ВЫЛУПИВШИЙСЯ ЦЫПЛЕНОК
СКОРЛУПУ. ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ТО
И ДЕЛО ВСТАВАЛА ПЛАЧУЩЕЕ
ЛИЦО НАТАШИ...**

Не грусти, не плачь.
Давай пройдемся
По молчащим улицам

Перешагнем твердые ступени
Дробящие
Земную тяжесть
И встанем у воды

Видишь, любимая —
Над твоей головой
Висят свинцовые днища
Ночных облаков

Сегодня утром
Они уплывают
И я могу
Вычислить их маршрут
По звездным линиям
Твоей маленькой ладони

А еще я могу
Рассказать
Про твои глаза
Они походят
На две половинки
Нашей Земли

В них так же
Искрятся желтые молнии
И яростно и сухо
Молчат пустыни

И, бывает, они
Заносятся
Равнодушным снегом

Но больше всего
В твоих глазах
Серьезной синевы океана

И когда-нибудь
Я пересеку этот океан
И буду с тобой
Навсегда

Вложил листок в конверт с Наташиным адресом
и опустил в почтовый ящик.

Я не хочу рассказывать, как долго и безуспешно
ждал ответа. Кто это испытал в юности, тот поймет.
А кому не довелось, никакие описания, даже самые
красноречивые, не помогут. Для этого надо быть на-
стоящим писателем, каковым не являюсь.

В конце сентября из Риги пришла небольшая бан-
дероль, в которой находилась старого издания книж-
ка с пьесами Шекспира. И письмо:

«Алешенька, вот моя самая любимая с детства кни-
га. Все, что говорит Джульетта Ромео, — это я гово-
рю тебе. Два твоих стихотворения повторяю как две
молитвы: одно утром и одно вечером. Прости меня
и прощай. Не сердись, пожалуйста, просто поверь —
так нужно сейчас.

Р. S. Леша, пиши стихи. Я думаю, тебе за них многое
простится.

Наташа».

И еще была красная пластмассовая коробочка из-
под ювелирного украшения. В ней лежала янтарная
бусинка.

С ней через два года я ушел служить на Северный
флот. Уже перед самой демобилизацией случилась
грандиозная драка на палубе нашего эсминца. На мне
разорвали тельняшку до пупа и шнурок с бусинкой,
которую всегда носил на шее как крестик. Спohватив-
шись, я кинулся в самую гущу не на шутку разошед-
шихся морячков. Не обращая внимания на довольно
серьезные пинки и тумакИ, шарил по палубе руками.
Наконец, все в недоумении остановились, а когда узна-
ли, в чем дело, стали помогать в поисках, подсвечивая
себе в труднодоступных углах свежими синяками.
Все в пустую. Янтарь вернулся на свое исконное место
— на дно. Пусть и не родного Балтийского, а навеки
простуженного Баренцева моря, но какая, в сущности,
разница...

сергею другалю, фантасту и другу уральских фантастов, 80 лет!

извлечения из избранного

«...Всех, естественно, волнует вопрос: а когда это и где Другаль родился? Отвечаю: ох, давно! В 1927 году в ауле Джамбейты. И был назван Сергеем в честь Есенина. Второго ребенка - девочку родители назвали Айседорой, надо думать, в честь Дункан. Романтики!»

«— Как вы пришли в фантастику?

— Вам правду говорить?

— Ну... правда, конечно, всегда предпочтительнее.

— В фантастику я пришел на пари, что напишу рассказ, а тогда я писал только статьи научные... И вот мой спорщик говорит: «Научные статьи ты пишешь по готовому материалу — сделал эксперимент и его описываешь. Вот ты рассказ напиши!». И я написал, и рассказ приняли к публикации. Начальство, узнав об этом, страшно разъярилось... Десять лет после этого не писал. А потом, поумнев, догадавшись, что одно другому не мешает, стал иногда писать фантастику».

«...Не знаю, как другие, а я лишен авторского честолюбия, хотя премии «Аэлита» был весьма рад. Ну, написал два десятка рассказов и повестей, скомбинировал из них три книжки. И что с того? Тоже мне, осчастливил человечество!»

«... А сейчас я скажу то, что покажется крамолрой для литературоведа. Вся литература, без какого-либо исключения, включая и мемуарную, это фантастика. Но только тот, кто не умеет писать фантастику, как это принято, — говорит, что он реалист, соцреалист, романтик, кто угодно — короче говоря, он пишет художественную литературу... Вся литература выдумана, и «Война и мир» — это тоже голая фантастика от первого слова до последнего, иначе в литературе быть не может. Потому что два человека в течение двух минут один предмет одинаково не опишут, если они не видят друг друга...

Фантастика настоящая признает, что она выдумка. А вот реалистическая литература никогда этого не признает. Вот разница... Я об этом уже писал. Но фантастика — она выдумка настолько, что более реальна, чем реальность».

**ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
И СЕРГЕЙ ДРУГАЛЬ**

поле куликова

александр волынцев
алексей женин (фото)

«Компетентные органы» должны были заинтересоваться им еще в детстве, когда он из рогатки расстреливал портрет Ленина. Но его «всего лишь» перевели в другую школу, где учились такие же оторвыши.

Его (уже студента) должны были отправить «по этапу» в 37-м. За то, что надел на голову агитатора из Смольного планшет с газетой «Правда», сообщавшей об урезании стипендий «в связи с ростом благосостояния». Спасло чудо. И преподаватели...

Он пережил самые лютые месяцы блокады. Спасла эвакуация...

В эвакуации, в Пятигорске, за ним должны были прийти сотрудники НКВД. За то, что посмел запустить иностранную музыку в эфире местного радио. «Спасли»... немцы: началось наступление гитлеровцев, и о студенте забыли...

Его должны были расстрелять в Вене. По подозрению в шпионаже и «за контрабандный провоз гражданских лиц»: помогал местным торговкам ездить из одного сектора в другой торговать салом. Внезапно нашелся случайный умный, разобрался. Расстрел отменили...

Уже живя в Озерске, предпринял полет на автомобиле «Волга» вверх колесами. В отличие от «Волги», остался жив...

Работал на «Маяке» и тоже остался жив...

Разменял девятый десяток. О своей жизни рассказывает с неподражаемым питерским юмором, в котором и самоирония, и грусть, и улыбка...

пролог

Александр ВОЛЫНЦЕВ: Николай Павлович, ходят слухи, что вы пишете книгу. Это правда?

Николай КУЛИКОВ: Откуда вы эти слухи взяли?

А.В.: На улице говорят.

Н.К.: Да, говорят правильно. Пишу. Только не книгу. А такие заметки маленькие. Потому что те, которые пишут, обязательно пишут о высоких людях. О «ВИПах»¹. Или они их видели, или они с ними соприкоснулись. А о тех, кто работают... Об этих никто не пишет. Поэтому я «опустился» на самый низкий уровень, за что получил выговор от начальства: «Чего ты возис-с-си с ра-

бочими? Ты должен быть выше их». Выше рабочих.

Ну вот, начал писать. Пенсионер ведь как: на пенсию вышел, сразу — ручку, бумагу и пошел строчить. Обычно скучота. Ни одного анекдота, ни одной улыбочки в воспоминаниях нет. Ну вот. А озаглавил я это «С нами Бог». А потом, как всегда, на этом пути к Богу появилась нечистая сила. И стал заголовок моих воспоминаний «С нами Бог и нечистая сила» (смеется).

Вот так вот. Дал почитать одному адвокату. Он говорит: «Только посмертно опубликуют». Дал другому почитать. В описанных событиях, которые происходили у нас на Татыше, он увидел только задницу, в которую стрельнули из ружья дробью, а я описывал Татыш тех времен. Это глава, первая самая, она называется «Старик Буданов». О том, как зону у нас закрывали в 1948 году. Вот видите, у каждого свое восприятие. Кто что хочет, тот то и видит.

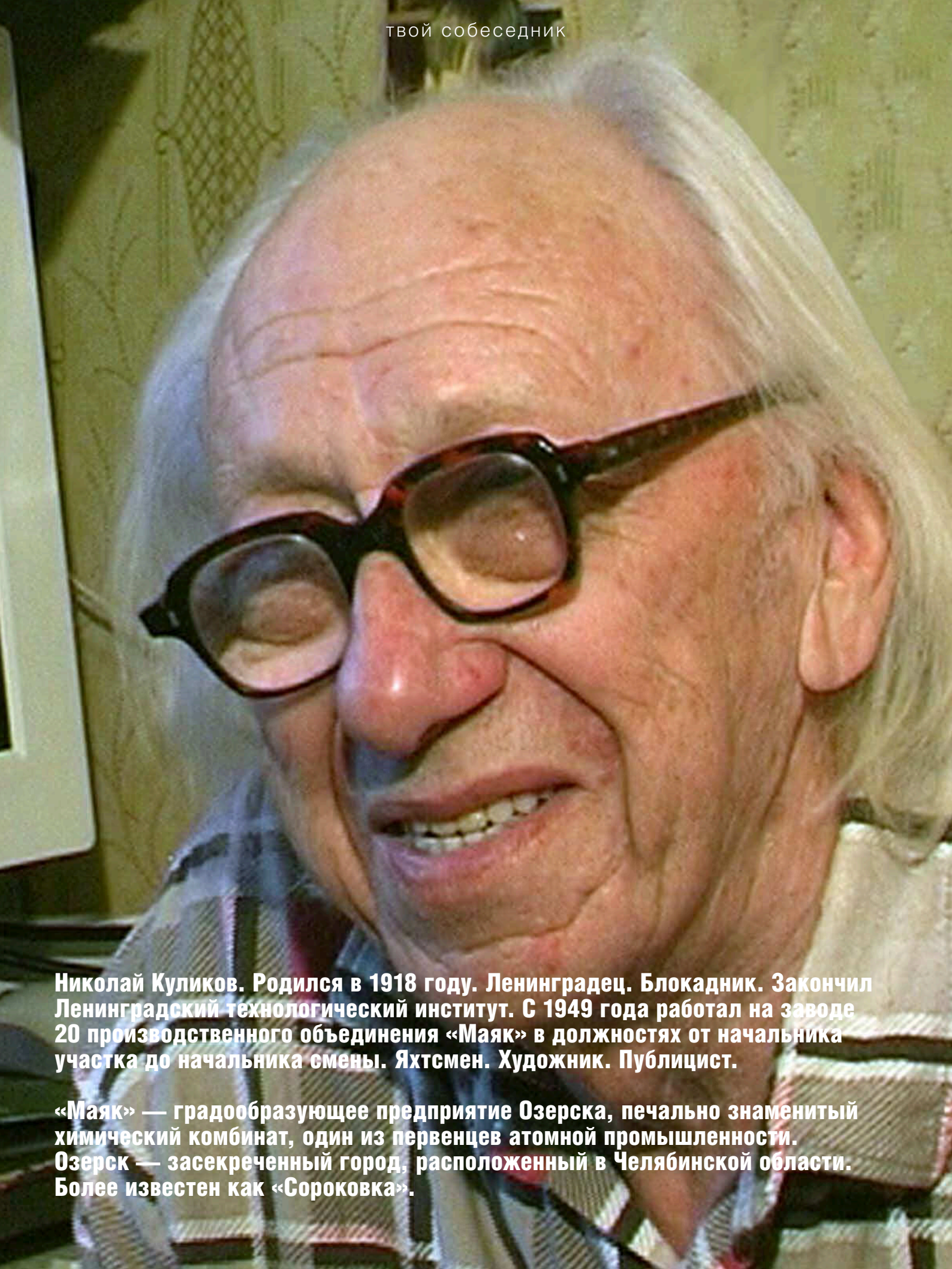
Пишу я сколько уже... С 97-го года, кажется... Ой, раньше! Это я тогда привез пишущую машинку из Ленинграда. И поставил дату «1997». И написал «История Татыша и его окрестностей».

В окрестности попали уже и Венгрия, и Австрия, и Румыния. В общем, где носило, то и попало в эти окрестности. Так все и вошло. Наверное, лет пятнадцать я пишу. Да. Часть материалов лежит... (Спыхватывается). «Материа-а-алы!» Уже вот какое профессиональное выражение!.. Тьфу. Часть записок лежит в пишущей машинке, а часть — вот взял в аренду этот компьютер, и на нем. На нем удобней, потому что одна рука уже не пишет на машинке, один глаз уже не видит, а организм сопротивляется еще, что-то вспоминает.

глава первая «а я еду, а я еду за туманом...»

А.В.: Николай Павлович, вы откуда приехали сюда, в наш город?

Н.К.: «Приехал»... Привезли! Из Ленинграда. Мы

Николай Куликов. Родился в 1918 году. Ленинградец. Блокадник. Закончил Ленинградский технологический институт. С 1949 года работал на заводе 20 производственного объединения «Маяк» в должностях от начальника участка до начальника смены. Яхтсмен. Художник. Публицист.

«Маяк» — градообразующее предприятие Озерска, печально знаменитый химический комбинат, один из первенцев атомной промышленности. Озерск — засекреченный город, расположенный в Челябинской области. Более известен как «Сороковка».

же там все патриоты. Вытаскивали в Смольный нас. Говорили: «Мы вам предлагаем поехать в среднюю полосу России». Средняя полоса — это от Минска до Владивостока примерно получается. Вот. «Если не поедете, то...». Ну знаете, как у нас разговаривают на Литейном-то, в Большом Доме.² Воробьи там не садятся, а уж...

Я был начальником группы особого конструкторского бюро Министерства авиационной промышленности. Такая лавочка там, в Ленинграде, была. Оттуда нас выдернули. Получал я 1300 рублей тогда. Интересно: вот за всю мороку, что я сюда притащился, мне Лысенко, директор, добавил 50 рублей (смеется). За этим, собственно говоря, я и приехал. Там квартира трехкомнатная осталась, здесь — гостиница «Мечта»: двухэтажная, четыре койки. Она была там, где сейчас суд находится. Потом обустроились...

Здесь все время — в начальниках: начальник отделения, начальник участка, начальник смены. И главное, устойчивая, как у учителя, зарплата: как была 1350, так и оставалась все время. Работяги получали по 7000, я их в угол сгоню: «Ну-ка, давайте, ребята, раскошеливайтесь!» Сейчас, правда, в живых их уже никого не осталось... А у меня все — 1350. Потом кое-как до 1700 дотянул, на этом и ушел на пенсию, 33 года отработав...

Как приехали, сначала рыпались. Я все песенку пел:

Я из Венгрии ушел,

Я из Австрии ушел,

Из Финляндии ушел,

(на Сахалин меня посылали) И с Сахалина ушел,

А уж из Челябинска-то я подавно уйду... —

(жалобно) Фи-игушки... Тут так закрыли плотно...

Так уже больше, чем столетия. С 1949 года. И все равно Ленинград родным городом остается. «У нас в Ленинграде», — я скажу. «У нас в Озерске», — тоже скажу, но как-то так...

А.В.: То есть вы родились...

Н.К.: Я потомственный питерский. И бабушка ленинградская, и мама ленинградская, и, по всей вероятности, даже дворянские корни есть, потому что фамилия Бржезинская у бабушки была. Разумеет пан, что я сказал?

А.В.: А як же ж.

Н.К.: Ну вот. Сейчас же мало кто знает, как мы начинали. Приехали все с разных волостей. Мне-то кажется, народ сюда приехал не по отбору, не по уму. А большей частью: скандалил на работе — значит, очутился в Озерске. Так? Когда из Ленинграда этот эшелон скандалистов ушел, там, наверное, половина города руки умывали, думали: «Слава Богу, избавились от этих... инициативных людей!».

Интеллигенция еще такая приехала: только что кончили саратовский институт, дипломники. Сюда целый поезд привезли. Грузовиками возили.

Сейчас осталось около тридцати человек. Вот. А в позапрошлом году было семьдесят живых. Ленинградцев.

И когда стали звонить, проверять, то наткнулись на это: умер, умер, и никто разговаривать больше не хочет. И сейчас даже не знаем, сколько точно. Ну, при-

близительно предполагаем, что человек тридцать еще живы питерских. Настоящих. А с кем я приехал, никого в живых нет.

глава вторая ленинград-ташкент. голод

А.В.: Начало войны вы в Ленинграде застали?

Н.К.: Блокаду. Это я для похудения. Мы там все тренировались (смеется). Я работал в войну... У меня было освобождение от армии. Бронь. Специальность наша военная. Никто и не подумает. Я пошел работать кочегаром на электростанции. А на электростанции топки как корабельные: большие. Ломик-то один — с эту комнату. В общем, работал профессионально кочегаром. Научили. Там халтурить нельзя. Так вот, в последнее время уже жгли макулатуру. Возьмешь в топку охапку этой бумаги пихнешь и сам туда влезешь, в эту топку. А воздухоудка стоит, сосет воздух, вентилятор рядышком. Иногда мимо нужно было проходить. Так вот, меня прихватило на сетку воздухом. Присосало. И так я там и остался (смеется). Еле оторвали...

А потом, когда уже все сожгли, жечь стало нечего, электростанцию остановили. Мы так уже голодали. По привычке. Самые лютые месяцы достались в голодовке. А в феврале вывезли. Мало нас осталось от института... Нет, блокаду вспоминать не стоит.

Сейчас говорят: «А, сто двадцать пять граммов хлеба!...». Так там же было около сорока-шестидесяти процентов целлюлозы. А возили на полупорках через Ладогу. Много ли привезешь на полупорке? А сто двадцать пять граммов — это корочка хлеба, и больше ничего же не было! Я боялся до своих костей дотронуться: до того острые кости торчали кругом, что ужас какой-то (смеется).

Кто как: кто пух, кто тощал. В общем, в оттепель уже... У нас напротив сад «плешивый» (сад Девятого Января), за памятником Кирову, вот тут сваливали нашего брата-ленинградца штабелями... У Конечного³ есть немножко про блокаду, он тоже не все помнит. Он пишет, как где-то они в походе на судне идут, и он рассказывает, что в блокаду ели столярный клей. Ему матросня говорит: «Брось, Викторыч, заливать! Клей-то никто есть не будет».

Народ уже не представляет, как жили. Клей съели, дрожжи все съели, супы дрожжевые продавали по карточкам. Столярный клей — это деликатес. А эти морячки говорят: «Желатин можно еще есть». Нет. Желатин это... (мечтательно закатывает глаза).

А.В.: Какие-нибудь фильмы есть, похожие на правду, про блокаду?

Н.К.: Нет. Нет. Не может их быть. Еще фотографии отдельные могут быть. Зимой и осенью 41-го года были морозы... В Ленинграде — северное сияние. Никогда его не видел, только один раз, в Ленинграде, тогда.

Морозы лютые стояли. Фотоаппарат ни один не работает в такой мороз. Это уже потом (или еще до того, может, в октябре) Невский проспект снят, троллейбусы. Этот один снимок все время и ходит. И у Исаакиевского собора зенитная батарея.

А потом кино появилось «Жила-была девочка». Так это — комедия для блокадников. Как «Два бойца», которых снимали в Ташкенте. Выкопали яму, накрыли ее травой (в Среднеазиатском индустриальном институте), и все бои происходили на этой полянке. Я там тоже бегал. В фашистской одежке. Орал: «Хайль!»

А.В.: В фильме «Два бойца»?

Н.К.: Ну да. Три рубля в день (смеется). Чего, смешно?

А.В.: Вы еще и в актеры попали?

Н.К.: Да какой актер... Жрать захочешь — куда угодно попадешь.

А.В.: А в Ташкенте как оказались?

Н.К.: Это целая эпопея. Привезли нас в Кисловодск. Весь институт. Ну студента не мошенника ты можешь найти где-нибудь, нет? Дают нам талоны, в талоне написано: 1 обед. Я ж такой справедливости не потерплю, я еще одну единичку припишу, правда ведь? Ну, в общем, нас собрали всех, погрузили и вывезли в Пятигорск, в совхоз. Потому что жрут, как... Ну не могут они понять, почему человек ест и еще сухари закладывает куда-то в карман. Нас с мешками сухарей отправили в Пятигорский совхоз, 25-й мясомолочный.

Там мы уже разгулялись: творог, мед — навалом всего было. Хорошо. Оттуда нас немцы поперли. Вот мы по Военно-грузинской дороге... Немцы нас гнали с 710-м особым артдивизионом. На нас на всех тельняшки, мы смелые были ужасно, с автоматами... И вот мы перли от немцев в другую сторону... До Тбилиси доехали, там нас кто-то нагнал, какое-то распоряжение из Москвы, нас повернули в Ташкент. В Ташкент мы ехали на теплушке, на крыше. Никогда не думал, что крыши у вагонов такие горбатые. Ужас. Вот за трубу за эту держишься все время...

А в Ташкенте — второй голод. Самый настоящий голод. Там много умирало. Вот тебе: «Ташкент — город хлебный». Не оправдал себя. Умирали люди с деньгами. Особенно узбеки. У них же привычка: наматывает пояс, деньги сюда. А психология-то: хлеб стоил пятнадцать копеек, а стал пятьсот рублей. Ну не может он

отдать пятьсот рублей за хлеб...

А.В.: Так и умирали с деньгами?

Н.К.: С деньгами умирали. А мы, студенты, пошли работать сразу. В грузчики. Ну и грузчик: скелет! Ой, Господи... На него мешок положи — как надгробная плита: на полу распластался, и все. Подымай вместе с мешком... Но ничего. Натаскались хорошо. Потом стали работать за десять рублей в день золотом. Золотая десятка была в то время три с половиной — четыре тысячи. Тут уж если работаешь, то надо есть. А если не будешь есть, не будешь работать. Так что все, что было, все съели. Остались только одни ботинки. Американские. Потому что ноги кормят грузчика...

глава третья «узбекские университеты»

Н.К.: Сто килограммов мешок был стандартный. По лестнице вверх-вниз. И почти бегом. Первый вагон мы грузили сутки. Бригадой. Шесть человек. Интересно, что половина бригады — евреи. Представляешь еврей-грузчика? (Смеется). Только в анекдоте сейчас может быть. Ребята хорошо работали. Когда научились. Стали мы втроем грузить вагон за полтора часа.

Я могу украсть (узбеки научили) мешок муки при солдате. Будет стоять рядом с ружьем, могу украсть.

А.В.: Как это?

Н.К.: Вот так вот, запросто. Не скажу, а то еще воровать пойдешь... Вот я иду в трусиках и в маечке. И кило сахару я уже упер. А иначе я и работать не буду — я же ноги протяну. Сначала нас не принимали в грузчики эти местные узбеки. Потом видят, что мы стараемся, и стали рассказывать все эти фокусы.

Бригада должна быть слаженная. Без звука должны знать, что куда бросить, положить, как внимание отвлекать. Студенты местные (наши, по-моему, в этом не участвовали) украли цистерну подсолнечного масла. И очень просто украли. Они ее даже не трогали. Они открыли эту цистерну и спустили масло в арык. И ушли за забор. А там бидонами из этой канавы бери сколько хочешь.

Потом мы уже работали на винзаводе. Который делал вино для Кремля. Вот там я узнал, что такое настоящие вина. Ой, какие... (вздыхает). Больше таких уже никто не увидит. Никогда.

А самые сладкие воспоминания, связанные с грузчиковой работой, — это как открывали двухсоткилограммовые бочки с сахариним. После этого сахару не надо целый месяц. Облизался и пей, сколько хочешь. Все пропитывается. Откроешь бочку — оттуда эта пыль с сахариним летит. Ой, противно как...

Из Ташкента уже обратно — в Ленинград. Я ехал на «Красной стреле». На крыше, правда, опять. Меня в Бологом сняли черного, как паровозная труба. И отправили обратно в Москву. Хорошо, там знакомая се-

**УМИРАЛИ
ЛЮДИ
С ДЕНЬГАМИ.
ОСОБЕННО
УЗБЕКИ...**

мья была генеральская. Отмыли. Обули. Одели. Обрезали шинель американскую по закону, сколько положено. Пришлепали погоны старшего лейтенанта. Дали оружие. И отправили в Австрию (смеется). Чтоб угомонился.

А.В.: А в Австрию зачем?

Н.К.: Заграничная командировка... Снимать оборудование. В День Победы уже были там, за границей. Специальная группа была: заводы разорять. Так это мы не их разорили - мы себя на несколько десятилетий отодвинули назад. Потому что мы сняли все изношенное и поставили у себя. «Заграничное»! Они поставили все новое и нас перегнали. Они сейчас живут, а мы все мучаемся на этом... Нашим оборудованием, снятым, была завалена железная дорога от Ленинграда до Царского Села...

глава четвертая «маяковская» специфика

А.В.: Многим горожанам запомнилась ваша статья в журнале «Совершенно открыто», посвященном Озерску, об опыте... как бы это помягче...

Н.К.: Ну всем понравилось, как я воровать учил на атомном заводе. Такое хобби у меня (смеется). Нужно, чтобы завод чувствовал напряженную обстановку, что если он будет дремать, то у него все растащат. Так пусть хоть тренируется что-то спасать...

Вот из режимного цеха, где выходят люди полностью раздетые, в душе моются, идут и дальше одеваются в свое, ну что ты украдешь?

А.В.: Ничего.

Н.К.: Все что угодно. Что угодно. Психология... Я вызываю дежурного офицера и говорю: «Вот у нас цветы стоят, нужно выставить на улицу. Пусть подышат». Выставляем на улицу цветы. У меня там лимон был большо-ой, плодоносил. Потом в другую смену приходим, говорю: «Там кто-то приедет, мы вытащим к Ленину». (У нас там Ленин был на площадке, уже за цехом). Вытащили туда, поставили. Потом приехал автобус со знакомым шофером, говорю: «Давай, отведи». Погрузили, поехали. Все.

Посуду надо утащить? Любую я утащу. Наливаю воду: «Девчата, идите, полейте цветы». (Я начальник, я имею право сказать). Они берут эту химпосуду, вышли, полили там цветочки на газончиках, банки «забыли». Кому надо, тот подойдет. Э... Я эту посуду забрал, отвез в Кыштым. А взамен получил другое. На фарфоровом заводе.

Так что... Если хочешь, все можешь сделать. Я как классический образец привожу такой. У меня было железо КПо8. Это «сталь кипящая», автомобильная, на кузова. Она тянется очень хорошо. Из нее можно выдуть шарики. Вот как украсть лист железа из режимного цеха? Проще простого. Написал: «Да здравствует 1-е Мая!» И пошел. И все. Больше ничего не надо. Тебя

СЕЙЧАС ХОРОШО. НЕ БОЛЯТ. НИ ОДНОГО ЗУБА НЕ ОСТАЛОСЬ.

все выпускают, все под козырек.

А.В.: Как транспарант?

Н.К.: Ну да. Вытащил на улицу, бросил. Потом в гараж принес, положил... Можешь написать «Да здравствует 7-е ноября!».

Мой коронный номер был: когда я уходил из цеха, закрыл сейф и ключи положил в него, внутрь. И ушел. Вот пусть они думают, как это сделано.

Меня из 1-го отдела звали, я и там открывал сейфы. Привезли новые сейфы без ключей. Я: «Только никому не говорите». Таких обычно на учет берут. А один сейф мы открыли так: тащили по коридору, пока тащили от входных дверей до комнаты, открыли, посмотрели, что в нем, закрыли. (Слегка кокетничая). Ничего хитрого нет. Это секреты все липовые. Что один знает, то уже все.

Я мачту сделал на заводе. Для яхты. 11 метров. Ну представляешь: 11 метров? Лакированная, там пазы всякие... Все «цельнотянутое», как мы говорим...

За все-то время на заводе 20 попался, по-моему, только один человек. Взял пилу двуручную и намотал на себя. Дурак. Ну нет бы взять, одеться и сказать охране: «Выходим пилить лес». Его бы выпустили. А он...

А.В.: Во время работы на комбинате какие-то неординарные ситуации были?

Н.К.: У нас? У нас было несколько Хиросим. Так тогда же все секретные были...

Вот из-за чего получилось, что не построили атомную станцию? Если бы наши руководители, извини меня за выражение, были бы людьми, были бы честными людьми, без секретин без этих, все было бы нормально. Ведь начали вешать, как сейчас тактично говорят, лапшу на уши. И когда эти «зеленые» и всякие другого цвета начали выступать, надо было вежливо людям объяснять, в чем дело. А мы же наводили тень на плетень.

И это меня бесило тогда... Я тоже много говорил, что путного дела на лжи не построишь. Один наш журналист до такого вот опустился, что когда выступало челябинское радио против строительства АЭС, то он сказал: «Собака лает, ветер носит». Это отношение к коллегам. Вот и получилось: собака лает, электростанция стоит. Разворованная.

А потом, ведь вообще говорили вначале так, что она никому не нужна, кроме этих, самих строителей. Потому что один кирпич сюда, другой кирпич на дачу. Вот. И в подтверждение этого, разговор недавно был,

что у нас электроэнергетики так много, что не знаем, куда девать. Вот, вчера-позавчера шел разговор насчет угля и что экспортировать надо электроэнергию. В Тюмени ее навалом. Чубайс вон тоже отключает Россию, а ведь продает за границу, в Китай... Если бы завод, комбинат вел себя прилично, говорил честно, атомная электростанция сейчас бы работала.

А то, что мы вели себя по-хамски, высокомерно... Снарядили шесть автобусов наших мужиков, посадили, и они там челябинским бабам хотели показать (уже начали штаны расстегивать), какие они здоровые мужики. Что они весь Челябинск могут «разложить»...

Назначенный директор этой атомной станции брюхом лежал на трибуне и чего-то там такое вещал. После погорел, поймали и засудили. Здесь вот, в Кыштыме. Это... Какая-то абсурдная политика была...

Я говорю: ну сделайте вы автобус, поставьте самовар, поедете по татарам — они чай любят, по башкирам — тоже. И поговорите по-человечески. А не через губу, что мы плевали, мол, на вас...

Это высокомерие вот и обернулось так. И до сих пор говорят, что наш народ, вот тут, самый высокопрофессиональный. Да никакого там профессионализма не нужно в этом производстве. Там одно и то же. Долбишь и долбишь, долбишь и долбишь... Тупая работа, как везде, где поточно-серийная... Ответственность — другое дело. Вот если две тележки съедутся — может взорваться. А ума для этого не надо.

глава пятая «АТОМНЫЙ» ЗАГАР

Н.К.: Да... Так вот, у нас были Хиросимы. Мы же люди темные были, когда в таком большом количестве стали перерабатывать плутоний и уран. Вот одна из таких Хиросим. В 11-й комнате первого цеха завода 20 была такая большая воронка, в которую был налит этот раствор плутониевый. Для того, чтобы его слить, ее взяли и наклонили. Изменили объем, форму этого раствора. Он взорваться не может, он вскипел. Вскипел с большим выделением фона. С разбрызгиванием. Получилась цепная реакция, но такая тихая, без взрыва. Все погибли. На глазах побелели волосы у них через несколько дней. В живых никого не осталось.

У нас же как работали!.. Аппарат какой был контрольный? Открываешь краник, повернул, и слушаешь. Если внизу закричали — значит, потекло. Большей частью не туда, куда надо. Вот такая система была. Это сейчас там уже всякие рогатики, а тогда на морду — тряпку марлевую с ватой и кассету — на подоконник. Если ты дозу переберешь — значит, премии лишают.

А если ты не держишь кассету при себе, тебя тоже премии лишают. Вот как хочешь, так и делай. А теперь мы напоролись на то, за что боролись. Кассеты лежали на подоконниках, а теперь смотрят в записи: «А у вас там облучения никакого нет». Ну, конечно, от окошка-

то какое будет облучение...

А.В.: Кассета фиксировала облучение?

Н.К.: В кассету фотопленка заложена. И она темнеет. И по потемнению фотопленки судили, на сколько попал... Ну я же носом вожу по стеклу. У нас к концу смены, в понедельник к утру (в воскресенье — выходной) набиралось больше пуда плутония в камеру. Камера горячая.

Все слитки разбрасаешь в разные стороны. Каждый слиток около килограмма. Вот его показывали на днях по телевизору. Разбрасаешь, камера вся греется, и они друг на друга действуют, греются. А у меня тогда зубы здорово болели. Так я этот слиток — в рукавичку и на щеку. Сейчас хорошо. Не болят. Ни одного зуба не осталось. Зато со стоматологами симпатичными познакомился. Вот... Хиросим было несколько. Я уж сейчас не скажу сколько, около пяти, наверное, таких самостоятельных взрывчиков.

А то, что охрана стоит... Выбрасывали на помойку слитки. Главный инженер и директор завода по помойке лазили, ходили, искали.

А.В.: Случайно?

Н.К.: Да... Поэтому когда говорят, что здесь все на учете до миллиграмма... Да, до миллиграмма. Все торгуемся, считаем, потом вдруг — раз: куска не хватает...

А.В.: Все болячки тоже оттуда? От работы?

Н.К.: Да кто его знает... Я не знаю. Моя жизнь опровергает вообще все эти теории. (Смеется). Тьфу-тьфу... В живых-то никого не осталось. Я две смены похоронил. У Маринки⁴ — рак легких. Умерла. Девчонки погибали, умирали «пачками». Все могилки рядышком у всех. Аню Евсикову только на старом кладбище похоронили.

Вот как-то Челябинск стал делать со мной интервью, меня подсунили Селезневой. Леночке. Мы поехали на кладбище делать эту съемку. Так вот было 24 минуты откровенного разговора, Фетисов⁵ напугался. А чего испугался? Что атомная бомба круглая? И что она взрывается? Так это и дурак знает. Что я сказал, что слитки в камере лежат? Ах, секрет какой! Ну?

Челябинцы меня спрашивают: «А что такое атомный загар?» Говорю: «Я могу показать, что такое атомный загар». У нас стояла посудинка под камерой, которая облучала нам ноги. Вот тут свинцовая защита, вот тут две большие дырки, это рукавицы всунуты. Тут стекло свинцовое такое, что через него ничего не видно, носом водишь. Поэтому глаза у всех «побиты». А загар... Ну, если ноги долго не мыть, то они будут вот такого цвета. Вот. (Закатывает штанины, которые скрывают коричневатого-лилового цвета щиколотки).

И до сих пор они так и не поняли (смеется): то ли их разыграли так, то ли это на самом деле и есть атомный загар... А вот что мы делали (это совершенно секретно!!!) — мы добывали америций зачем-то... Чтобы загадить земной шар до невозможности.

Я тогда им не сказал, что америций. Теперь уже можно. Его тут кто-то упоминал...

глава шестая «мармеладные» берега

А.В.: Не возникает ощущения ущемленности какой-то?.. Допустим, по сравнению со своими коллегами заграничными. Американский атомщик-пенсионер, наконец, живет немножко лучше.

Н.К.: Так это стыдно. Стыдоба. Американский атомщик отработал три года, и на всю жизнь обеспечен. Наш — всю жизнь работает, на три года не может себя... Уехал в отпуск — оттуда пешком идет... Что это такое? Зато у нас разворовывают столько, сколько вся Америка не может наворовать. Все воруют, все воруют. И везде воруют. Недавно вон где-то плутоний украли. Кому он нужен, я не понимаю.

А наше убожество? Идешь в «атомную больницу», в ФИБ, со своим термометром, со своей кружкой, со своей ложкой. Это же позор. Кому позор? Не нам. А мы себя ущемленными не чувствовали. Мы привыкли жить в этом навозе. Мы всю жизнь так живем.

Мы боимся милиции, мы боимся воров, мы огораживаемся от всех. Мы всю жизнь нищие. Вон барахла всякого — дом забит, все старье держишь, потому что нового ничего не купишь. Не ущемленным... А обидно по сравнению с этими, конечно, с американцами со всякими... Обидно, что, если не украдешь, то жить в России не будешь. Будешь прозябать.

А.В.: А как же знаменитые «комбинатовские» льготы?

Н.К.: А-а-а... Льготы... Семь лет я не доработал до льгот. Это бюрократические штучки. Например, был участок, назывался «А». Со льготами. А его переименовали в «Бе-е-е». Без льгот. Все. И податься некуда. Все разбежались бухгалтеры — и спросить не с кого.

Участвовал в этом... В «погроме» 57-го года. В поле работал. Прямо с первого дня. Корова в поле, которую убивают, естественно, документов никаких не дает. Деревья, которые рубили и народ, который выселяли, — тоже. Сюда приехал — каждый год писал заявление. Просто уже ради интереса. Потом в этом тысячелетии бросил писать. Бесполезно. «Нет документов, нет архивов». У них нет. А у меня они откуда возьмутся?

А.В.: То есть вы так-таки и не «ликвидатор»?

Н.К.: Нет. (Смеется). Я — следствие этого «ликвидаторского» движения. А ведь люди как получали? На вертолете пролетел над Чернобылем — есть. Здесь шифр в пропуске стоял — есть. Могу фамилии назвать. Два свидетеля... У тебя есть наглость двух свидетелей взять с собой и сказать: «Вот они свидетели, что я там был». И ты получаешь льготы. Пожизненно.

А.В.: А у вас что, свидетелей не было?

Н.К.: У меня хамства не хватило... Нет, свидетели были, почему... Но свидетели все... Сережка Афанасьев — тот уже ходить не мог, когда я столкнулся с этим де-

лом. Вымерли все свидетели-то, вообще говоря... А потом, это не в душе, чтобы вот так прийти и... Я говорю: «Я там был». А мне не верят. Ну и... (машет рукой). Воля ваша.

Да... Так я и ушел, не доработав до льгот. БТЗ⁶ у нас на заводе было такое хорошее. Вот они переименовали участок — и все, бейся не бейся... Ну, потом хорошо, вышли вот с 20 завода Лубнин и Опрокиднев. Они подали в суд. Оформили все дела, отсудили нам компенсацию. Мне 23 тысячи дали. Вот. А до этого судились, так мне тоже дали компенсацию. В аккурат на набойки хватило. Цена пустой молочной бутылки. Так нас благодарил Родина... (смеется).

А.В.: А вот, если бы была возможность поехать за границу (сейчас, предлагали бы пенсию и так далее), поехали бы?

Н.К.: Ни за что! Ни за что! Ни за что. Я знаю: вот я вышел отсюда, я один живу (спохватывается, вспомнив про двух котов), вот мы трое живем.... Нет, сейчас уже четверо, комар еще, которого я убить не могу... Мне захотелось поговорить — я пошел на базар и разрядился. У меня полбазара — знакомые. Все кричат: «Николай Палыч! Купи чего-нибудь!» Или к магазину подошел, к «Спутнику». Здесь ряд торговый, меня тетки знают. И я их знаю. Прошел мимо, возвращаюсь обратно, говорю: «Чего не кричали, что мне огурцы надо купить?» — «Николай Палыч! Огурцы купи!»

А за грани-и-ицей? Там же каждая шкура живет для себя. У нас к этому приучают, но еще не все... Старые не привыкли к этому. А Америка, та — особенная страна, что (ну как у нас сейчас) перешагнут через тебя и пойдут дальше. Мы к этому стремимся.

Нет, ни за что за границу, ни за что. Два побега у меня было оттуда, из-за границы. Тянет все-таки. Вот когда уедешь из своей страны, тянет обратно на Родину. Это я не знаю сейчас, как так люди спокойно уезжают. Не хватает этой соломы, сена, этих недостатков. Без них скучно жить. Нужно, как Райкин говорил, чтобы хоть чего-нибудь не хватало. (Смеется). А когда прилетели мы, посмотрел на это убожество после заграницы: крыши соломенные, грязюка... Думаю, обратно в самолет — уже фигу. Хода нет. Ну, все. Обжились. Живем.

**ВОТ, К ПРИМЕРУ,
ПРОПАЛ ЖЕНСКИЙ
РОД. УЖЕ НИКТО
НЕ СКАЖЕТ
«ЖУРНАЛИСТКА»,
СКАЖУТ ТОЛЬКО
«ЖУРНАЛИСТ».**

глава седьмая «ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ» «УИК-ЭНД»

А.В.: В какие годы лучше жилось?

Н.К.: В голодные студенческие годы жилось лучше всего. Это не я, это все говорят. Была цель, была стабильность и не было такого, как сейчас, неуверенного состояния... Этот доллар какой-то привязался... Пада-ет он, подымается... Раньше был наш рубль. Его дере-вянным никто не называл, был настоящий, хороший рубль. Сосиска с булочкой — рупь. В Сочи большой плакат такой был. А сейчас сосиска с булочкой — дол-лар, да? Не-ет! Подороже. На курорте.

...У нас же был русский менталитет, как говорят, общинность, соборность. Мы же народ были, объеди-ненный одной идеей, одной верой. Даже если никто ни во что не верил - все равно.

Ведь не было такого: «Это ваши проблемы». Это х-х-хамский американский лозунг. Мне одна врачиха в ФИБе сказала: «Это ваши проблемы», — я собрал ма-натки и ушел. У нас все проблемы были общие.

Тогда было интересней жить. И люди были добро-душней, и щедрее были. Хоть и нищие, да щедрее были. А сейчас я предлагаю телевизор бесплатно, у меня его не берут, говорят: «Денег нет, чтобы выку-пить». Я говорю: «Бесплатно отдаю!» Мне девчонка, которая лестницу моет, нищая, вообще-то говоря, от-вечает: «Я не могу у вас его взять, сейчас никто бес-платно ничего не дает». Это сумасшествие какое-то.

А.В.: А на ваш взгляд, что такое русский характер? Раз уж заговорили об этом...

Н.К.: Русский характер — был. Сейчас его этой рыночной экономикой портят. Это уже не в русском характере: судиться по каждому поводу, залезать в долги, какие-то кредиты, стяжательство... Ну, возь-му я у тебя в долг, так теперь еще и проценты должен отдать?! Этого же не было никогда! Без всяких распи-сок мы давали в долг, брали в долг. Сейчас это все по-ставлено на такую... Это не человеческие отношения. Это американские отношения. Ты сам по себе, я сам по себе. Все — «ваши проблемы»... «Я ваши проблемы уже не понимаю...»

Это не русский характер. Его стараются уродовать как только можно. Эта навязчивая реклама, эта похаб-щина вся, что прет по радио, по телевидению. В любое время включите на любом канале — стреляют. Причем из шестизарядного пистолета стреляют восемнадцать раз (смеется). Я специально считаю, ну... Ай... (горько машет рукой).

Нет, русский характер не тот. Русский характер у нас, пожалуй, в единственной организации остался: это МЧС. Там типично русские мужики работают.

У нас в ФИБе врачи, правда, русские тоже: за нищен-скую зарплату они работают и работают, держатся. Мо-

жет, уйти некуда... Нет, они привязаны к своей работе. Призвание. В медицину-то ведь не идут за славой.

А вообще, русский характер портится. Я покупаю рыбину (ну захотелось мне соленья) на рынке. Думаю, засолю, все дешевле будет. По незнанию су-нул без очереди. Какой-то мужик стоит рядом: «Вот, без о-о-очереди...» Я ему шепотом: «У меня коты с го-лоду помирают». Так он взорвался ведь, я думал, что всего его разнесет. Начал кричать: «Чтоб они сдох-ли, эти ваши коты!» Это ведь я без очереди влез, а не коты... Народ стал дерганный...

По улице я иду, сам себе анекдоты рассказываю. И, видно, у меня морда веселая. Останавливает дядь-ка один, говорит: «Первый раз за день вижу веселого человека». Все хму-урые ходят.

Нет. Русский характер пропал.

А.В.: Как вы относитесь к процессам, происходя-щим сегодня в русском языке?

Н.К.: Ой... (после тяжелого вздоха). Я, по-моему, больной на язык. Я не могу слушать вот эти «эксклю-зивно», мне кажется, что это что-то такое сопливое. «Шоу»... У меня почему-то со вшами связывается это «шоу». Не надо совать в русский язык «хеппи-энд». Какой «хеппи-энд»? Выходной!

А.В.: Вы имеете в виду «уик-энд»?

Н.К.: Ой. Да, «уек»... «Уек»... Тьфу!... (смеется). «Уик-энд» этот самый... У нас никто не знает, когда он начинается и когда заканчивается. А для него ведь определенные временные рамки есть. И вот эта ино-странщина — кстати и некстати. Причем большей ча-стью некстати.

Ну вот «элитные ворота». «Элитная свинья», я знаю, что такое. Это сало в четыре пальца. А вот «элитные ворота» я не знаю, что такое. Любой вор откроет эти ворота отмычкой или женской шпилькой. Какие они «элитные»?

Язык портит радио. Это же трансляция на миллио-ны слушателей. Особенно отличается наше радио. Не-которые преподаватели мне говорили: «Мы слушать не можем». Такие там иногда вещи говорят, что... Вот, к примеру, пропал женский род. Уже никто не скажет «журналистка», скажут только «журналист». «Она — создатель», «она — директор», она кто угодно, только не женщина.

Язык... Язык испорчен. Возврата, по-моему, уже не будет. Будет что-то проходить, что-то заменяться, но того, красивого языка не будет. Сейчас вы хороший язык можете услышать на «Радио-1». Это то радио, ко-торое было у нас до переворота. Вот там нормальный язык.

Хороший язык был на Би-Би-Си: когда первая вол-на выехала отсюда, люди с образованием, с наслед-ственностью хорошей не позволяли себе сказать: «я кушаю». Это недопустимо. А сейчас... Кто жрет, кто кушает... Все в одну кастрюльку. Сейчас такого языка уже нет. Чисто литературного.

глава восьмая. жизнь и смерть

А.В.: Вам сейчас сколько лет?

Н.К.: (С наигранным кокетством). Ах-ах! Секрет... (смеется). Восемьдесят четыре с гаком. Интересно, когда называешь... Пришел в больницу, сестричка говорит: «Год рождения». Я говорю: «Тысяча девятьсот восемнадцатый». Она: «О-ой, как интересно!..» Я: «Что, динозавра увидели, да?» Вот большинство так удивляется. Ну, наверное, сказались гены... и беспутный образ жизни. Потому что, когда за собой не следишь — долго живешь. Как начнешь стараться выжить, то обязательно Бог тебя настигнет.

А.В.: Чувствуете свой возраст?

Н.К.: Нет, не чувствую. По уму чувствую, что я вроде как еще ребенок (смеется). Недоразвитый. И прожитых лет не чувствуется, так, только обида на некоторые годы есть. Э-э! Было бы хоть одно умное правительство в России, так можно было бы жить нормально. Так ведь ни одного, ни од-но-го человека нет, который бы видел дальше своего носа. Это же убогость такая...

А.В.: Да ну их... Давайте лучше про вашу семью поговорим.

Н.К.: С семьей неудачно. Жены все умирают у меня. (Пауза). Вот Анна-то⁷ здоровая была вроде. Кубанская женщина. И то... Девятнадцать лет прожили вместе — умерла.

А вообще, я эти семейные разговоры, как вот сейчас принято: сколько раз кто женился, сколько раз развелся — не люблю. Это не в нашем русском духе, чтобы выставлять напоказ все эти дела. У нас, если кто развелся, так об этом говорили шепотом. А сейчас хвалятся. Была в «Московском комсомольце» целая полоса (случайно в больнице мне попалась): все разведенные артисты и сколько раз они женились. Похабщина. Противно читать. Скотный двор, вообще-то говоря. А не человеческие отношения...

А.В.: Четвертый раз жениться собираетесь?

Н.К.: (Оживленно). Вот интересно! Ситуация какая-то складывается идиотская. Я не понимаю. Людскую натуру я не понимаю. Это все равно что я на улице парню сказал, что гоню самогонку. «Николай Палыч, я никогда в жизни не поверю, что вы гоните самогонку». Вот, говори честно — будут думать, что ты врешь.

Кругом все: «Николай Палыч, вам надо бабу». Ну нельзя же жить одному, с кошками, в конце-то концов. Завел бабу.

«Она тебя ограбит! Они, бабы, щ-щ-щас такие все пошли! Беги от них!» (Хохочет). Ну что это такое?

Конечно, дома-то уже не получится сейчас. Нет. Но...

Я не могу смотреть на этих, на наших... Они же еще не успели родиться — уже стареют. Они сами на себя тоску нагоняют. Вот в больнице как увидишь кого... Я эти разговоры ненавижу: «Ну-у ка-ак живе-о-о-о-

ошь?» И вот начинается...

Уже больные. Уже больные. Есть медицинское определение этой болезни. Сами на себя нагоняют.

А вот такую жену найти, чтобы она была не старая, не молодая, чтобы она сумела выпить (в меру), чтоб не орала понапрасну - это сейчас очень тяжело. Такое существо в юбке уже временем испорчено. Уже заложено много всякого нехорошего. Нет. Теперь ничего не делаешь. Вот с кошками мы доживем свой век. На котов завещание написано, средства выделены... (котам). Похудеете вы у меня. После похорон-то...

А.В.: Отношение к жизни и к смерти изменилось с возрастом, с работой?

Н.К.: С возрастом меняется. С работой, наверное, не меняется. Вот шофер — ведь каждый день рискует, но не думает об этом. Есть определенный возраст, когда начинаешь об этом задумываться. О том, что она осязаемо кончается. Осязаемо. Вот еще встаешь утром, не думаешь. А вечером ложишься, думаешь: «А встану ли утром?»

Я, например, знаю, что некоторые дела уже не успею сделать. Некоторые я тороплюсь сделать. Вот это то, о чем не задумываешься в тридцать, в сорок, даже в пятьдесят лет. И когда в газете «ПРО МАЯК» было написано:

Я пожилой, я это знаю.

И мне придется в землю лечь,

Но одного не понимаю,

Зачем вести об этом речь...

Это поразительно! Воспитано было советским строем в течение семидесяти лет, чтобы написать это «гениальнейшее» произведение. Поразительнейшая тупость отношения к жизни и смерти. Только звери не понимают, что она существует. Человек должен осознавать конечность своего существования. В этом вся прелесть жизни, по-моему, что она же кончится когда-то: как компот, как пирожное, как семечки в кармане, в конце концов... Не так ли?

Религия тем хороша, что она воспитывала отношение к смерти.

У русского народа, у христианства всегда была подготовка к смерти как к продолжению жизни. Это всегда было. Ведь домовины готовили. Молодые не готовили, а старушка уже заготовила подвенечное платье для встречи с Христом. Одежку готовили, обувь. Все было.

Не собирали, когда человек умрет, не спешили в три дня уложиться, высунув язык на плечо. Все заранее. Писали завещание, отдавали распоряжения. Все это было по уму. Я не завидую священникам, которые отпевают, соборуют. Это самое тяжелое. Но... Вот у нас ведь как умирают... В ФИБе приходится умирать, не всех вылечишь. В больнице обязательно должны умирать. Ну не должны, а... будут умирать. И ведь никто не готовит, никто не поможет умирающему.

Ну посочувствуйте, скажите, что это еще не конец, что жизнь еще продолжается. Ведь если бы не было

смерти, так не было бы жизни. Что смерть — это прекрасно. (Смеется). Ее можно подарить врагам, в конце концов... Она дает жизнь. Упал листочек с дерева засохший, умер, дал другому — грибку — жизнь. Вот это нужно понять. А тут как только скажешь про смерть, так как будто ты зачумленный какой-то.

А потом у нас... Жил-то я за Нарвской заставой — дорожка на Красненькое, на кладбище. И сейчас опять у меня под окнами покойников возят. Что, страдать все время? Выйдешь на балкон, посмотришь: ну вот, поехал еще один.

А вот как хоронят, это уже другое дело. Грузовик почему-то с красной тряпкой на борту, и народ пришел, как на свадьбу разодетый: юбки чуть выше пояса (это мини называется, да?), мужики в брюках каких-то клоунских, со вставками. Это уже непорядок. Не по-христиански.

Меняется, Саша, отношение к жизни. Не в том смысле, что бесшабашно так «ах!», нет. А просто дорожишь каждым днем. Каждой минуткой. Вот когда не сделал, что хотел. Или вообще ничего не сделал, поленился, думаешь вечером: «Жалко, день пропал! Ж-жалко день!». Прямо как будто у тебя украли что-то. Время дорого очень.

Вот когда мне поставили диагноз, я столкнулся с этим... Это просто осязаемое ощущение смерти. Так вроде: все другие умирают, я, может быть, еще останусь. Есть такое. На кладбище такое впечатление есть. А когда мне поставили диагноз «рак легких», я думаю: все, это звонок уже настоящий, капитальный. И вот интересно отношение к смерти: я и врач. Я пришел, он мне делает гамма-терапию, а поскольку положил на спину, так, я скрестил ручки, а врач — песенку какую-то поет, мурлычет, я говорю: «Отпеваете?» А он: «Нет. Еще рано».

Вот, понимаешь, то, что он сказал, вот это «еще рано» — меня поставило на ноги. Потому что вот это — истинно христианское миролюбие: «Куда торопишься? Успеешь еще и там побывать, и тут будешь»... Чудесно он тогда мне сказал, Юрий Николаевич, гамма-терапевт. Это бывший детский врач, поэтому у него отношение к взрослому, как к ребенку. Я ему благода-арен...

А вообще, почему у нас в целом отношение к смерти беспутное?.. За 70 лет мы воспитали в себе дух бесконечного оптимизма. Мы такие уж-ж-жасные оптимисты, прямо до невозможности... Сказывается прошедшая наша эпоха. Сейчас церковь старается исправить, но это очень тяжело. Сознание ведь разрушается быстро, восстанавливается очень трудно.

Вот священник. Он несет тяжелую обязанность проводов умирающего: ведь все берет на себя, ведь все эти муки предсмертные, человек все-таки не сдается до самой последней секунды. И хорошо бы, чтобы рядом были и родные, и хорошо бы, чтобы рядом были дети, чтобы они видели конечность жизни и ценили ее.

Ведь сейчас дети не ценят совершенно. Вот эта молодежь, новенькая, маленькая, эти охмуренные пивом и наркотой, они же забивают своих товарищей

А НАШЕ НАЧАЛЬСТВО ПАРТИЙНОЕ КОГДА УМИРАЛО, ТО ОНО МАТЕРИЛОСЬ НА ВСЕ ТРИ ЭТАЖА...

насмерть... Они не знают, что такое боль, сопереживание, сочувствие... Они ничего этого не знают. Они не видели смерти своих близких, чтобы могли понять, что это такое...

Мне пришлось насчет смерти поговорить с достаточно большим количеством людей из той компании, с которой мы приехали. Ведь умирали они все (я исключение) в одно время. Вот моя жена и жена Евсикова... Это завод 20, первый цех. Они самые первые, кто приехал и в 1948 году. Те, которые, собственно говоря, сляпали атомную бомбу на своих пухлых коленочках. Вот эти девчонки все умирали одновременно.

И вот я бы сказал, что этим девчатам... Церковь должна бы представить их к святым. Так, как они умирали, это навряд ли кто другой способен... Маринка мне вечером, накануне (я видел по глазам: что-то не то), просто сказала: «Это все?».

А наше начальство партийное когда умирало, то оно материлось на все три этажа: «Вы, врачи, такую вашу мать, не можете ничего сделать...» Вот видишь: отношение к смерти...

И главное, что меня угнетает, — бежать за деньгами на похороны. В собес. Доставать справки, доказывать, что ты не живой уже, а на том свете...

Когда умерла жена, я не ходил. Никаких денег не брал. Мы хоронили на свои. Унижаться? Проработать всю жизнь, отдать жизнь этому комбинату и еще просить у него на похороны?! Я считаю, это унижительно...

Все это приходит с возрастом. Когда ты начинаешь вычеркивать из своей телефонной книжки одного, второго, третьего... У меня список всех, кого нужно поздравлять с днем рождения. Так были поздравления с днем рождения, а сейчас стоят крестики. Вот тут уже начинаешь задумываться.

И потом, есть болезни неизлечимые, когда надежды уже нет. Вот тут начинаешь думать не как вывернуться, а как достойно это встретить. Я до сих пор (с 97-го года, как мне поставили диагноз), до сих пор хожу на гамма-терапию. И когда я вижу, там сидят люди, в душе уже на том свете, я стараюсь сделать все, чтобы показать им, что жизнь еще не кончилась. И я вот хотел на этом учреждении гамма-терапии сделать объявление: «Входи сюда с надеждой! Будешь жить!» И мне удастся их там развеселить...

И когда взрослый человек, ветеран заявляет: «За-

чем вести об этом речь», — то я встаю на дыбы.

Зачем вести об этом речь? Мы ходили с одним из... Как он называется, горкомовский работник-то главный... Секретарь горкома, вот! С ним походили по кладбищу, посмотрели на могилки первых жертв. Это свалка покойников в смеси с металлоломом. Конечно, слова «унижение» для покойника не существует, но... И никто из живых об этом — по принципу «зачем вести об этом речь» — не побеспокоился.

Вот. И можно пофилософствовать насчет смерти. Потому что как-то Монтень сказал, что философствовать — значит учиться умирать. Человек тем и отличается от свиньи, что он иногда отрывается от поисков подножного корма и смотрит на звезды.

А у нас уже шеи не гнутся... Мы назад оглянуться не можем. И на звезды посмотреть... И Цицерон за сто лет с гаком до Рождества Иисуса Христа сказал: «Жизнь философа — это постоянное размышление о смерти». Вот если человек не философствующий, то он, собственно говоря, ни о чем и не думает. Только пожать, выпить-закусить и...

Ни один уважающий себя философ не обошел своим вниманием тему смерти. А ученым — сам Бог велел. Очень много ученых, занимающихся этим вопросом. И очень много сходства во всех религиях по этой теме.

А.В.: Тут, наверное, еще зависит от того, во что человек верует. Если он верует в загробную жизнь и принадлежит к той или иной конфессии — это одно. Если он ни во что не верует, то... Ну и действительно, «зачем вести об этом речь»? «Бери от жизни все» — и свободен...

Н.К.: Саша, не может быть человека, ни во что не верующего. Если даже он ни во что не верит, он все равно верит в то, что он не верит. Это ему кажется. Это все ерунда. Когда припрет, сразу начинают все верить. Как один. Все кричат первое: «Мама!» И: «Господи Боже, помоги!»

ЭПИЛОГ

А.В.: Книга еще не дописана?

Н.К.: Нет. И конца не будет. Правда, я последнюю страничку написал уже. Сам себе написал этот... Как он называется... Некролог. Потому что вас, журналистов, обременять я не хочу. А вот до некролога я доберусь... Физически я доберусь, а интеллектуально, чтобы все написал... Немыслимое дело. Все время новое и новое открывается. Вот, например, был ФИБ, а стал Центр профилактической какой-то медицины. Раньше были ложки в ФИБовской больнице, а теперь ложек нет. Были градусники, теперь градусников нет. Прогресс все-таки.

Нет. Конца не будет...

* * *

...Идя по своему полю, Куликов, похоже, когда-то прошел мимо поворотного пункта «Старость». Бывает такой редкий вид людей, которые забывают постареть: то ли жизнь любят больше, чем их сверстники,

то ли она — их...

Но, наблюдая, с каким азартом Николай Павлович в восемьдесят с гаком осваивал компьютер, интернет, цифровое фото, мобильную связь и спутниковое телевидение, как он писал маслом копии картин известных художников («кто-то поет чужие песни, а я пишу чужие картины»), я ничуть не сомневался, что старость ему действительно не грозит.

Он с какой-то ненасытной жадностью постигал все новое и спешил тут же поделиться своими знаниями с окружающими. И порой удивлялся и искренне возмущался, когда в своих собеседниках обнаруживал ту самую черту, по поводу которой еще Пушкин говорил: «Мы ленивы и нелюбопытны...».

Николай Павлович вообще был очень искренний человек. Искренне любил. И искренне ненавидел. Искренне радовался. И искренне сердился. И то, и другое — с размахом. И то, и другое — по-русски. На всю катушку. Любил шумные компании. Любил угощать.

На стене его квартиры остались автографы генерального директора «Маяка», юристов, журналистов почти всех городских СМИ... Любого человека, который оказывался в этой квартире впервые, Николай Павлович заставлял написать пару строк и расписаться. На вопрос «зачем?» неизменно смеялся: «Хочу, чтобы эту стену несли за моим гробом и установили на могиле...»

Он умер не от старости. Просто, может быть, в какой-то момент ему не хватило нашего тепла, нашего внимания, нашей простой человеческой поддержки. И одиночество нанесло ему последний удар.

А может быть, это просто напомнила о себе позабытая на время болезнь.

Он всегда ценил хорошую компанию. Может быть, поэтому Бог забрал его в один день с Кириллом Лавровым и Мстиславом Ростроповичем.

Но в любом случае, когда уходят личности такого масштаба, в мире становится холоднее. Просто потому, что еще одним горячим сердцем стало меньше.

А я все время жду, что раздастся телефонный звонок и хриловатый голос, грассируя и время от времени срываясь от сдерживаемого смеха (или гнева) на фальцет, сообщит очередную потрясающую новость из жизни страны или его компьютера...

1. V.I.P. — very important person (англ.) — очень важная персона.
2. Печально знаменитое здание КГБ на Литейном, 4.
3. Виктор Викторович Конецкий (1929-2002), известный питерский писатель-моряк.
4. Жена Николая Павловича.
5. В.И. Фетисов — тогдашний генеральный директор РО «Маяк».
6. БТЗ — бюро труда и зарплаты.
7. Третья жена Николая Павловича.

for a living planet®

ПОМОГИТЕ ПРИРОДЕ –
ПОДДЕРЖИТЕ WWF

© WWF-Canon / Michel Gunter

Данная реклама является бесплатной

Однажды один из основателей Всемирного фонда дикой природы (WWF), известный ученый и художник-анималист **Сэр Питер Скотт**, увидел в лондонском зоопарке диковинного черно-белого медведя. Это был медвежонок Чи-Чи - первая панда, попавшая в Европу. Изображение этого добродушного, нуждающегося в защите животного, стало логотипом нового фонда - Всемирного фонда дикой природы (WWF). С тех пор панда стала символом

большого общего дела по спасению и сохранению живой природы нашей планеты. Сегодня у WWF более 5 миллионов сторонников во всем мире, а панда является покровителем не только своего прототипа - большой панды в Китае, но и других редких видов, а также лесов, морей и рек...

Помогите заповедной природе, поддержите WWF!

Звоните: (495) 995 00 00

Заходите на сайт: www.wwf.ru/help_us

**www.
wwf
.ru**

александр гришин

инфаркт

...сердце проснулось.

Он спички нашарил впотъмах.

Дверь отшатнулась.

Он вышел и встал у порога.

Песня отхлынула, звезды рассыпались в прах.

И, ко всему, из-под ног убежала дорога.

«Не оставляйте меня, — прошептал. —

Не оставляйте меня...»

И на большее сил не хватило.

Вышли слова. И, немые, замкнулись уста.

«Не оставляйте меня...» тишину разбудило.

(Поздний прохожий замедлил шаги у плетня...).

...Вечность спустя он очнулся в больничной палате.

«Не оставляйте, прошу вас, меня на меня,

Не оставляйте, пожалуйста, не оставляйте...»